

Письма П. П. Семенова
сыну Андрею Петровичу

© 2017 М. А. Семенов-Тянь-Шанский, А. Ю. Заднепровская
Составление, редакция текста, примечания, компьютерная верстка.

<1882 г.>

Милый Андрюша,

Очень тебя благодарю за милое и обстоятельное письмо.

Относительно упрямства Вени¹ скажу тебе, что это такой же физиологически-психологический недостаток, как норов у лошади, а проявляется он конечно в формах, соответствующих летам и степени развития. Прямым путем, как доказывает опыт, победить проявления этого недостатка нельзя, а обойти его с некоторым умением и приобретенным авторитетом всегда можно: у умелого кучера и лошадь с норовом обойдется, а неумелому с такою лошадью и на козлы садиться не следует.

Очень грустно мне без Вас, мои милые: даже и за город подышать свежим воздухом без Вас ехать неохота. Вчера вечером голова отказывалась работать и мы съездили с Митей² на Крестовский; ветер был сильный и холодный; мы конечно ничего не нашли, кроме двух *Carabus granulatus* и ничтожной мелочи. Сегодня воскресенье, а погода пасмурная и дурная.

Не ленись ездить на экскурсии с Олей³ и другими детьми: поезжайте непременно в Голицынский лес. А главное, я надеюсь, что ты относительно мамы будешь безукоризнен и не доставишь ей ни делом, ни словом ни малейшего огорчения.

Обнимаю тебя и целую Олю, Веню и всех детей.

Всей душой твой П. Семенов

¹Вениамин, сын П.П Семенова, гимназист, ему было 12 лет.

²Дмитрий Петрович, старший сын П.П Семенова, статистик, служил в Министерстве земледелия.

³Ольга, единственная дочь П.П Семенова, художница.

23 июня <1884 г.>

Милый Андрюша,

Только что получил твое письмо и сейчас отправляю ответ. Лупу я захватил с собою и привезу. Банки, тебе отделенные, остались на столике в зале, я же захватил все остальные, которых впрочем не особенно много; все привезу и все устрою как ты пишешь. Явлюсь в Саратов в тот день (11 или 12), как определится из ожидания мамы.

На приобретение крокета на мой счет, конечно, не может быть сомнения в моем согласии. Очень желаю скорее и успешно с Вами встретиться. Я уже предупредил Шмидта⁴ о нашем прибытии в тройственном союзе. Здоровье мое, слава Богу, удовлетворительное.

Прекрасная теплая погода сменяется дождями и грозами. Уловы жуков хорошие. Еще несколько новых для фауны видов, а именно, *Callidium violaceum*, *Plateumaris affinis*, *Chrysomela hyperici*, которую нахожу в первый раз.

Мух я собрал очень мало; ни ловить их, ни сохранять их неповрежденными в баночках не умею.

Всей душой твой П. Семенов

Поцелуй Сашу⁵.

Из Петербурга известия, что Гриховецкий выслал маме от Де Кастри 15000 жуков. Цифра почтенная.

⁴Самуил Григорьевич Шмидт, немец-колонист, управляющий бывшим имением Андрея Пафеновича Заблоцкого-Десятовского, находившимся в Николаевском уезде Самарской губернии. Оно принадлежало пополам Елизавете Андреевне Семеновой и ее сестре Ольге Андреевне Саблер.

⁵Александр Иванович Яковлев (1863–1909), энтомолог, племянник Надежды Павловны, жены Николая Петровича Семенова. Подростком, Саша Яковлев по зимам жил у тетки в Петербурге и таким образом сдружился с Андреем Петровичем. Вместе с ним окончил естественное отделение Петербургского университета, но академической карьере предпочел жизнь в деревне, работу в земстве и просвещенное «любительство». Постоянно проживая в своем имении Бердицыно (в 20 км юго-восточнее Ярославля), он досконально изучил местную энтомофауну. По словам Вен. П. Семенова, окрестности Бердицына «принадлежат к числу наиболее основательно обследованных вообще в энтомологическом отношении местностей России». Коллекция А. И. Яковлева хранится в Зоологическом музее РАН. В архиве Андрея Петровича сохранилась папка его стихов.

3

22 июля 1886 г.

Благодарю тебя, милый Андрюша, за обстоятельное письмо. Мы наслаждаемся в деревне, нога моя почти совсем поправилась, но так как я слишком много ходить еще устаю, то мы более ездили, чем обыкновенно: уже были в Зеркалах, Казачьем, Рязанке, Голицынском лесу и в своем.

Энтомологическая добыча обильная. Каталог дополнился тремя номерами: *Anthaxia sepulchralis*, которую я находил только в Харькове, а ныне нашел в Зеркалах, *Leptura interrogationis* в Голицынском лесу и *Malachiris viridis?* в Казачьем.

Из редкостей я наконец нашел там *Claviger testaceus* у нас в саду и *Calomsoma inquisitor* в превосходном экземпляре под дубом у нас в лесу.

Погода превосходная, при нас было два дождя, хлеба пока отличные. Гроты⁶ приехали сегодня. Ждем не дождемся мамы.

Выеду аккуратно, так чтобы быть в Саратове 11 июня утром. Не забывайте.

Всегда душою твой П. Семенов

⁶Имеется в виду семья академика Я.К. Грота, женатого на сестре П.П. Семенова, Наталии Петровне. Гротам принадлежало имение Красная Слободка в нескольких верстах от Гремячки.

4

2 июня <1887> г., 9 часов по полудни

Милый Андрюша,

Зная твою аккуратность и расчетливость, с удовольствием посылаю тебе твои 25 рублей, хотя денег у нас в обрез. Благодарю тебя за милое письмо. Мы совершенно собрались, хотя я еще не укладывался, но мне на это более одного часа и не нужно, едем же мы в 6 часов. Охочинский⁷ у нас обедает и едет с нами.

Вчера к большому удивлению я получил из Каракола четыре стклянки с жуками, посылка пришла через Верный ранее землетрясения⁸ и не погибла. Лучшую половину уже я успел наколоть. Оказалось кое что интересное, хотя ничего совершенно нового в этом апрельском сборе.

Всею душою твой П. Семенов

Мама и Слава⁹ тебя целуют

⁷Петр Владимирович Охочинский † 1909, статистик, гл. редактор Центрального статистического комитета.

⁸28 мая 1887 г. в Верном произошло катастрофическое землетрясение, разрушившее весь город.

⁹Ростислав, младший сын П.П Семенова.

5

15 апреля. Петербург

Милый Андрюша,

Очень все обрадовались твоему письму Оле и второй о тебе весточке (первая получена от Ляли¹⁰) и разумеется порешили скорее тебе писать, но так как никто скорее меня не соберется, то это письмо ты получишь от меня (первое уже написал Веня).

Мы все здоровы и невредимы и встретили праздники благополучно. Погода у нас стояла солнечная и красивая, но холодновато: Нева прошла вчера, но разумеется, ничего не распустилось; но вероятно цветы уже есть где-нибудь.

Если Вы видели около Царицына Адонисы, а не *Tussilago* или *Ficaria* или *Caltha*, то это уже настоящая весна, какой у нас еще нет.

На Светлое воскресенье я был во дворце и был обрадован тем, что Василия Борисовича Бланка¹¹, исключительно по моему ходатайству, произвели из Коллежских Секретарей в Действительные Статские Советники, к немалой радости Анны Дмитриевны и всего семейства.

Ваш студенческий концерт <> и мама осталась чрезвычайно довольна студенческим оркестром и хором. На другой день после отъезда прислали из Академии прекрасно уложенный для тебя спирт, который я отправил с Яценко, заходившим к нам.

Саша Яковлев приехал в среду на Святой, был у нас, заключаю я о его будущем только то, что <он> обратится в помещика, выйдя в отставку, и может быть, угодит в земские деятели или со временем в земские начальники. Он, впрочем, очень сожалел что не мог встретиться с тобою, но едва ли эти сожаления глубоки и искренни, так как интересы минуты получили другое направление.

M-me Ратькова-Рожнова вышла замуж за кавалергарда, следовательно, для богатых невест 9-го разряда открывается вакансия.

Бедный Я.Н. Ростовцев¹² болен, и говорят, что будто у него начало чахотки. Дай Бог, чтобы это была неправда. Может быть он, как и его отец, поправится в хорошем южном климате, но Петербург останется для него надолго недоступным. О его здоровья писала его сестра...

Оля тебя приветствует, благодарит за всем нам интересное письмо и будет отвечать завтра или послезавтра.

На праздниках у нас конечно было много посетителей и раз за обедом было человек 15, в том числе Охочинский с женой (оба винтили после обеда). Валя¹³ подвигается в области фотографии: успешно снял памятник Н.Н. Семенова¹⁴.

Все тебя крепко обнимают.

Всегда душою твой П. Семенов

¹⁰Елизавета Яковлевна Вюрст, урожд. Грот, племянница П.П. Семенова.

¹¹В.Б. Бланк (1821–1897), троюродный дядя П.П. Семенова. Окончил Институт восточных языков, работал в русских дипломатических миссиях в Константинополе, Иерусалиме, Бейруте. Автор воспоминаний (Русский Архив 1897, кн. 3 № 1). С. 173–236.

¹²Граф Яков Ростовцев, друг Андрея, его заболевание чахоткой не подтвердилось.

¹³Валерий Петрович, гимназист, сын П.П. Семенова.

¹⁴Николай Николаевич Семенов (1796–1875), дядя Петра Петровича, был похоронен в семейном склепе на Новодевичьем кладбище. Там же был похоронен его сын Nicolas de Semenov, французский литератор, владелец имения Chêne Vert около Авиньона, умерший в 1886 г., а впоследствии и вдова Н.Н.Семенова ст. Любовь Андреевна (1801–1896). На могиле Н.Н.Семенова мл. стоял его мраморный бюст.

26 апреля <1889 г.>

Милый Андрюша,

С большой радостью и интересом получили твои три письма, и я тебе пишу уже во второй раз, хотя очень коротко. Самое интересное для нас это у нас Родольф¹⁵, слава Богу воскресший и на вид очень поправившийся; он вчера тебе писал. Другая новость: скончался Гр. Толстой¹⁶; я был вчера еще у него, когда он был жив, но уже безнадежен, и в доме его все окружающие были уже очень смущены. Конечно, о преемнике его в Министерстве и Академии еще нет речи.

Посылаю тебе два интересных для тебя письма: одно о единогласном избрании тебя членом Московского общества Испытателей Природы, другое от Fairmair'a¹⁷.

Летние планы наши выяснились наконец; мы с мамой и Славой¹⁸ едем в Чокрак прямо из Петербурга. (Славу с Олей захватим в Ряжске) в первых числах июня, а вернемся в деревню в первых числах июля, т. е. около времени твоего возвращения. Может быть, Родольф летом погостит у нас.

Все здоровы и благополучны. Мама тебя просит писать и о состоянии твоего здоровья. Дети из гимназии освободятся только около 22 мая, а Веня к 1 июня.

Всею душою твой П. Семенов

¹⁵Иванович Родольф Христофорович, сын хорватского графа, после смерти отца воспитанник П.П. Семенова, друг детства Дмитрия Петровича, окончил Кадетский корпус, офицер. См. о нем: В.П. Семенов-Тянь-Шанский «То, что прошло» т. I, с. 36.

¹⁶Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), в это время он был министром внутренних дел и президентом Академии Наук; одноклассник Н.П.Семенова по Царскосельскому Лицею.

¹⁷Leon Marc Herminie Fairmaire (1820–1906), французский колеоптеролог.

¹⁸Ростислав, младший сын П.П. Семенова, был болен костным туберкулезом. Его возили на грязелечение на разные курорты, в том числе и в Чокрак, расположенный недалеко от Керчи у лимана Азовского моря.

7

июнь 1889 г. (получено 19 июня)

Пишу из Лозовой, куда мы: я, мама, Слава и Веня прибыли благополучно, несмотря на то, что на Николаевской дороге наш вагон загорелся и наш купе прогорел. Все ограничилось пересадкою и потерей крючка, которым мама работала. Выехали из Петербурга на другой день после свадьбы, отвлекшей меня на целый день. Будем писать из Керчи, куда адресуй нам письма на имя доктора Добровольского. Если тебе нужно денег, могу выслать сто рублей.

Всею душою твой П. Семенов

8

13 июля 1889 г.

Милый Андрюша,

Мы едем с Веней на пароходе «Граф Коцебу» и через полтора часа будем в Феодосии, откуда и пойдет это письмо. Проехали мы из Петербурга от 5 июня до 8-го безостановочно в Севастополь. Оттуда на пароходе в Керчь и в Чокраке с 11 июня (14 верст от Керчи) устроили Лизу и Славу, а сами теперь делаем вылазку на южный берег. Высадимся в Ялте, а оттуда отправимся на несколько дней в Гурзуф, впоследствии заедем и к Данилевским¹⁹. До сих пор от жары не страдали.

Местность около Чокрака холмистая; лиман, отделенный от Азовского моря перешейком, окружен совершенно обнаженными холмами. Растительность скудная и

фауна очень бедна. Колеоптеров набралось однако же видов 100 и между ними два-три вида, мне не знакомые, между прочим, один маленький *Sphodris*.

Степь совсем бы уже выгорела, если бы не перепадали дожди. Посмотрим, что-то в садах южного берега и на Яйле. После нашей вылазки приедем в Чокрак к 1 июля, а затем, по окончании лечения Славы, поедem домой на Новороссийск, для того, чтобы не переезжать крайне неприятного Азовского моря. Маме очень хочется заехать во Владикавказ посмотреть на Военно-грузинскую дорогу.

Надеемся получить от тебя письмо. Я так всегда радуюсь твоим письмам, что их отсутствие для меня большое лишение. Что-то ты поделываешь и упорно ли производишь свои сборы и наблюдения; а также помогаете ли вы с Антоновым деятельно друг другу, когда бываете на разных местах. Уверен, что ты аккуратно ведешь твой дневник и записываешь все, что видишь, с достаточной разносторонностью. Впоследствии все пригодится²⁰.

Буду тебе писать и еще на днях.

Всею душою твой П. Семенов

По неисповедимым судьбам providения письмо это не отправилось из Феодосии и отправится завтра 16-го из Гурзуфа, куда мы прибыли вчера благополучно. Гостиница в Гурзуфе действительно великолепна, и даже стол превосходен.

Погода приятная, *прохладная*, по временам идет дождь, но по временам очень хорошо. Энтомологический сбор не особенный. Зато я присутствовал при раскопе могилы, произведенном студентом Московского университета Харузиным²¹, преподнесшим мне обширное свое сочинение «Киргизы Бухеевской орды», изданное Обществом естествознания, антропологии и пр. В Керчи видели множество интересных древностей, хотя в музее не были. В Феодосии были у Айвазовского и застали его.

Веня очень приятный спутник. Мы много ходим, экскурсируя, а он и рисует кое-что. Завтра поедem в Алушту.

¹⁹ Семья умершего Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885), старого друга Петра Петровича, биолога, философа, публициста, жила в имении Мшатка. См.: В. П. Семенов-Тянь-Шанский. «То, что прошло» т. I, с. 249–250.

²⁰ Весной и в начале лета 1889 г. Андрей Петрович вместе с ботаником А. А. Антоновым предпринял поездку в Закаспийскую область.

²¹ Алексей Николаевич Харузин (29 февраля (12 марта) 1864 — 8 мая 1932) — этнограф и антрополог, бессарабский губернатор, сенатор. 21 февраля 1931 года арестован вместе с сыном Всеволодом по обвинению в антисоветской агитации. 3 апреля 1932 года постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ осужден по статье 58-10 УК РСФСР к высылке на 3 года. Умер 8 мая 1932 года от сердечной недостаточности в больнице при Бутырском изоляторе. Его сына приговорили к 10 годам заключения в лагерях. В 1937 году он был расстрелян.

Милый Андрюша,

Пишу тебе это письмо из Алупки. Мы на пути к Данилевским, куда отправляемся завтра. С мамой, находящейся в Чокраке, находимся в переписке. Были из Гурзуфа в Алушту, а оттуда ходили в монастырь Св. Кузьмы и Демьяна, который находится в том же буковом лесу, который занимает склон Чатыр дага. Жаль, что пробыл в лесу недостаточно долго; нашел однако четыре экземпляра *Carabus Descani*?

В Крыму настоящих жаров еще не было. На Яйле, куда мы поднимались из Ялты, было порядочно холодно. Два последние дня были теплые. Сейчас на своем балконе угощаем Н. А. Малевского, двух его сестер, Мме Протопопову и Владю, ея сына²².

Темнеет, и я спешу окончить тебе письмо. Я написал Н. Н. Левисову, предупредил его, что если бы вам понадобились деньги на обратный путь, он бы открыл вам кредит на сумму от 100 рублей до 200 рублей.

Всею душою твой П. Семенов

²²Елена Васильевна Протопопова (рожд. Алексеева) — свойственница сестры Елизаветы Андреевны, Владя (Всеволод) — ее мл. сын, Н.А.Малевский — ее племянник, секретарь благотворительного Патриотического общества, впоследствии посланник в Японии и сенатор.

10

9–21 июня 1891 г. Берлин

Милый Андрияша,

Сегодня день твоего рождения; мы пили втроем твое здоровье рейнвейном, а теперь я собрался написать тебе письмо, зная что в своем одиночестве ты любишь получать письма.

Темою письма избираю посещение мною здешних энтомологов. Сегодня (воскресенье рано утром) отправился я по твоему адресу к Вейзе²³. По старому я знаю Берлин хорошо, но новые части города мне не известны.

Когда я жил в Берлине, тогда на месте Griebenstraße были ржаные и картофельные поля. Теперь широкая улица и высокие дома. Вейзе оказался очень симпатичным человеком. Ему 47 лет, но он моложав с легкою проседью. Был хорошим семьянином, потерял жену года три тому, имеет 11-летнюю дочку, которая больна как Слава, нога ее в таком же почти состоянии; на этом пункте мы скоро сошлись и несмотря на раннее утреннее время пили венгерское за здоровье наших детей. Говорили много и долго; его интересовали наши путешествия и путешественники. Вейзе — способный человек, но сильно задавленный обстоятельствами; он беден, должен много учительствовать, чтобы заработать себе кусок хлеба, и только досуги посвящает занятиям, специализировав себя на *Chrysomelidae*. А семейство это он любит потому, что был ботаником и очень любит ботанику; когда бывает на экскурсиях, одинаково интересуется растениями и *Chrysomelid*'ами. Обстоятельства не дозволили ему путешествовать и сделали его кабинетным ученым, но на экскурсии он рвался даже сегодня и очень любит природу. В молодости был очень слаб здоровьем и едва выжил; доктора определили его предельную жизнь на свете в 30 лет, но на вид теперь он здоров вполне, моложав, и только легкая проседь в волосах обнаруживает его лета.

К Кратцу²⁴, живущему на противоположном конце города, я отправился к 11 часам, ранее он не встает. Кратцу 60 лет, но он очень моложав, ни одного седого волоса, старый холостяк. Хотя он менее сердечен, чем Вейзе, но мы с ним сошлись довольно быстро, когда начали разговаривать про энтомологические сборы. Он мне показал все, что у него есть: он интересуется Карабидами, Цицинаделидами и Скарабеидами. В географии он не силен, за русскими изданиями следит не очень. Когда речь зашла об *Discoptera* и я ему охарактеризовал ее, он очень обрадовался, что имеет *Discoptera Komarovii*, полученную им от Штаудингера²⁵, и вытащил ее, всех Карабусов показывал и присоединил одного Коптолабруса, которого у нас нет; очень удивился, что у нас есть *Coptolabrus pustulifer*; он имеет пару их и очень ими гордится. Очень удивился, узнав об описанном тобой *Catharsius*, полагая, что *Catharsius* только один на свете. Показывал мне хорошую новую монографию палеарктических Цицинаделидов Ногн'а²⁶ и молодых берлинских энтомологов. Очень интересовался знать, не попадал ли в наши коллекции *Cyphonotus testaceus* Pall самец. До сих пор известны только его самки; самец этот тем более интересен, что *Cyphonotus thoracinaus* оказался самкою *Rhizotrogus vulpinus*. Расстались друзьями; оба тебе кланяются. Кратц за несколько лет очень был болен и чуть не умер от неприятностей во время разделения Энтомологического общества; историю эту слишком долго рассказывать. Теперь опять здоров, но занимается менее энергично. Один глаз у него видит не хорошо.

Вечера он проводит в Кней.., где сидит допоздна и поздно ложится. Одни словом, Берлинский натуралист.

Вот и места больше нет, да и поздно, а то бы написал еще много. У музейных энтомологов не был; музей в .. заперт. Завтра едем далее.

Всею душою твой П. Семенов

²³Julius Weise (1844–1925), немецкий колеоптеролог.

²⁴Ernst Gustav Kraatz (1831–1909), немецкий колеоптеролог. В 1909 г. Андрей Петрович посвятил ему некролог. См.: Semenov-Tjan-Schanskij, A. P. 1909: Kraatz, G. Revue Russe d'Entomologie 9, pp. 341–342.

²⁵Otto Staudinger, немецкий энтомолог (1830–1900).

²⁶Walther Hermann Richard Horn (1871–1939), немецкий колеоптеролог.

11

14/26 июня 1891 г. Крейцнах

Милый Андрияша,

Вот мы и в Крейцнахе. Устроились хорошо: Адрес наш — *Bad Kreuznach, Kurhaus str. 12*. Совершенно случайно попали в тот самый дом, где находятся знакомые Саблеров, к которым мы имели письмо, — княгиня Урусова с дочкою. Кроме того, привлекли к нам же в дом дочку встреченного нами в Берлине нашего американского посланника Карла Струве²⁷. Жена его, недавно умершая, была родная сестра М.Н. Анненкова²⁸. Таким образом, мы устроили около себя русскую колонию, в которой мы со Славой единственные кавалеры. Взяли пианино, Слава много музицирует. Погода тепла и прекрасна. Я был только на одной экскурсии третьего дня; вчера днем был опять, но гроза помешала.

Получил несколько писем и два твоих коротеньких и деловых, за которые очень благодарю.

Это моя вина, что пакет капиталов женского комитета Андреевского общества остался на столе по моей рассеянности. Я теперь вспоминаю, где я его оставил с тем чтобы убрать, но не убрал. Нет сомнения, что все в нем все цело.

Прибери его пока где-нибудь в своем столе под ключом (куда ты не часто ходишь); ключ этот спрячь опять под ключ; лучше же всего положи пакет в книгу, которую ты не употребляешь, большого формата, и напиши, в какую именно книгу ты положил и где эта книга, а книгу держи под ключом.

Мама торопит. До свидания; береги свое здоровье.

Всею душою твой П. Семенов

²⁷Карл Вильгельмович (Кирилл Васильевич) Струве, (1835–1907) — русский астроном и дипломат, с 1882 по 1892 — чрезвычайный посланник и полномочный министр в США, с 1892 по 1905 г. — посол в Нидерландах. Жена Струве Мария Николаевна Анненкова (1844–1889), фрейлина двора (1862).

²⁸Михаил Николаевич Анненков (1835–1899) — генерал от инфантерии, член Военного совета, строитель Закаспийской железной дороги. По его приглашению в 1888 г. Петр Петрович вместе с Андреем совершили поездку в Самарканд на открытие этой дороги и предприняли экскурсию по Западному Туркестану.

12

2–14 июля 1891 г.

Милый дорогой Андрей Петрович,

Приписываю тебе несколько строк. Мы пребываем в Крейцнахе совершенно благополучно в нашем уединении; я начал пить карлсбадские воды и делать экскурсии, но особенно интересного мне пока ничего не попало; все то же, что я собирал в

прежний раз. Фауна конечно довольно отличная от нашей, но все общераспространенные общеевропейские виды. Из *Hymenoptera* почти ничего не мог поймать, как ни осматривал зонтичные растения; впрочем, до сих пор солнца было мало; сегодня первый солнечный день.

Очень мы тебя благодарим за твои письма; всегда они нам доставляют радость. С Березовским дело надеюсь разрешено мною вполне: я всем написал, с Голицынским также дело устроилось. Если можешь, то пришли мне *Catalogue coleopterarum Europae* старый экземпляр, т. е. грязный и подчеркнутый предпоследнего издания с проложенными белыми листами; я его забыл и нечаянно вместо него захватил сибирский. Он или наверху, или в зале, или в нижнем кабинете.

Береги свое здоровье.

Всегда душой твой П. Семенов

13

Июля 8 1891 г. Крейцнах

Милый Андрюша,

Пишу тебе несколько строк для того, чтобы доставить тебе некоторое развлечение в твоём одиночестве. Вот уже 10 дней, как я в Крейцнахе, пью Карлсбадские воды, беру ванны и пользуюсь элеуотраком и не мало хожу и читаю немецкие и английские беллетристические произведения. Слава уже ходит без костылей на своих ногах с палочкой à la Охочинский; хромает он только из предосторожности, чтобы ступать не всем корпусом на больную ногу, на лестницу также всходит порядочно. Рана постепенно, хотя и медленно суживается и затягивается.

Я хотел нарочно сходить в Бокенгейм к Гейдену²⁹, писал ему, получил любезный ответ, из которого впрочем оказалось, что он вернется домой только 1-го октября, а до тех пор блуждает за Рейном для филоксерия и иных осмотров, имея под своею командою 54 осмотрщика и 300 рабочих.

От Рейтера³⁰ получил письмо с исполнением заказа, но к сожалению, он уже отправил ящик в Петербург; а я не решаюсь поручить тебе его получение, чтобы тебя не задержать, а поручу Григорьеву или сторожу Географического Общества. Рейтер пишет, что был в восторге от твоей последней работы.

Сегодня мы отправляемся к в Оберштейн вчетвером (мама, я, Слава, *m-lle* Струве и ее компаньонка); отстоит это прекрасное место в 1½ час. езды по железной дороге; вернемся к вечеру. На нынешней же неделе думаю съездить в Париж для окончания Селивестровского дела³¹, *на один день*.

Желаю чтобы письмо это застало тебя в Петербурге.

Твой всегда душой П. Семенов

Мама и Слава тебя целуют.

²⁹Lucas Friedrich Julius Dominikus von Heyden (1838–1915), немецкий колеоптеролог.

³⁰Edmund Reitter(1845-1920), австрийский колеоптеролог.

³¹Николай Дмитриевич Селиверстов (1830–1890), генерал-лейтенант, основатель ряда благотворительных учреждений в Пензенской и Симбирской губ., старинный друг и однокашник Петра Петровича по Училищу гвардейских прапорщиков. В 1890 г. он был убит в Париже польским террористом. После его смерти Петр Петрович взял на себя попечительство над основанными им благотворительными учреждениями и передал, согласно завещанию Селиверстова, его художественную коллекцию специально основанному по этому случаю музею в Пензе.

14

8 августа, четверг. Москва

Милый Андрюша,

Потрудись *немедленно* выслать по почте в Урусово:

- а) Толстое мое пальто, ибо холодно.
- б) Симфонии Бетховена в 4 руки, лежащие на средней полке нотной шифоньерки в маленькой гостиной, завернутые в бумагу.
- в) Мамину железнодорожную (Пенелопину) работу — вязанье коричневого и 2 ко-
стяные спицы на столе в спальне.
- г) Для мамы что-либо теплое, что придумает Марфа³², например, полосатую чер-
ную шелковую кофту на вате.
- д) Мою темнокоричневую шелковую фуражку (chic chic) на рояле в зале.

Да еще осмотри верхний кабинет и посмотри, не осталось ли на столах связки, оберну-
той в старый платок или лучше сказать, тряпицу. Он содержит мамыны процентные
бумаги. Конечно, он почти наверное в шкафу, но может быть случайно я вынул его
и оставил на столе. Вообще верхний кабинет можно держать взаперти.

Доехали благополучно в одном поезде с Великим Князем Сергеем Александрови-
чем. Отправляемся отсюда только с 5 часовым поездом.

Всегда душою твой П. Семенов

Приписка Елизаветы Андреевны:

Милый Андрюша, скажи Марфе, чтобы все эти вещи были отправлены не позже
субботы, а то придется их ждать до бесконечности. Пусть она купит дешевую клеенку
и зашьет все в оную, а адрес ты ей скажи как написать. Кроме того, скажи ей
что она вместо полосатой черной шелковой кофты на вате (которая висит в черном
шкафу в бывшей девичьей) может прислать мою старую кофту на вате, обшитую
барашком, если она ее найдет, эта кофта не такая объемистая и не займет столько
места в посылке. А в случае если она не найдет кофту с барашком, то пусть пришлет
полосатую шелковую.

Мы ехали в вагоне с креслами, и было так холодно (10°) что я совсем замерзла и
все боялась за папу, чтобы он с зубной болью не простудился. По случаю того, что
с нами ехал Великий Князь, нам не могли дать купэ и мы ехали в огромном вагоне,
где кроме нас было всего еще двое пассажиров; и было очень неуютно и холодно.

У меня не выходит из головы Кирилов³³ с его худобой; как ты думаешь, нельзя ли
ему послать от меня хоть 10 бутылок или 15 пива Waldschlösschen, чтобы он пил его,
а я тебе отдам деньги тотчас по возвращении. Я вчера говорила Кирилову об этом
пиве и сказала, что буду лечить его от худобы. Если можно, сделай это пожалуйста.

А теперь до свиданья, надеюсь, что тебя будут посещать часто и что время не так
будет тянуться до нашего возвращения.

Твоя Е.С.

³²Марфа Ефимовна Ефимова, впоследствии домоправительница в квартире Андрея Петровича
(с 1896 г.).

³³Алексей Кирилов — гимназический товарищ Вениамина.

10 июня 1892 г.

Милый дорогой Андрюша,

Очень благодарю тебя за обстоятельные письма и разумную сортировку получен-
ных на мое имя писем. Только Кононов? = Ив. А. Корсакову.

Вчера пили от души твое здоровье, а я внутренне за все то, что может тебя сде-
лать счастливым, а что это именно, решить я не в силах, так как это уравнение, в

котором слишком много для меня неизвестных величин. Даже не скажу совсем неизвестных, качественный их анализ мне вполне доступен, но не количественный, так как относительные количества или относительное значение этих величин для каждой человеческой природы свое.

Переход свой мы совершили благополучно и с полным комфортом. В Берлине отдохнули один день, для чего должны были переночевать две ночи. Кроме времени, употребленного на необходимые покупки, так как в Петербурге я ничего не покупал себе к лету, я был в музеях и виделся с Боде³⁴, а вечером были опере: шла Вагнеровская Валкирия (пел Сильва). Берлин необыкновенно растет и улучшается с каждым годом. Воскресенье с блиц-цугом сделали с 12 до 9 час. переезд до Франкфурта с еще большим комфортом. На всем пути пути только 3 остановки по 1 минуте и 1 в 4. Обедают в вагонах, где подле нашего купе был ресторан и кухня. Только благодаря этим удобствам мы могли остановить ужасное кровотечение из ноги у Славы, которое очень бы его ослабило. Ночевали во Франкфурте возле банхофа, но не могли поехать в Крейцнах в понедельник ранее 5 часов по полудни, по неудобству соответствия поездов (езды всего только два часа). Устроились у Fräulein Gross очень хорошо: у нас 2 спальни, салон и балкон, и мне еще удалось для меня занять и мамы и Славы уголок для музыки. Единственным знакомым соседом (у Грос) оказался Элиот, секретарь Английского посольства в Петербурге. Рассказывал он о безруком Князе Голицыне, с которым ехал по Фергане до китайской границы. С ними ехал и генерал-губернатор со свитой. Ангажированный Голицыным Маурер, доехав до границы, разошелся с Голицыным, обидевшись, что его генерал-губернатор не приглашал к своему обеду (они ежедневно обедали — генерал-губернатор, Голицын и Элиот). Таким образом, Голицынская экспедиция утратила всякое научное значение. В Индии Голицын явился ревностным поклонником дам, а не природы, и почему отказался от Кузнецова, неизвестно, так как собирался возвращаться не морем, а тем же путем. Пора однако же окончить.

Всей душой тебе преданный П. Семенов

³⁴Wilhelm von Bode (1845–1929), немецкий искусствовед.

16

10 июля 1892 г.

Милый Андрюша,

Только что получили твое второе письмо. Объяснять как и что сделать слишком долго, а распоряжения наши следующие:

1. Добыть у Григория Алексеевича билет и вещи, послав за этим нарочного (или дворника). Адрес знает Аня³⁵ и Галанина.
2. Отправить Аню с Марфою и билетом в интернат.
3. Попросить Галанину прислать нам свой адрес, по получении которого и возбудится между мамой и Галаниной переписка о возможных или невозможных условиях пребывания Ани у Галаниной.

Всею душою твой П. Семенов

Записочка для самой Ани. Прочти ее (*продолжение рукой Елизаветы Андреевны*) и пошли ей с Марфой, если она уже в Ивановском училище. Галанина сама обещала мне прислать адрес как только переедет на дачу.

Е.С.

Милая Аня,

Хотя мы очень понимаем что тебе довольно скучно в Ивановском училище, но я приказываю тебе *немедленно туда вернуться* с Марфою или Анною Семеновной, а за билетом и вещами прошу Андрея Петровича послать немедленно к Григорию Алексеевичу. Затем Елизавета Андреевна спишетсся с Галаниною, но я тебя нисколько не обнадеживаю возможностью устройства твоего пребывания у Галаниной.

Душевно тебя любящий П. Семенов

Один рубль, который ты взяла у m-lle Робер, отдай Марфе для передаче Андрею Петровичу, ей оставлены Елизаветой Андреевной 10 рублей, а остальные деньги береги.

³⁵ Аня Карачунская, воспитанница П.П. Семенова.

17

20 сентября/2 октября. Вена

Милый, дорогой Андрюша,

Сегодня воскресенье 20 сентября (2 октября), 8 часов утра. Я уложился и выезжаю в 12 часов отсюда, буду в Петербурге, если Бог даст, 22 сентября во вторник, на 21 день после выезда. В Испанию не поехал, взяло бы лишних 20 дней по расчету, да и морем ехать 4 дня в сомнительную по сезону погоду не было бы привлекательно. В Генуе обошлось все благополучно, с Маркизом Дория³⁶ я сдружился. Оказалось, что он страстный натуралист, основатель Генуезского музея естественной истории, издатель прекрасных *Annales* музея и его Директор, все на свой счет (он очень богат). Помощник его и друг *Gestro*³⁷ — колеоптеролог (теперь занимается *Chrysomelidae*). Музей прелестный. Экземпляры на подбор. Разумеется, тут не только Италия, а все, что привозят их путешественники из Африки и с Зондских островов.

Из Генуи выехал в понедельник, вторник пробыл в Милане, где конечно наткнулся на Меаццу³⁸ и провел с ним день, познакомился с маэстро Бойто³⁹.

В Милане все живут в кофейнях и циркулируют между своими ночлежными жилищами и своими кофейными (у каждого своя), но всегда проходят мимо Собора, так что не встретить знакомого миланца в течение дня невозможно.

Из Милана прямо в Вену, где пробыл три дня — четверг, пятницу, субботу. Представь себе, что Гангельбаур⁴⁰, поджидая меня, выписал Рейтера, так что мы все сошлись в Венском музее. Помещен он великолепно. Австрийцы настроили для всех своих музеев такие палаццы, что просто завидно. На моей памяти Вена была дрянной город. Собственно город был маленький, тесный, грязный, с узкими улицами, окруженный глухими укреплениями, а за ними разнообразные форштадты, в которые бестолково разбросались новые слои населения. Но на моей памяти укрепления срыли, образовалось вокруг старого города между ним и форшттадтами широкое кольцо (Ring), и на этом-то Ринге настроили театры, галереи, музеи, дворцы, магазины, устроили бульвары, и Вена сделалась одним из прелестнейших городов в мире.

По содержанию своему музей конечно отнюдь не богат, а вероятно беднее академического, порядок тот же, т. е. хорошо подобраны некоторые семейства, а другие не показываются, т. е. еще не систематизированы. Подобраны *Carabidae*, *Scarabeidae*, *Vuprestidae*, *Cerambycidae*, кажется, *Staphylinidae* и немногие другие. Вчера вечером Гангельбаур притащил мне мне коробочку с отобранными для меня наскоро раритетами.

Оба тебе очень, очень кланяются и ждут от тебя твоих дальнейших произведений, которыми очень довольны и крайне интересуются.

Оканчивая писание, вспомнил еще одно. В день моего отъезда прибежал ко мне Кожанчиков с просьбою купить всю его коллекцию за 250 рублей с уплатою немедленно 200, нужных ему до зарезу. Коллекция копрофагов оказалась превосходною, и это сделаем, как с чичеринскою. Захочет взять академический музей, может быть отдано, не захочет, останется за мною.

Обнимаю тебя и Вас всех и благославляю.

Всей душою твой П. Семенов

³⁶Маркиз Джакомо Дория (1840–1913), путешественник и натуралист, работал в Персии и на Борнео, президент Итальянского Географического общества (1891).

³⁷Raffaello Gestro (1845–1936), президент Итальянского Энтомологического общества, после смерти маркиза Дория — директор музея в Генуе.

³⁸Граф Фердинанд Меацца, итальянский путешественник и коллекционер, друг П.П. Семенова. См. о нем: В.П. Семенов-Тянь-Шанский. «То, что прошло», т. I, с.61.

³⁹Арриго Бойто, итальянский композитор и поэт, автор либретто к операм Д.Верди.

⁴⁰Ludwig Ganglbauer (1856–1912), an Austrian entomologist who specialised in Coleoptera. Director of the Department for Zoology at the Vienna Natural History Museum (1906). His book “Die Käfer von Mitteleuropa (Beetles of Central Europe), 4 vols., 1892–1904 which was unfinished at his death, is still widely read by entomologists.

18

22 мая 1893 г. Славянка. Телеграмма

Доехали благополучно устроились Слава выдержал переезд прекрасно — Семенов

19

25 мая 1893 г.

Милый Андрюша,

Вот уже 4-й день как мы в Славянске, не считая потерянного дня нашего приезда, в течение которого я был занят исключительно устройством нашей маленькой семьи.

Доехали мы благополучно, употребив на весь переезд $44\frac{1}{2}$ часа. Слава несмотря на свою слабость, перенес дорогу очень хорошо и даже не особенно устал от нея. Приехали мы в 2 с половиной по полудни, и я, оставив своих на станции, отправился за 6 верст на воды искать квартиры. Удалось найти сносное помещение из двух больших высоких комнат с обширным балконом, прямо против так называемого парка. К 7 часам вечера мы совсем водворились.

Воздух чудный. 22 и 23 мая дни были почти жаркие (22° и 23° в тени), 24-го шел ливневый дождь с прекрасною грозой, но температура не опускалась ниже 16° . К вечеру вчера опять была уже чудная погода, так же как и сегодня. Вообще здесь (под 48° с.ш.) средняя температура мая мая 21° , июля 23° Ц. Значит, климат совсем теплый и ночи очень теплые.

Славянск стоит не на Донце а на Торце. До Донца 9 верст, местность волнистая и когда-то была степною, но степь вся распахана, так что собственно степи совсем не имеется, а степная фауна приютилась на обнаженных и никогда не распахиваемых скатах меловых гор. Соляных озер здесь три, около одного, ближнего к городу, расположилось до 20 солеварных заводов с их длинными трубами; на северном берегу другого, отступающего от города, верстах в двух расположился кургауз со своим парком, искусственно насаженным.

Верстах в 9 от нас начинается великолепный казенный лес который на много верст тянется по нагорному берегу Донца широкой полосой. Лес лиственный: вековые дубы в два и три обхвата (от 6 до 9 аршин в окружности), клены, ясени, липы, вязы, а березы очень мало. В 17 верстах от нас у Святогорского монастыря (здесь еще не

был) есть и хвойный лес с громадными вековыми соснами. Здешние крестьяне прямо говорят, что там «рай земной» — так неиспорченная природа действует на человека.

Таким образом, здешняя энтомологическая фауна представляет два типа: степной и южный лесной. В нынешнем году весна поздняя, так что мы застали здесь не лето еще, а позднюю весну, весну ландышей, едва расцветшей сирени и не расцветшей белой акации.

Первое, что меня поразило, это малое количество (не только по числу видов, но и по числу индивидуумов) карабидов и стафиллинидов. На лесной опушке я встретил только два карабида: *Calosoma inquisitor*, живущую на вековых дубах, в грубых складках их коры, и *Carabus Karelini* (под бревнами, в одном экземпляре). В степной зоне я нашел *Scarites*, кажется, *salinus* (средней величины), *Broscus semistriatus*, одну *Amara*, у нас не водящуюся, один *Calathus* (обыкновенный). В озере из мелких водятся *Haliples*, *Hydroporus*, *Hydraena* (все полосатые и средние по цвету и скульптуре). Есть *Hydrophilis* большой. Стафиллинидов я пока нашел только два вида, в единственных экземплярах. Сильфу одну. Есть криптофагиды, дерметиды. *Hister*'ов много. Но в особенности фауна богата скарабеидами. На лампу прилетели *Copris lunaris*, *Odontaeus* и *Seris*. На меловых горах я нашел *Lethrus* (все показались мне одним видом *cephalotis*, хотя разница в величине большая), множество *Gymnopleurus pilularis*, немного *Sisyphus*, *Onthophagus* и *Aphodius*. На лесной опушке вечером летали *Pentodon* и прекрасный *Melolontha*, величиной и формой похожий на *Rhizotrogus*, но каштанового цвета с блестящей поверхностью и светло-желтым thorax'ом от двух на нем почти сливающихся пятен и с длинными но очень редкими волосками впереди. Я видел их 4, но удалось поймать только 2 экземпляра сачком. *Cetonia*'ов много: настоящих *Cetonia* три вида, а *Epicometis hirta* множество, есть и *Oxythera funesta*.

В озере есть интересные мелкие ракообразные. Главный доктор, профессор Харьковского университета, был страстный охотник, но теперь ему некогда. Водяных птиц очень много: утки и чайки на Донце. Есть дупеля и бекасы и курочки и кулики. Повидимому, есть вальдшнепы, а на степи дрофы и стрепеты (но последние очень редко).

Вот пока все, что я знаю об этой местности. Завтра собираюсь на Святые горы, а в воскресенье куда-то с доктором. На будущей неделе только поеду в Крым.

Мама тебя целует. Также Слава очень нежно и просит тебя наблюдать, как получается его Север и Природа и люди, а также если будет что от Шмитдорфа. Настроение Славы прекрасное: он мечтает о кушаньях, что показывает развитие аппетита, желает кататься по озеру и слушает по вечерам музыку. Ванны устроены отлично, но физическая обстановка представляет неустановившуюся смесь Европы и Азии.

Что ты поделываешь? Напиши. Пока мы ниоткуда ничего не получаем.

Всю душою тебя любящий П. Семенов

июня 2-го 1893 г.

Милый и дорогой Андрюша,

В Крым я не поехал, изменив все свои планы. После рокового известия о кончине Якова Карловича⁴¹ и вследствие состояния здоровья Славы, я не в силах был ехать в Крым в одиночестве. Да и расставаться с Лизой и Славой и оставлять их одних, набросив на одну Лизу все тревоги и заботы, я не смог. Вследствие того остаемся здесь еще только одну неделю, и затем я сам их отвожу в Гремячку для того, чтобы поехать в Петербург к сроку, т. е. не позже 20 июня. По сознанию здешнего доктора (Директора вод и профессора Харьковского университета) Костюрина⁴², очень прекрасного человека, хорошо выяснившего положение здоровья Славы рядом наблюдений, пребывание здесь и в Гремячке не представляет в июне и июле никакой

разницы. Между тем по отношению к комфорту и обстановке разница неизмеримая. Итак, с получением этого письма пиши уже к нам в Гремячку.

Natalie⁴³ письмо мое, конечно, получила в Петербурге, а второе я уже написал ей в деревню. Во-первых, твою телеграмму мы получили более чем через сутки после ее отправления. т. е. часа в 4 на следующий день. Письма из деревни получаются здесь на 6-й день, газеты из Петербурга на 4-й. Я написал тотчас же письмо к Natalie, но не решился отправить в тот же день, не зная, как все случилось. Телеграмм же, выражающих чувства скорби, я не признаю: телеграфный слог не поддается таким выражениям. По-моему, телеграмма может только служить сухим извещением.

Относительно доверенности на получение посылки, таковую я оставил для Мити, она или на моем столе, или на маленьком, или у дворника для засвидетельствования в участке, или на фортепьянной полке.

Между пакетами есть пакет с талоном на 160 или 165 рублей, да есть еще в хозяйственном аренды за май столько же. Посылаю доверенность на имя Мити, пусть он постарается получить. Деньги Вале вписаны в Митину записку, сколько мне помнится. Митя может лучше не уплачивать некоторых счетов, а выдать Вале. Впрочем, если он получил аренду, то денег у него будет очень довольно. Возьми на свои расходы сколько нужно, рублей от 50 до 100.

Посылаю на твое имя корректурные листы, которые передай Герману⁴⁴ при свидании с ним. У меня тут еще нашлась работа, которую я окончил и отослал. Это восстановление моей генуезской речи на французском языке, которая соответствует речи о конференции в Географическом обществе, но редактирована иначе и вдвое короче. Если бы не эта работа и не мои экскурсии, то я бы не знал, куда деваться от горестных мыслей и впечатлений. Но не распространяюсь об этом, потому что неизбежного, неотвратимого, от нас не зависящего изменить нельзя. Нужно делать то, что в человеческих силах и быть готовым на все.

Погода здесь стояла для Славы неблагоприятная. Первые два дня был хорошие, остальные каждый день дождь. Даже сухая по своему типу степь влажна и сыра. Вместо средней температур свыше 21 весь май имел среднюю температуру не свыше 15, а может быть и менее. Теперь только белая акация в полном цвету. *Lethris*'ы еще не исчезли. Их в степи миллионы. Живут они в норках, косвенно врытых и кажется очень глубоких. Часто можно видеть, как они тащат чистенькую в длину их роста веточку растения с листочками. Держат ее в челюстях и при этом подвигаются всегда задом и довольно быстро. Должно быть, эти веточки необходимы для постоянно живущих в норках. Нашел я еще настоящую *Pimelia* в 2-х экземплярах; кажется, вид этот отличен от Царицынского. Появились еще в небольшом количестве *Zonitis* и др. *Meloidae*. Карабидов все-таки очень мало. Был я и на Донце на Святых горах. День был неудачный, пошел проливной дождь и экскурсия была очень короткая. Впрочем, там фауна лесная — вековые дубы, вековые сосны. *Lucanus cervus* летают днем и очень низко. И к нам в наш степной поселок прилетают дровосеки из соснового леса. Так, я нашел на нашем фундаменте прилетевшего *Acanthocinus aedilis*. Это смешение лесных и степных типов чрезвычайно характерно для здешней фауны. То есть конечно живут они особо, и лесные формы залетают в степь. А в степи жизнь насекомых совершенно иная, чем в Закаспийской области. Днем при солнечном свете заметно особое оживление, ползают и по степи и в особенности по отложениям глинистых оврагов миллионы *Lethris*, *Gymnopleurus*, *Blaps*'ы, *Gnaptor*, *Pimelia*, *Tenxuris*?, *Copris lunaris*, *Sisyphus*, и бесчисленные *Cleonus*. К вечеру все прячется. Все названные уходят в норки, которыми степь и глинистые скаты изрыты. Даже муравьи здесь не делают насыпных куч. Они все живут в подземных селениях, из которых имеется

один значительного диаметра круглый выход. Попадаются на степи кучи рыхлой земли, как будто вырытой изнутри наружу насекомыми; но это не муравьи, и муравьев в таких рыхлых и небольших насыпях нет. Что же касается живущих на цветах насекомых: *Zonabris*⁴⁵, *Hymenoptera*, то они вечером тщательно скрываются между и под густыми листьями степных трав, так что к вечеру степь засыпает. Может быть, все это обуславливается прохладной пока погодой, а летом в фауне лета жизнь складывается иначе. Но во всяком случае, я прихожу к убеждению, что жизнь даже одних и тех же пород животных складывается совершенно иначе в разных условиях и что животные не менее человека способны приспосабливаться к различным условиям почвы и климата, тем более, что создать эти условия или изменить их они не могут. Много можно было бы узнать, если бы иметь целые ряды биологических наблюдений над одними и теми же породами в различных по своему типу местностях. Но вот я и записался. Следующее письмо будет из Гремячки, а там приеду и сам.

От души тебя обнимаю. Заботься о своем здоровье.

Всею душою твой П. Семенов

Письмо твое получили

⁴¹ Я. К. Грот умер в Петербурге 24 мая 1893 г. В письме к Варваре Петровне Шнейдер, написанном в тот же день 2 июня, Петр Петрович писал:

Кончина Якова Карловича меня глубоко поразила; живо перенесся я в положение сестры и перестрадал вместе с нею ее потерю. Едва ли она слишком долго переживет его, их связь была слишком тесная, слишком гармоническая. Но как ни поразительна его кончина своею неожиданностью, в ней много отрадного. Человек до 80 лет безболезненно, на ногах исполняет любимые обязанности и в последний день жизни, с улыбкой встретив последние об нем заботы любимой семьи, в минуту смерти жмет дружески руку верной подруге своей счастливой и прекрасной жизни — все это было для него отраднo. Я думаю, что он думал, как и я, о смерти: не мрачным, не траурным, а *светлым* должно быть для близких и нежно любимых воспоминание об умершем; соединять оно должно их общим чувством той *любви*, которая была его силой.

⁴² Степан Дмитриевич Костюрин (1853–1898) — русский врач, патолог.

⁴³ Наталия Петровна Грот.

⁴⁴ Герман Германович фон Петц (1867–1908), друг Андрея и Вениамина Петровичей, геолог, хранитель геологического кабинета университета, с 1902 г. приват-доцент. Погиб в экспедиции при переправе через реку на Алтае.

⁴⁵ Современное родовое название *Mylabris*.

21

14 июня 1893 г. Телеграмма

МИЛЫЙ НАШ СЛАВА СКОНЧАЛСЯ ВОСКРЕСЕНИЯ ЧАС ПО ПОЛУДНИ
ПРИЕДЕМ СКОРО СЕМЕНОВ

22

Воскресенье. 13 июня <1893 г.>

Милый дорогой Андрюша,

Нашего бедного Славы не стало. Он скончался тихо, спокойно, в 1 час по полудни сегодня в воскресенье.

Во вторник мы приехали в Гремячку. Удалось нам перевезти его сравнительно благополучно. От Скопина, где он провел тяжелую ночь, я сидел на козлах кареты и разглядывал каждую впадинку. Ехали семь часов, но он перенес дорогу хорошо. Последние дни жизни он окружен был нежною любовью и стараниями всех. 9-го числа Слава первый вспомнил о дне твоего рожденья и потребовал, чтобы пили твое здоровье. Разумеется, он не вставал с своей постели, но при его ничтожном питании

мы были рады, что он выпил четверть рюмки портвейна. Силы его слабели с каждым днем. Две последние ночи были бессонные, а последняя ночь и бред, но хороший бред, с какими-то как бы предчувствиями. Так он говорил воскресеньем утром это сегодня торжественный день, все одеваются в торжественные одежды. Ничего тяжелого у него на душе не было, не было и страдания, он угасал постепенно и тихо. Как весь предшедший день, так и последний час своей жизни был в полном сознании. Лиза измучилась все это время. Как она ни была подготовлена, а все-таки ей не хотелось верить. Хваталась как утопающий за соломинку и все как-то заботилась до мелочей, касающихся его здоровья.

Теперь все кончено!

Похороны — вторник, вторник в ночь или в среду в ночь выезжаем.

Обнимаю тебя, милый, дорогой, береги себя и свое здоровье.

Всею душою твой П. Семенов⁴⁶

О Паше⁴⁷ он вспоминал: купил ей в Славянске шелковый платок и хотел отдать ей по ее приезде в деревню.

⁴⁶Двумя днями позже, 15 июня Петр Петрович писал Варваре и Александре Петровне Шнейдер:

Гремячка, 15 июня 1893 г.

Милые, дорогие Варя и Саша,

Сегодня ровно неделя, как мы в Гремячке, и если бы не все тяжелое пережитое нами, я уже дал бы Вам о нас весточку, а то пришлось писать к Вам только тогда, когда я наконец совладал с самим собою и пришел в себя после всего пережитого в это короткое время.

В воскресенье 6 июня мы выехали из Славянки. Откладывать нам отъезда было уже невозможно, потому что умный и добросовестный доктор, окончив полное исследование болезни Славы, сказал мне, что если мы выедем не позже как через пять дней, то он еще ручается, что мы доведем Славу благополучно, но что если мы промедлим, то он ни за что не отвечает. Мы пустились в путь со страхом и надеждою. Несмотря на <тяготы> переезда до станции железной дороги, пересадку в Лозовой при проливном дожде, суточный переезд до Тулы и трехверстный переезд со станции на другую, наконец, еще 8 часов переезда по железной дороге, мы добрались до Скопина в понедельник 7 июня в 11 часов вечера относительно благополучно.

Измученную тревогами и страданиями Лизу я отправил в тот же вечер в наемном тарантасе, несмотря на дурную дорогу, в Гремячку одну предупредить наших и приготовить комнату и постель для Славы, а сам остался ночевать с ним. Ночь была тревожная. В 6 часов утра, уложив Славу в карету, я сам сел на козлы, разглядывая каждую впадинку. Ехали тихо и осторожно часов 7 или 8, и Слава перенес дорогу благополучно. Какая была отрада вернуться домой, как отлегло от сердца.

Здесь в Гремячке уже милый Слава был окружен и тем комфортом, которого не было в Славянке, и теми нежными заботами всех окружающих, которые приносили ему отраду. Погода, вместо той дурной, которая была в Славянке, сделалась чудною, свежий воздух нашего сада оживил немного ежедневно гаснущие силы нашего милого больного. Со вторника всю неделю, несмотря на свое истощение, он оставался самим собою; ему было так отрадно быть дома и с своими. Ночи на субботу и воскресенье он спал дурно, в последнюю из этих ночей он много говорил — бредил. Но и бред его был светлый и прекрасный. Утром просил, чтобы я дал ему лекарства, с радостью его принял и потом говорил: «Какой сегодня торжественный день». Ему сказали, что воскресенье и все собираются в церковь. Он ответил: «Я знаю, что воскресенье, но день кроме того торжественный, все одеваются в особую одежду, только зачем так хлопочут».

Мы уехали к обеду, а с ним осталась только Лиза. Когда мы уезжали, он не бредил, лежал тихо и спокойно, и оставляя его, я не сомневался, что он заснет, так как не спал почти всю ночь.

После обеда служили панихиду по Якове Карловиче (20-й день) и заехали, по просьбе сестры, в Красную Слободку указать, где посадить цветы. Вернулись после

часа поездки, но уже за 10 минут до того нашего милого Славы не стало. Тихо, спокойно, без всякой агонии, он заснул вечным сном.

Сегодня вторник 15 июня, и мы только что вернулись из церкви, куда отнесли нашего бедного милого страдальца, под покровом лучших свежих цветов нашего сада. День был чудесный, слегка облачный, но не жаркий, прекрасный хор мальчиков нашей школы не умолкал все время нашего шествия. По усердию крестьян шесть раз останавливались и служили литию. Это были не мрачные городские похороны: это был светлый переход под небесным сводом и в лоне природы от жизни земной к жизни вечной. А в церкви также все было светло и отрадно. Все дети Мураевенской волости стояли там — мальчики по одну, девочки по другую сторону. Во все эти дни я едва мог бродить по комнатам и саду, но чем далее я шел за своим милым, тем бодрее и бодрее становился, и не страшным, а дорогим и милым мне показалось в церковной ограде последнее жилище моего бедного в этой жизни страдальца, заваленное цветами.

Теперь все кончено! И только когда я вернулся домой, то почувствовал, что *ego* нет со мною, что разлука вечная. Давно ли мы так отрадно, втроем душа в душу жили в Крейцнахе, и ни одно облачко не омрачало наших счастливых дней, и я с любовью и надеждой смотрел еще на его будущее, а он уже носил в груди своей зародыш смерти.

Но к чему эта минутная слабость. Все, что случилось, не могло быть иначе. Не суждено было ему быть вечным в земной жизни страдальцем. Только один вопрос представился мне с полной ясностью сегодня, когда я по возвращении из церкви с мучительной тоскою ходил из комнаты в комнату. Это тот самый вопрос, который милый Слава в минуту предсмертной тоски поставил окружающим его в последнюю ночь своей жизни: «Что же я теперь буду делать?» Но мне кажется, что в три последние часа своей жизни, когда он так тихо и с небесным спокойствием встретил ее неизбежный конец, он уже разрешил этот вопрос и теперь подсказывает и мне его разрешение.

Что делать? Любить! Любить всех тех, кому нужна, дорога или полезна эта любовь: любить их на земле, заботясь и тихо облегчая их горести и страдания, любить их на небесах, благословляя любимых и ближних.

Завтра мы уезжаем отсюда. Теперь все мои помыслы направлены к тому, чтобы облегчить страдания и поправить здоровье милой Лизы. А там, может быть, еще окажусь на что-нибудь пригоден и для других.

Очень мне жаль, что мне выпало на долю сообщить Вам весть, конечно, грустную для Вас, мои милые, любящие. Но если Вы встанете на мою точку зрения, то, может быть, найдете и светлую сторону в нашем горе.

Благословляю Вас, как благословлял всех нас милый и любящий Слава.

Всею душою Вам преданный старый друг

П. Семенов

⁴⁷ Паша — няня Славы.

23

Дмитрий Петрович, Андрей Петрович и Валерий Петрович Семеновы с глубокою скорбью извещают родных и знакомых о кончине их брата Ростислава последовавшей 13 сего июня в 1 час пополудни в имении Гремячка Рязанской губ.

Заупокойная обедня будет отслужена в 10 часов утра 16 июня в Соборе Св. Андрея Первозванного

24

26 сентября <описка вместо августа!> 1893 г.

Милый Андрюша,

Посылаю тебе кое-то из полученного. Всех остальных не посылаю, полагая, что они тебе в деревне не нужны. Сегодня был на похоронах Штрауха⁴⁸, видел всех (в том числе, Плеске, который тебе очень кланяется) и Великого Князя⁴⁹. Он вспомнил, что сегодня день именин Натальи Петровны, был очень любезен, но конечно, ни о Вице-Председательстве⁵⁰, ни о пенсии Natalie не было и речи. Все это *en suspense* и предвидится до конца октября т. е. возвращения Государя. Да может быть возникают или возникнут какие-либо новые комбинации. Так как сегодня я закончил свою

сессию в Сенате, а новая, т. е. сентябрьская начнется только между 7 и 10 сентября, то я решился воспользоваться своим заграничным паспортом и поехать с Лизой на неделю за границу с главной целью консультировать одного доктора о режимах для здоровья Лизы. Меня тревожит, что она похудела и что ей трудно подниматься по лестнице. Вернемся 8 сентября. Будем только в Берлине и Дрездене. Сообщи о моей поездке только Оле и никому из посторонних. Захочешь написать что-нибудь, напиши немедленно *Dresden, Hôtel Bellevue*, только мы там пробудем неделю, т. е. 5 сентября уже выедем.

Посылаю тебе открытое письмо Рейтера. Герман тебе кланяется.

Всею душою твой П. Семенов

⁴⁸ Александр Александрович Штраух (1832–1893), академик, директор Зоологического музея.

⁴⁹ Великий кн. Константин Константинович, президент Академии наук.

⁵⁰ После смерти Я.К.Грота, занимавшего пост вице-президента Академии наук, вел. кн. Константин Константинович предложил этот пост Петру Петровичу. После нескольких месяцев размышлений Петр Петрович отказался от этого предложения.

25

19 июня 1895 г.

Милый Андрюша,

Нашли мы деревню в нынешнем году очень привлекательною с твоей точки зрения: сирени мы застали еще почти в полном цвету, даже цвели еще и яблони, а теперь уже поспевают земляника. Птиц в саду очень много, даже в двух шагах от меня по площадке перед домом в саду пробежал заяц. У Николая Петровича в саду проявились ежи, ласки бегают исправно. В лесу такой роскоши трав я давно не помню. На лесном пруду вчера Изя видел диких уток и куликов. Мне кажется, условия размножения птицы и дичи в нынешнем году очень благоприятны. Хлеба так поправились, что любо смотреть. Погода стоит чудесная. За два дня до нашего приезда были еще холода, а когда мы ехали, была чудная, совершенно летняя ночь. Так и теперь продолжается, с тех пор, как мы приехали, было два хороших летних дождя. Рост трав, деревьев, хлебов роскошный, так что у нас по крайней мере в нынешнем году, полная реставрация природы.

Желаю, чтобы все это так и продолжалось до твоего приезда.

Работы мои здесь по истории Географического Общества идут еще успешнее чем в Петербурге, так как здесь мне менее мешают и меня все-таки менее отрывают от дела. Произвел я также опыт переписи Гремячки и нашей усадьбы, очень для техники дела поучительной. Вообще пребыванием здесь очень доволен.

Всею душою тебя любящий П. Семенов

<Приписка Елизаветы Андреевны>

Милый Андрюша,

Я очень рада, что Тихон Сергеевич⁵¹ переехал, теперь тебе не так скучно будет, когда уедет Андрей Андреевич⁵². Передай им обоим мои поклоны. Мы здесь каждый день ждем *песельника* и *гусельника*, т. е. Истомина и его компаньона⁵³, и все приготовлено для должествующего начаться песнопения. Но к унынию Оли сии господа не едут, а им сказали, что мы здесь только до 25-го. Погода опять жаркая, и все вздыхают по дождю. Должно быть, Валя⁵⁴ скоро приедет, я ему пишу отдельно в нашу квартиру, ведь он наверно прямо с железной дороги приедет туда, а потом уж поедет в Финляндию. Сегодня оказия в Ряжск, так что это письмо ты получишь не

в почтовую очередь. Как идет у тебя хозяйство? Теперь скоро увидимся, и тогда я посмотрю, как ты там хозяйничал.

До свидания, будь здоров.

Любящая тебя Е. Семенова

⁵¹Тихон Сергеевич Чичерин (1869–1904), племянник Б. Н. Чичерина, коллега и друг Андрея Петровича, окончил Училище правоведения, но с 1892 г., получив крупное наследство, вышел в отставку и стал заниматься энтомологией. В 1893–1896 гг. работал в Зоологическом музее, затем покинул его (одновременно с Андреем Петровичем), на время переселился в свое имение Ольгино (во Владимирской губернии), работал во Франции, совершил поездку на Мадагаскар. В 1901 г. вместе с Андреем Петровичем, А. И. Яковлевым и несколькими ярославскими энтомологами основал выходящий в Ярославле журнал «Русское энтомологическое обозрение». (В 1907 г. его издание перешло к Русскому энтомологическому обществу и он стал его основным органом. Издается и поныне и является в России наиболее авторитетным периодическим изданием в области энтомологии.) В начале 1902 г. переехал из Ольгина в Петербург и стал фактическим секретарем Петра Петровича. Покончил с собой в 1904 г. после крупного карточного проигрыша в возрасте 35 лет.

⁵²А. А. Достоевский, племянник Ф. М. Достоевского, статистик, секретарь Географического общества, близкий сотрудник Петра Петровича. С начала 1890-х гг. он жил в одной квартире с Андреем Петровичем на 3-м и 4-м этажах семеновского дома. Тихон Сергеевич поселился вместе с ними и провел в семеновском доме около двух лет вплоть до ухода из Зоологического музея.

⁵³Речь идет о приезде в Гремячку фольклористов и музыковедов Ф. М. Истомина и И. В. Некрасова, командированных Географическим обществом в экспедицию по России. 25 июня Николай Петрович Семенов описывал их приезд в письме к Варваре Петровне Шнейдер:

Исчерпав для Вас все наше бытовое, перехожу к событию высшему. В наш захламленный уголок <пожаловало> некоторое развлечение, которое бабы вкушают с увлечением. 20 сего прибыли для всех неожиданно к Петру Петровичу некие два мужа, оба члены Географического общества, крылами Петра Петровича накрытые. Один из них, старшой, Истомин. Он очень мурловат, приземистый, низенький, рыженький, кругловат, на подбородке борода лежит рыжеватым пушком длинным подвигающимся. Вы его видали, сколько помню, у сестры, где он мурлыкает древние песни. Петр Петрович, знакомя меня того же числа 20, когда я к нему случайно заехал, с ними, объявил, что он силен по части нашей этнографии, открыватель древнейших русских песен, большой знаток нашей старины, солидный в учении и пр., потому и старшой в этой двучленной, можно сказать, четвероногой экспедиции, командированной Географическим обществом в этнографическую экспедицию по России. Другой его спутник некто г. Некрасов, молодой, среднего высокого роста, черный, глаза жучками или черносливом. Петр Петрович сказал, что он тоже, но не досказал и прибавил, что он не так погружен в корень науки, но одарен музами, настоящий музыкант и даже композитор.

Соседние деревни были тотчас подняты на ноги. Объявлено было приглашение в Гремячку петь песни, какие только знают. Баб набралось видимо невидимо; распустили слух, что за день, если придешь, дают рубль мужику, бабе тоже в этом роде, и вскоре на работу, хотя условленную прежде, убирать сено, например, баб нельзя было добыть, они твердили: что нам Ваша работа, мы идем к Петру Петровичу, *они бал играют*, подлинное выражение. Каждый день пошли эти балы, все одушевилось, добрались до калек, слепых. Павел Михайлович Семенов расчелверился, открыл какого-то слепца певца, сам его усадил в Алмазовке на телегу, но дорогой воз учетверился и приехали в Гремячку уже четыре слепых певца, как будто сами собой разрослись. Три присели к первому, потому что так широко разнесся кругом слух, что бал у Петра Петровича играют. 23 июня Павел Михайлович, воодушеваясь, сыграл бал у себя в Алмазовке для географических и этнографических гостей, а сего дня оба заезжали с Петром Петровичем к нам, чтобы взглянуть и на нас, каков дом, сад у нас и прочее.

Петр Петрович приобрел здесь новую репутацию генерала, любящего веселие, ибо бабам и мужикам не растолкуешь, что география и этнография были причиной распевания. По их понятиям, поют, значит, и пляшут. Пляшут, значит, и поют. Ручную камеру-обскуру, которой Истомин снимать научился фотографические изображения с групп поющих и отдельных лиц, некоторые старухи все-таки принимали еще за дьявольские наваждения и противились Истомину, он сам мне это говорил и склонял их тем только, что наш Владыка Архиерей снимал с себя портрет и сидел смиренно.

⁵⁴Валерий Петрович, сын П. П. Семенова.

26

Телеграмма

Обитатели Гремячки сердечно поздравляют. Реставрированные их одичанием зайцы ласки птицы дружным хором приветствуют своего маэстро

Семеновы

27

5 августа, суббота <1895 г.>

Милый и дорогой Андрюша,

Вот уже три дня, как мы живем в Блазевице на самом берегу Эльбы, и я пью воды и пользуюсь действительным отдыхом, после столпотворения Вавилонского, каковым представляются все научные конгрессы.

Очень интересно мне было посмотреть на Лондон через 34 года после нашего последнего посещения. С наружной стороны, конечно, Лондон значительно переменился, и если собственно город (city) остался в общих чертах тем же, чем был, то окраины города совершенно изменились, разрослись, расплзлись во все стороны, прекрасно обстроились, и сохранили тип той скуки и однообразия, которая наводит сплин на жителей туманной столицы. Поразило меня заметное уменьшение движения по улицам, хотя и теперь очень оживленным. Прежде через главные улицы Лондона, составляющие его физические артерии, нельзя было перейти, не подвергнув опасности своей жизни, теперь улицы переходятся так же удобно, как Невский проспект в разгар движения по нему экипажей. Скоро я и додумался до причины этой поразительной перемены. Половина Лондонской циркуляции ушла под землю, т. е. на подземные железные дороги, вследствие чего число надземных дилижансов, экипажей и извозчиков значительно уменьшилось. Расстояния сохранились громадные, а вместе с тем центры и артерии торговли и вообще Verkehr'a образовались вновь в удаленных частях города. Лондон децентрализовался, разбился на местные центры. Это внешняя сторона. Сами же англичане изменились мало, но хотя медленно, а все-таки изменяются. Изменяются даже и самые условности, рабами которых англичане конечно остаются по-прежнему.

В Лондоне мы жили у г-на Дельмара Моргана⁵⁵ в среде его гостеприимной семьи. Сам Морган прелестный человек, но это англичанин, выросший в России и соединяющий в себе все лучшие английские и русские качества.

Организаторы конгресса сделали все, что было возможно, для того, чтобы сделать иностранцам пребывание в Лондоне приятным. Научная сторона конгресса была устроена с практическим английским умом и здравым смыслом: даст ли конгресс результаты — это менее зависит от англичан, чем от существа дела, и влияние представителей географической науки разных стран в своих странах. Но об этом я расскажу в подробности при свидании. Во всяком случае, если Лондонский Географический конгресс не даст никаких результатов, кроме несомненной пользы знакомств и сближения людей науки, то можно будет заключить о бессилии вообще конгрессов в деле науки.

Был я и в Зоологическом музее. Казовая сторона великолепна. Не говоря уже о роскоши пространства и помещения, по отношению к популяризации науки сделано все, что только возможно. О внутреннем же содержании музея я могу судить только поверхностно: он мне показался очень богатым по отношению к позвоночным животным, но по беспозвоночным (где я имел случай заглянуть подробнее) очень дефектным. Научная же обработка всего того, что заключает в себе музей (по крайней

мере для беспозвоночных животных), совсем не организована и производится только случайно.

Видел я знаменитый Kew Garden, с его насаждениями древесных растений и оранжереями. Ботанический сад прекрасный, но этому способствует мягкий климат Англии. Само собой разумеется, что деревьев и кустарников в чудных экземплярах в грунте в 50 раз более чем у нас, но оранжереи и теплицы уступают нашим. О коллекции, т. е. гербарии судить не могу, потому что его не видал. Почтенный Гукер (Hooker)⁵⁶ уже теперь не директор сада, но он нас там встретил, зная меня заочно, и еще не очень давно назвал одно растение моим именем (*Tragopyrum Semenowii*). Познакомился я и с генералом Уокером (Walker)⁵⁷, знаменитым начальником Гималайской ..., а также с сыном Дарвина⁵⁸, сказавшим про меня лично много любезностей в своей публичной речи. Вообще, несмотря на политическое охлаждение Англии с Россией после Японско-Китайских осложнений, Англичане осыпали как меня, так и приехавшего с нами К. В. Струве⁵⁹ со всех сторон любезностями. М. Н. Анненков против обыкновения держал себя достаточно скромно. В Лондоне имя его как строителя Закаспийской железной дороги окружено несомненным ореолом, но большого личного впечатления он не производил.

В Оксфорд и Ливерпуль мы не поехали и [предпочли] поспешили через два дня после конгресса вернуться на континент, захав в Брюссель, Антверпен и Брауншвейг по дороге.

Переехав из Дрездена в Блазевиц, я нахожусь в 20 минутах ходьбы от Штаудингера, которого здоровье после пребывания в Испании так поправилось, что он даже отправил Бангхаза⁶⁰ в отпуск. Штаудингеровский колеоптеролог уже успел показать мне кое-что. Я оставил ему свой каталог, и он уже успел по нему приискать до 500 палеозоических видов, у нас не имеющих. В среду я отправлюсь к нему на просмотр отобранного.

Передай мой душевный привет Тихону Сергеевичу и всем окружающим.

Всею душою твой П. Семенов

⁵⁵Эдвард Делмар Морган (1840–1909), английский исследователь, переводчик и писатель. Его мать Mary Ann Parland — дочь старого Джона Парланда; семья Морганов приехала в Петербург в 1857 г., и Делмар провел там свою юность; впоследствии путешествовал по России; перевел на английский сочинения Пржевальского и пр. Морган был инициатором и одним из организаторов VI Международного Географического конгресса в Лондоне в 1895 г.

⁵⁶Sir Joseph Dalton Hooker (1817–1911), ботаник и путешественник, директор Kew Garden с 1865 по 1885 г., президент королевского Общества (1873–1877).

⁵⁷James Thomas Walker (1826–1896), генерал, картограф, исследователь Индии и Тибета, иностранный член РГО.

⁵⁸Sir Francis Darwin (1848–1925).

⁵⁹См. выше примечание 27, с. 9.

⁶⁰Andreas Bang-Haas (1846–1925), датский энтомолог, зять Штаудингера, основавший вместе с ним коммерческую фирму, торговавшую коллекциями насекомых.

14 августа, понедельник. <1895 г.> Blasewitz Hôtel Bellevue

(письмо Елизаветы Андреевны Семеновой)

Милый Андрияша, спасибо за твое письмо от 10 августа, полученное мною вчера. На другой день после того, как я тебе послала открытое письмо, я получил письмо от Оли с парохода между Самарою и Казанью. Она и Изя направлялись уже домой и отложили по сему случаю по причине дурной погоды, свою поездку в Ярославль. Ведь вот как Оля всегда поступает: пишет кавалерам, т. е. Андрею Андреевичу⁶¹ и

Николаю Мартыновичу⁶², а нам ничего, ведь могла бы простое открытое письмо при-слать, и достаточно, я уж сколько раз говорила, что не имею претензии на длинные письма.

Погода здесь вот второй день как сделалась прохладною и весьма приятною, а то была ужасная жара. Папино питье Карлсбада идет успешно, в четверг будет уже две недели, значит, останется еще неделя. Не могу сказать наверно, какого числа мы приедем, но очень бы желала застать тебя хоть накануне отъезда. Валя вероятно явился после многих застреваний по дороге. Я, по правде сказать, довольна тем, что лакей и кухарка отправлены, но конечно предстоит великая скука — искать и нанимать новых; что же делать!

Mlle Schmaltz⁶³ (которая живет здесь на одном коридоре с нами) просила тебе очень кланяться. Она в настоящее время отсутствует, уехала на два дня к своей знакомой верст за 50, но сегодня вечером она возвращается и снова водворяется в свою комнату. À la longue, Mlle Schmaltz очень утомительная особа, невзирая на всю свою услужливость и старание быть полезной. Она так привыкла *воспитывать* своих учениц, что хочет переиначивать и воспитывать всех вообще, что не совсем-то приятно.

Я была с папой у Штаудингера, который водил меня по своему саду, угощал отличными сливами прямо с деревьев, подарил мне розу и вообще был до крайности любезен. Вилла у него прелестная и сад порядочно большой и прекрасный. Мы случайно наткнулись на самого Штаудингера, гулявшего в своем саду, а то меня папа было оставил у входа и сам отдал коробку с жуками кому-то в доме и мы хотели уже уходить, когда он нас увидел и пригласил в сад.

Ужасно жаль Нила Алексеевича⁶⁴, и тем более, что он погиб преждевременно от велосипеда. Оля пишет, что усиленная езда на велосипеде была причиною его смерти. Это ужасно.

Поклоны Тихону Сергеевичу с пожеланиями отделаться от призыва. До свидания, будь здоров и пиши, пожалуйста, от времени до времени.

Обнимаю тебя

Твоя Е. Семенова

⁶¹ А.А. Достоевский.

⁶² Н.М. Штрупп, статистик, сотрудник Министерства торговли и промышленности, одноклассник и друг Вениамина Петровича. Был губернатором Славы Семенова.

⁶³ Шмальц Сусанна, бывшая гувернантка детей П.П. Семенова.

⁶⁴ Гоголинский Н.А., художник, преподавал рисование детям П.П. Семенова, скоропостижно скончался 7 июля, когда гостил в имении своей ученицы княгини М.К. Тенишевой. Гоголинский был влюблен в Ольгу Петровну и надеялся жениться на ней после развода с женой. О нем: В.П. Семенов-Тянь-Шанский. То, что прошло. Т.1, с. 369–370.

Милый дорогой Андрей Петрович,

Мы очень тебе признательны, что ты один аккуратно поддерживаешь корреспонденцию с нами; какое удовольствие доставляют нам твои письма. Теперь я как раз дошел до середины своего лечения. Погода у нас стояла очень жаркая, теперь стало прохладно.

Колеоптеролога Штаудингеровского фамилия Маркарт; после проверки оказалось несколько менее 500 видов, но все-таки очень много; это вследствие того что нам удалось приобрести какую-то хорошую коллекцию. Очень любезный и неожиданный вариант какого-то Фауста; он теперь занимается экзотами, но очень скоро готов приняться за наши Куркулиониды.

Был у нас здесь и В.И. Ламанский⁶⁵.

Написал бы тебе еще, но более нет места.

Всею душою твой П. Семенов

⁶⁵В.И. Ламанский, академик, историк, славист, будущий тесть Вениамина Петровича Семенова.

29

Блазевиц, 19 августа, суббота (письмо Елизаветы Андреевны Семеновой)

Милый Андрюша,

Твое письмо о прибытии Тернеров⁶⁶ я получила и с тех пор все жду их, но до сих пор еще нет никого. Я была в дрезденском Hôtel Bellevue, оставила там записку для Эмилии Густавовны, а portier обещал мне сказать по телефону, как только придут Тернеры. Мы останемся здесь еще неделю, так что ты успеешь еще написать, письма идут приблизительно 2½ суток.

Кончили ли ремонт в квартире и вообще — что делается в доме? Как поживает Паша, и берешь ли ты ее в деревню или нет? Из деревни я ничего не получаю, так что довольствуюсь тем, что посылаю им во второй раз открытое письмо; сами ленятся писать, так я тоже буду лениться. Марье Ивановне⁶⁷ я написала с неделю тому назад, в ее стиле, т.е. всё длинные фразы и *des coqs à l'âne*, т.е. невероятные переходы от одного сюжета к другому.

Тетя Оля⁶⁸, которая часто пишет, говорит, что Валя уехал в Финляндию; верно, он гостит у Кольцовых. А Веня должно быть недели через 2–3 вернется? Поклонись Тихону Сергеевичу, которого надеюсь увидеть по возвращении.

На этот раз до свидания, обнимаю тебя и жду письма.

Будь здоров, милый Андрюша.

Твоя Е. Семенова

Адрес наш до 26-го *Blasewitz bei Dresden, Hôtel Bellevue*

⁶⁶Федор Густавович Тернер (1833–1906), член Государственного совета и сенатор; был директором департамента окладных сборов, затем товарищем министра финансов и его сестры Эмилия и Мария Густавовны.

⁶⁷Мария Ивановна, урожд. Цемш, глухонемая жена Павла Михайловича Семенова (см. о нем примечание 72, с. 27).

⁶⁸Ольга Андреевна Саблер.

Милый Андрей Петрович, только теперь выяснился наверное день нашего выезда. Я заканчиваю воды в субботу 26 августа, в воскресенье выезжаем из Дрездена, понедельник и вторник пребываем в Берлине, в среду 30 выезжаем в Петербург.

Относительно Родольфа я сделаю немедленно все что возможно. Пребывание наше в Блазевице продолжается благополучно, и лечение идет успешно. В Англии я чувствовал наружно, что постарел, а здесь опять восстановился в прежнем виде. Маркарт окончил отобранных колеоптеров; действительно, много новых для него видов, но конечно между ними численно <преобладают> сирийские, алжирские и японские. Впрочем, немало европейских, а также сибирских и китайских. Лиза познакомилась со Штаудингером, который угощал ее сливами и показывал свой сад.

Забыл упомянуть, говоря о Лондонском музее, что они прозевали коллекцию Н. Bates'a⁶⁹, она ушла в частные руки.

Всею душою твой П. Семенов

⁶⁹Henry Walter Bates (1825–1892), естествоиспытатель и путешественник, исследователь Амазонки.

4 июля 1896 г.

Милый Андрей Петрович,

Посылаю тебе талон на получение 163 рублей 33 копейки из Главного Казначейства, что на Литейной на углу Кировой (всякий извозчик знает). Из этих денег удержи свои. Заплати Паше 18 р., Анне Семеновне 12 р. и кухарке 2 р., так как ей по ошибке дали вместо 13 р. по 12 р. в месяц. Остальные деньги передай в деревню Оле на расходы по хозяйству, так как я в состоянии ей оставить очень немного, иначе не с чем будет ехать.

Погодой здесь я лично очень доволен. Жаров нет, но тепло; дожди льют невероятно, но перемежаются с прекрасной погодой, природа в полном оживлении, все зелено, рост деревьев, трав и хлебов невероятный, в оврагах текут ручьи, на низких местах много воды; одним словом, природа сделала то, к чему стремятся люди, обводнила наш край.

Что делают пернатые, покажет вылазка Вали сегодня: он отправился с Трезором, но выстрелов его не слышно; я же никакой дичи не видал, кроме двух куликов против нашего сада. Впрочем, я в сырость ходить не отваживаюсь: пью воды и хожу вполне свободно, даже могу бегать.

Петелинская гать неприступна: два раза пытался через нее проехать, и в экипаже было невозможно.

Выезжаем отсюда 19 или не позже 20 июля в Нижний, а там и сам не знаю, вернусь ли еще в деревню или уже прямо в Петербург.

Всею душою твой П. Семенов

Grand Hôtel International. Nischnij Nowgorod

Писано в Нижнем от 18 до 20 урывками

Милый дорогой Андрюша,

От души благодарю тебя за твое милое письмо, полученное в Нижнем, и с удовольствием спешу нарушить твое одиночество письмом за всех нас — временных нижегородцев нашей семьи.

В деревне мы пробыли ровно три недели, и я к счастью успел окончить благополучно свой краткий курс карлсбадских вод. Погода была самая благоприятная: божественная прохлада в течение 16 дней, дожди летнего характера, перемежающиеся с хорошою погодою, животворная влага невероятный рост трав, чудная зелень лугов и деревьев, цветение лип и пр. В саду даже наши вековые деревья ожили, и в нынешнем году ни одно из них не окончило своего существования. Перед домом ковровые культуры без полива могли выдержать конкуренцию с выставкой Нижегородской. Лес — сплошное очарование: появились цвета, временно минувшие, а грибов такая масса, какой во все эти годы не бывало. Шелкопряды исчезли, и только шпанские мухи испортили несколько ясеней, снова и быстро принимающих свое весеннее убранство. Поразительно в нашем саду и около дома исчезновение ворон: куда они делись и почему нас покинули, я еще не додумался.

Делать вылазки в болота я не отважился, хотя ходить (немного расходившись) могу почти с прежнею быстротою. Валя принес с двух маленьких вылазок в болота (вторая без собаки) по 4 штуки дичи (в том числе не менее 3 бекасов), но само собою разумеется, что при нынешней влаге, когда по плоскогорью против урусовской мельницы теперь бурные потоки, а озерко в полях было немного менее чем во времена

Куликовой битвы (конечно, это гипербола), должно полагать, что дупеля среди полей и появятся в болотах после уборки, которая должна была начаться после нашего отъезда. К счастью, железнодорожники пока не истребили дичи: администраторы поглощены, по крайней мере в нашей местности, быстро подвигающимися работами (полотно от Раненбурга готово, над Рановой уже воздвигается мост и против Казачьего громадная Кукуевская насыпь) приезжие же рабочие, в свободное от других занятия время, более гоняются за местными сабинками, чем за дупелями и бекасами.

Время в деревне мы провели очень приятно, чему конечно много поспособствовала и Оля, составляющая как бы центр Гремячки (хотя производящая «выходы» из своей опочивальни только с достижением солнцем зенита). Варя и Саша⁷⁰, а также разыгрывающие в нынешнем году роль эфемеридов наши милые <новобрачные>⁷¹. и наконец аборигены нашей местности Павел Михайлович⁷² со своими спутниками, между которыми проявляется и юный Михаил Николаевич (его племянник)⁷³. На втором плане этой деревенской картины также все было оживлено: Наталия Петровна с Талей, а за ними Костя⁷⁴ с семьей и Вюрсты, хутор которых представляет прекрасный образец того, как усилия всего одной особы могут превратить пустыню в прекраснейший уголок и как еще возможна у нас реставрация природы и ее прежних условий. Далее и Урусовский дом, в котором в начале приезда нашего блуждал одиноко Николай Петрович, оживился с приездом Надежды Павловны и Миши⁷⁵, которого везли 12 часов от Ряжска (в ландо в объезд, так как через Петелинскую гать ни четвероногие, ни двуногие не могут пробираться в течение нескольких дней, а влево от гати Ранова имела такой же вид, как теперь Волга или Ока с нижегородской возвышенности. Родной воздух, в нынешнем году насыщенный живительной влагою, подействовал на Мишу лучше, чем .. медленное в медиатическом московском доме Пальчиковых, и он уже начал поправляться.

Собрались мы в Нижний со свойственной нам быстротою в один день выехали в воскресенье 14-го и вечером прибыли в гостиницу, на бланке которой и пишу это письмо. Как у нас в деревне последние 5 дней, так и здесь небо было безоблачно и погода дивная. Выставку мы застали в полном апогее. И не только одно содержимое, между которым мало предметов высокого интереса и дивной красоты, но и чудные произведения русской архитектуры с ее широким воздушным размахом в деревянных и металлических зданиях и наконец садовая культура, превратившая полуболотистую площадь в чудный сад с молодыми деревьями и разноцветными ковровыми клумбами.

Наступило 17 июля и все ожидали при дивной погоде посещение Императорской четы. Вдруг набежала незарегистрированная нигде метеорологами грозная туча и разразилась над нами своими молниями, громовыми раскатами, ливнем и градом, но таким, что он разбил стекла огромного нашего китайского павильона, падая на нас картечью, с такою же силою, как, помнишь, на Военно-грузинской дороге. Дорожки сада сделались бурными потоками, а параллельные с бассейном слились с ним. Весь этот хаос природы продолжался полтора часа.

Затем просияло, и на этот раз на весь остальной день солнце в полном своем блеске, и все оживилось: появились коляски Императорской четы и свиты и быстро проехали через воду в главное здание, при оглушительных раскатах уже не грома а криков «ура».

В наш Сибирский и Среднеазиатский отдел Царская чета уже попала на второй день 18-го. В этот день был дан для нас Царский Обед в Нижегородском «дворце». На следующий день 19 вечером Император и Императрица посетили раут, данный гражданами нижнего в ярмарочном Главном Доме, убранном с необыкновенною рос-

кошью и вкусом. Во все дни пребывания Царской четы были чудные иллюминации, придававшие городу феерический вид. Царская чета уехала 20-го, но мы задержались здесь до нынешнего дня (23-го) отчасти выставочными делами, отчасти обедом, данным Ковалевскому⁷⁶ его товарищами по выставке. Вчера в довершение был пожар рядом с нашею легкою деревянною гостиницей, который тоже содействовал нашей задержке. Сегодня вечером выезжаем в деревню. На выставке мы обрели неожиданных мне лиц, в том числе Петра Николаевича⁷⁷, А.А. Достоевского, Смита⁷⁸ и т.д.

Всею душою твой П. Семенов

⁷⁰Сестры художницы Варвара и Александра Петровны Шнейдер, близкие друзья семьи Семеновых.

⁷¹Имеется в виду Вениамин, только что женившийся на Вере Владимировне Ламанской. Летом 1896 г. они впервые вместе приехали в Гремячку.

⁷²П.М.Семенов (1849-1917), сын М.Н. Семенова ст., двоюродный брат П.П. Семенова, небогатый помещик, владелец имения Алмазовка, некоторое время был управляющим имений Н.П. и П.П. Семеновых, увлекался разведением цветов, фотограф-любитель, зимой любил путешествовать по Сардинии и южной Италии. Убит крестьянами в декабре 1917 г. при разгроме своего дома.

⁷³Михаил Николаевич Семенов 2-й (1873-1952), которого не нужно смешивать с его полным тезкой — сыном Николая Петровича Семенова, о котором идет речь ниже в том же письме. См. о нем: Семенов М.Н. Вах и Сирены / Сост., подгот. Текста и перевод, комментарии В. И. Кейдана; вступ. Статьи В.И. Кейдана и Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 680 с.

⁷⁴Константин Яковлевич Грот, историк литературы и его жена Каролина Ивановна.

⁷⁵*Надежда Павловна Семенова* (рожд. Шишкина) — жена Николая Петровича Семенова, *Миша* — Михаил Николаевич Семенов, его сын (1867-1933). Он был в это время поручиком Измайловского полка. М.Н. сломал ногу, после чего вышел в отставку. Семья Пальчиковых — старые друзья Николая Петровича (глава семьи Н.В.Пальчиков был его товарищем по Царскосельскому лицей). Николай Петрович и все члены его семьи подолгу гостили в московском доме Пальчиковых.

⁷⁶Владимир Иванович Ковалевский (1848-1934), директор Департамента торговли и мануфактур, один из организаторов Нижегородской выставки.

⁷⁷Петр Николаевич Семенов (1858-1912), старший сын Н. П. Семенова, действ. ст. советник, гофмейстер, сенатор.

⁷⁸Американский консул в Москве.

32

11 августа 1896 г.

Милый Андрюша,

Население и перенаселение (Übererzöllerung) Гремячки ограничивается следующим:

А) в большом доме:

1. я с Лизой в спальне (уезжаем около 18-го)
2. Оля в своей светлице
3. Изя в своей комнате, но к нему присоединяется с завтрашнего дня Славчик Саблер⁷⁹ (уезжает около 22-го)

В) В деревянном флигеле Варя и Сапа Шнейдер (уезжают около 22-го)

Г) В каменном

1. Веня с супругой в комнате на двор (бывшей Анны Васильевны).
2. Кн. Церетелев⁸⁰ в комнате Тихона Сергеевича; уезжает около 18-го.
3. Николай Мартынович и г-н Попов из Сибири (приезжают завтра уезжают 15-го) помещаются в крайней дальней комнате окнами вперед.

Само собой разумеется, что твоя комната остается и останется неприкосновенно.

Барвара Петровна от болезни оправилась. Все мы здоровы и благополучны.

Всею душою твой П. Семенов

⁷⁹Святослав Владимирович Саблер, племянник Е. А. Семеновой.

⁸⁰Князь Петр Николаевич Церетелев — старый друг Петра Петровича со времени его работы в редакционных комиссиях по освобождению крестьян. С его женой, певицей Е. А. Лавровской, была дружна Елизавета Андреевна.

33

1/13 сентября 1897 г. Мюнхен

Дорогой Андрюша,

Доехали мы сначала до Берлина, а потом до Мюнхена совершенно благополучно. В Берлине пробыли два дня, т. е. время необходимое для дальнейшего нашего снаряжения и отдыха. Кроме картинной галереи нигде не был и никого для тебя интересного не видал. В Берлин только что завернула с нами хорошая погода, а сегодня в Мюнхене после нескольких недель отвратительной погоды появилась сносная. Пробываем в Мюнхене только день, завтра едем в Инсбрук, там и начнется для нас только природа. Будем останавливаться на Бреннере и на южных склонах Альпов, но едва ли попадем на Монтебальдо. Оказалось, что это не гора, а высокий хребет между озером Гарда и Этью, но дорог доступных нам на него нет, чему в особенности препятствует то, что тут проходит граница Австрии и Италии и никто не заботится о проложении доступных путей. Посмотрим, не будет ли доступнее ехать для нас в Тироле по южной стороне Бреннера. А там увидим, что представляют осенью предгорья Альпов в Италии и какая там будет погода, бывшая все лето отвратительною.

Сейчас ожидаем к себе к чаю брачную чету Бельских⁸¹, приятелей Вени.

Очень обрадовался твоему аисту⁸². Он конечно нашел у нас более солнца, чем здесь, где оно совершенно было погребено в тучах и туманах целое лето.

Попробую купить себе лупу в оптическом Мюнхене.

Мы вернемся в Берлин к заседанию тамошнего Географического Общества, которое будет 10 октября нового стиля. На возвратном пути постараюсь повидать кого-нибудь из энтомологов (в Вене, Дрездене, Берлине).

Чувствую я себя совершенно бодро и хорошо, недуги дают мне широкие каникулы.

Всею душою твой П. Семенов

Обнимаю милую Олю и много думаю о ней. Передай мой поклон, полный сочувствия, Т. С. Чичерину.

⁸¹Владимир Иванович Бельский, либреттист и близкий друг Н. А. Римского-Корсакова, после окончания университета провел несколько лет в Мюнхене, изучая политическую экономию.

⁸²В середине августа О. П. Семенова писала А. А. Достоевскому:

Доктор Рудинский подарил Андрюше аиста. Три аиста залетели в Скопинский уезд, и одного из них изловили крестьяне. Аист теперь в саду под сеткой и приучается к людям порциями мышей и лягушек, преподносимых ему Терентием (садовником).

34

3/15 сентября 1897 г. Инсбрук

Милый Андрюша,

Лиза тебя очень благодарит за милое письмо, только что и быстро полученное в Инсбруке, но по множеству предстоящих ей писаний я пишу за нее.

Приехали мы в Инсбрук вчера вечером погоду застали здесь очень сносную. Горные вершины отчасти закутаны облаками, но везде просветы и «Максимилианова стена» видна почти вся.

Сегодня поутру устремились в природу и поехали в «ландо» на Lanser Köpfe. Это вершина в 930 метров абсолютной высоты, а над Инсбруком 357 метров. Дорога туда и назад (другая) отчасти горными лугами, отчасти густым еловым лесом, покрывающим горные скаты, чрезвычай живописна, а вид с двух вершин (на которые уже въехать нельзя, а приходится пройти пешком минут 20) восхитительный. На обратном пути дорога спускается в ущелья, заросшие чудным еловым лесом.

Для энтомологических сборов все было приготовлено как следует, но конечно сбор оказался очень скудным. Нашлось кое-что под камнями. На каменной осыпи я поймал 3 экземпляра *Cicindela hybrida*. *Carabus* нашел один, да и тот *cannelatus*. Несколько *Feronidae*'ов из которых один красивый *Abax* (тот самый, которого я находил в лесу над Фирвальдштетским озером)... Флора осенняя, с очень свежеею травой, еще совсем не альпийская: это северные растительные формы, которые на горах становятся приземестее, с более крупными и более яркими цветами (*Anthyllis vulneraria*, *Helianthemum vulgare*, *Scabiosa succisa*, *Brunella vulgaris*, *Euphrasia communis*, неизвестный мне вид *Euphorbia*, да еще одна водящаяся в горных лесах Швейцарии и Кавказа форма из губоцветных. Нам встретились барбарисы со спелыми красивыми ягодами. Выше кустарники были перевиты двумя лианами: гораздо более роскошным, чем у нас, хмелем и клематисом, которого у нас нет.

Завтра едем далее. Делаем экскурсии на южном склоне Бреннера на высоте от 1000 до 1370 метров и спустимся на ночлег в Боден уже в Итальянском Тироле.

Следующее письмо буду писать тебе из Varese или из Capo di Lago на озере Лугано, оттуда можно будет делать экскурсии на передовые итальянские Альпы. На Монтебальдо попасть невозможно ниоткуда, иначе как пешком.

Вот и конец бумаги и письма.

Всею душою твой П. Семенов

35

Милый Андрюша,

Письмо это из Варезе, куда мы доехали следующим образом. 5 сентября выехали из Инсбрука. На Бреннере пробыли несколько часов от поезда до поезда и на ночлег спустились в Боден. Бреннер, при 1370 м высоты, перевал в лесную долину. Был очень холодно, и экскурсия дала очень мало. Попался один *Carabus hortensis*, кроме того, те же блестящие *Feronidae*, одним словом, почти та же самая фауна, как и на Lanser Köpfe при 930 м. Флора еще не альпийская, а южной лесной зоны. После ночлега в Бодене почти целый день 6 сентября употребил там на экскурсии. Ездили вдоль длинного чудного ущелья (Sarnthal), и ходил я еще около самого Бодена. Добыча была самая скучная, несмотря на прекрасную теплую погоду (на 265 м высоты). Попался однако же *Procrustes coriaceus*, один *Pterostichus* и два *Staphylinidae*.

Вечером мы спустились в Италию, ночевали в Вероне, а 7 переехали в Милан. 8-го переехали в Варезе, где и пребываем. 8-го была очень дурная погода, разразившаяся ужасною бурей и грозой.

С 9 сентября погода чудная, виды великолепные. Но экскурсии не дают *ничего*, абсолютно ничего. Только найдены были за все время несмотря на неустанные поиски, *Calathus*, *Harpalus* и *Chrysomela*. Между тем, мы поднимались, при чудной погоде, на две высокие горы Modena del Monte (более 900 м) и Monte Generoso (по зубчатой дороге, где и ночевали 10 сентября), 1704 м. На горных вершинах было холодно и ничего ровно, ни одного жучка. Вид восхитительный на все Альпы, между которыми

самые величественные группы представляет Monte Rosa. Растительность на Monte Generoso уже альпийская.

Только сегодня 11 сентября на экскурсии за *Cyclamen*, растущими в одной долине около Варезе, удалось найти очень немного. Попался и один *Carabus*: ломбардская форма *Carabus granulatus*, да кроме него один хороший *Feronidae*, сальфы и обыкновенная *Cetonia*.

Пробудем здесь еще полтора дня и затем пускаемся в обратный путь. Из Милана выезжаем в понедельник 15 сентября прямо в Венту, так что в природе уже более не будем, а только в городах — Вене, Дрездене и Берлине.

Всею душою твой П. Семенов

Оле пишу особенно.

36

6 ноября 1897 г.

Милый Андрюша,

От Рейтера было получено очень немного и все уже разобрано, но есть особый ящичек для тебя. В нем 42 *Microderae* и 7 *Cechenus*. Все это оставлено неприкосновенно на твоём столе.

От Роста я получил не мало экземпляров плоских *Carabus* в дополнение к нашей коллекции. От путешественников и местных собирателей получил

— с Яльменского полуострова и берегов Обской губы ничтожный сбор, но хорошо собранный.

— от д-ра Невского, спутника кн. Сан Донато плохой и беспорядочный сбор с русского и монгольского склонов Алтая.

— от М. Е. Грум-Гржимайло ничтожный сбор (по позднему времени года) с устьев Экбюз.

— от Шуалло один ящичек прекрасного сбора с северного склона Кавказа к западу от меридиана Эльбруса.

— от Громбчевского один ящичек хорошего сбора, хотя довольно однообразного — вдоль р. Сунгари, однообразный потому, что он собирал только на стоянках парохода.

— от Леонтьева⁸³ и от другого абиссинского путешественника два обильных сбора, на этот раз довольно удовлетворительные, т. е. хорошо собраны. Леонтьев привез еще один экземпляр необыкновенного маленького грызуна (в спирту). Зверь невероятный, совершенно приспособленный к жизни под песком. Я никуда не отдаю этого зверя и храню до тебя. Еще доставил он 50 чучел абиссинских птиц, предоставив их во временное пользование, но возможно оставит их нам и совсем. Леонтьев назначен Менеликом генерал-губернатором экваториальной провинции Абиссинской империи, а в помощники к нему, т. е. Леонтьеву, пошел принц Генрих Орлеанский. Провинция эта пока еще *im Werden* и требует организации, но она признана англичанами до 2° СШ, т. е. до области озер.

Еще ожидается сбор от Вагнера из Енисейской губернии, преимущественно с восточного склона Кузнецкого Алатау. Он отчасти уже получен.

Вот все, что имею тебе сообщить по энтомологической части.

Гроты все здесь (кроме семейства Ляли), и на меня падают хлопоты о других. Дело идет о наследстве после Константина Карловича⁸⁴, впрочем, состоящем из небольших уже остатков.

Всею душою твой П. Семенов

⁸³Николай Степанович Леонтьев (26 октября 1862, Херсонская губерния — 1910, Париж, Франция) — русский военный и политический деятель, исследователь Эфиопии, организатор абиссинской армии.

⁸⁴К.К.Грот, государственный и общественный деятель, основатель системы попечения над слепыми в России, умер 30 октября 1897 г. Брат Я.К. Грота.

37

28 августа 1898 г.

Милый Андрюша,

Пишу тебе это письмо из Петербурга, так как мы задержались нездоровьем Мамы; она порядочно прихворнула спазмами и гастритом и к 1 сентября мы двинуться за границу не можем. Оля приехала сегодня. Сегодня ночью скончалась Александра Ивановна Ламанская⁸⁵.

Твое поручение я исполнил: передал Андрею Андреевичу для отправки Тихону Сергеевичу бумаги об утверждении в наследстве его сестры. Ему же передал клетчатую бумагу, купленную у Криха. С более мелкой разлиновкой нигде нет. Веня очень извиняется, что не исполнили этого поручения, просто забыл.

В доме постройка идет своим чередом, но все еще подвигается во внутренней постройке довольно медленно, а в наружной достаточно быстро.

Очень мечтаю о твоей поездке ранней весной в Закаспийскую область и приготовить заранее необходимые на то средства, так как никогда обстоятельства для этой поездки не сложатся благоприятнее: ты свободен, а Боголюбов⁸⁶ будет в Асхабаде уже с ноября. Ты будешь иметь три удобнейших станции: одну из них Асхабад, другую в Копет-Даге его дачу на 4000 футов и третью на 8000 футов там же.

О наших путешествующих, странствующих в разных местах от Географического Общества, пока известий никаких нет.

Прписка Елизаветы Андреевны:

Милый Андрюша, я починаюсь понемножку, но раньше среды или четверга наверно нельзя будет уехать. Развинтилась я в понедельник. Адрес будет на первую неделю, т.е. от 6 до 13 сентября Naag, Prinsengracht 6, Herrn Dr. Bredius⁸⁷ с передачей, а потом Dresden Hôtel Bellevue.

До свидания, будь здоров. Поклоны молодым⁸⁸.

Желаю всего хорошего и по первому пункту дождя.

Твоя Е. Семенова

⁸⁵А.И. Ламанская, жена В.И. Ламанского.

⁸⁶Речь идет о генерал-лейтенанте Андрее Андреевиче Боголюбове (1841–1909); в октябре 1898 г. он был назначен губернатором Закаспийской области.

⁸⁷Dr. Abraham Bredius (1855–1946), historien de l'art, collectionneur d'art et directeur de musée néerlandais.

⁸⁸В середине августа Валерий Петрович женился на Капитолине Ивановне Кольцовой.

38

Берлин. 6/18 сентября

Милый Андрюша,

Как только мама совершенно оправилась, мы выехали вчера 5/17 сентября. Сегодня мы ночуем здесь в Берлине, а завтра вечером будем в Гаге, где пробудем около 6 дней. Затем заедем в Антверпен и Брюссель и будем в Дрездене около 16/28. Адрес в Дрездене Hôtel Bellevue, а в Гаге Prinsengracht 6 Herrn Dr. Abr. Bredius. Прислать тебе деньги 50 рублей я поручил Изе.

Ты конечно знаешь, что Оля в Stiebt, откуда приедет прямо в Гремячку. Уехала, забыв взять удостоверение личности (паспорт) и телеграфировала с дороги. Постройка наша очень подвинулась. По нашей квартире и левому флигелю скоро все будет готово.

Ты вероятно знаешь из газет, что Александра Ивановна Ламанская скончалась. Скончалась и наша protégé, о которой мы так хлопотали: певица Анна Иванова.

Граф Яков Николаевич уехал в Англию, устроив поездку Шнейдеров с Крэнами⁸⁹ (дамами) в Киев. Оля приедет к ним в том момент, когда Крэны уже уедут прямо за границу.

Заграничных новостей никаких не собираю, потому что только что сюда ввалились и ничего не знаем, кроме того, что ты можешь прочесть в газетах.

Всею душою твой П. Семенов

Обнимаю милых молодых. Относительно лесника Григория прошу потерпеть до моего решения (потому что я не знал, чем Вы недовольны) и во всяком случае прошу Валю позаботиться о полной реставрации лесной хуторка-избы.

⁸⁹Чарльз Ричард Крейн (1858–1939), американский промышленник, дипломат и филантроп, работал в дипломатических миссиях в России, Китае, на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Неоднократно гостил в Гремячке у Петра Петровича. В Киев вместе с сестрами Шнейдер ездила его жена.

39

25 сентября, пятница

Милый дорогой Андрюша,

Из писем к Оле ты узнаешь, что мы делали за границей до Дрездена. Здесь мы пробуем только неделю, и разумеется наши дни хорошо наполнены и скучать некогда, да и притом я здесь как дома и всегда нахожу себе приятные и интересные для меня разумеется в Дрездене легкие занятия. К Штаудингеру я отправляюсь сегодня уже во второй раз. Самое интересное, что у нас получилось, это посылки из Сирии и Японии. Из Туркестана нового ничего нет, а ожидается большая посылка из Гималайского хребта, т. е. преимущественно из наиболее посещаемых местностей Непала, хотя, как он утверждает, до альпийской зоны включительно и до Тибетской границы. Но посылка эта еще не прибыла. Я отобрал что мог и еще отберу, преимущественно из Сирии и Японии.

К сожалению, все *Rhizotrogus* услали к специалисту. Посмотрим, что еще найдется сегодня, а теперь спешу ехать в Блазевиц и заканчиваю письмо.

Всею душою твой П. Семенов

Очень благодарю за твое письмо; ты знаешь, что все что ты пишешь, мне всегда интересно.

40

14–15 марта <апреля?> 1899 г. Гремячка

Милый Андрюша,

Вчера приехали благополучно и нашли в деревне весну 1-ю Б., а не А, вследствие того, что в начале апреля до 10 погода была чрезвычайно теплая, но за три дня до нашего приезда похолодело и утренники до -2° .

Реки вошли в свои берега, у нас Ранова даже опущена и вода в ней только в песчаном ложе. Разлив был большой, и весь наш ольховый лес и луг был залит. Растительность следующая: в полном цвету *Tussilago farfara* и *Corydalis*, в полном расцвете т.е также в цвету одна из *Gagea*, *Anemone ranunculoides*, *Viola hirta* и *Pulmonaria officinalis*, а *Pulmonaria azurea* еще не расцвела.

Само собой разумеется, что цветет ольха, тополи, осины, листья на деревьях еще не развернулись, но в зеленых почках. Последние три холодных дня задержали растительность. Снегу нигде нет, только полоски старого снега в тенистых оврагах. Птицы очень деятельно вьют гнезда: мы с Олей наблюдали грачей-архитекторов.

С энтомологической охотой пока еще очень плохо. Вчера шел снег, который конечно таял, падая на землю, сегодня облачно и холодно, по временам только проглядывает солнце (теперь только еще 10 часов утра). Вчера я поймал только пять видов (зиба⁹⁰ еще не было): *Chrysomela violacea*, два *Staphylinidae* и две мелочи на срубленном пне. Зиб едва нашелся в комодке служебной комнаты. Оказалось, что как раз ты не дал ключей от светлого шкафа и от комода, а ключ от твоего береженого шкафа оказался забыт тобой здесь. Из-за чего же ты скупился давать ключ?

Как бы то ни было, зиб нашелся, да нашлось и одно хорошее сито малого размера с прекрасною медною сеткою, а другое большое мы купили в Москве. Мешка нигде не оказалось, сшили новые.

Зиб сегодня дал плохие результаты. Около 10 видов самых обыкновенных, между которых преобладает *Haliples*'ы и *Staphylinid*'ы. До воды пока добраться не мог. Река так ушла в свое русло, что пытаюсь дойти до нее вчера, я увяз в илистом месте. Пойду сегодня около полудня на водный лов, так как вчера водянки видимо попрятались на дне реки.

Оля видела в верхнем саду каких-то взлетевших с широкими крыльями птиц, которых она приняла за вальдшнепов; я их не видал. Следы зайцев в саду, но мало, говорят, они бегают по саду, но мы еще их не видали. В доме тепло, хорошо и уютно. Марья Ивановна хлопочет, а Павла Михайловича мы еще не видали.

Сегодня в 9 часов утра спешневская баба принесла твою телеграмму. Очень сожалею, что Саша не будет и очень радуюсь приезду Андрея Андреевича. Лишь бы поездка его не стеснила, а скучно ему здесь не будет, да и для его здоровья <это> во всяком случае плюс а не минус.

Сейчас выглянуло солнце и я иду в лоно весенней природы, которая как и всегда очаровательна.

Всею душою тебя любящий П. Семенов

Все-таки энтомологический день окончили успешно. Собрано под листьями, корой ольхи и на черепе лошади экземпляров 30, да зиб дал более 80 экземпляров. Всего более в нем *Staphylinid*'ов и *Habtiid*'ов, но не мало интересных *Claviger*, в том числе и *Pselaphid*'ов. На лошадиной голове *Silpha rugosa*, *Necrobia* и *Nitidula*. Водяников пока ни одного. Сегодня 15-го 8 часов утра. Погода чудная и северо-восточный ветер унялся. Поеду в лес.

⁹⁰ Зиб (нем. Sieb) — энтомологическое решето для просеивания мелких насекомых.

17 апреля 1899 г. Гремячка

Милый Андрюша,

15 апреля был хороший почти безоблачный день, но температура не поднималась выше 9° в тени. Погода была совершенно тихая, и мы с Павлом Михайловичем в полдень отправились в Казачье, где и пробыли до 6 часов. На южном скате были в полном цвету *Pulsatilla patens*, *Adonis vernalis*, *Ficaria ranunculoides* и две *Gagea* и маленькие фиалки. *Primula officinalis* едва-едва расцветает. В лесу ничего не летает, и зиб дал мало, да и под корнями деревьев ничего не было. На южном склоне летали ихневмониды, шмели и бегали ящерицы, даже и очень крупный заяц выпрыгнул из ямы в нескольких шагах от нас. У подошвы склона по илу бегало множество

Bembidiidae, *Harpales* и других карабид; зиб дал много, хотя очень однообразного. Весь вечер я с ним провозился, а на другой день просидел с 6 часов утра до 10 над укладкою в ящичек. Ночью был последний мороз.

Вчера 16-го после 12 часов и до 6 ездили в наш лес. В тени было опять немного более 9, но ветер, хотя юго-западный, был холоден. В лесу на солнце было очень тепло. В нашем лесу нет ни адонисов, ни *Pulsatilla*, но много расцветшей *Pulmonaria azurea*, *Anemone ranunculoides*, *Ficaria ranunculoides*, *Gagea* и кое-где *Corydalis*. Деревья в зеленых почках, но листья еще не распустились. Лесной пруд в полной красоте. На нем плавало семь диких уток. По временам они взлетали и вновь садились на тот же пруд. На иле около пруда нашли оживление. Зиб дал плохие результаты (очень удовлетворительные он дал утром у нас в саду). Но все-таки добыча была довольно хорошая, благодаря мелочи под корою берез и водяникам в ямах. Не в лесу, где их нет, но на дне лощины (также в лесу), где много листьев в воде. Впрочем, все *Hydrophylidae*, из *Dytiscus* попало только три. Один большой *Dytiscus* на глазах Павла Михайловича вылетел из пруда. Бабочки (антиопа и крапивница) летали в очень небольшом количестве, но весело.

Ночью мороза не было. Сегодня погода чудная, тихая и безоблачная. Теперь в 9 часов утра температура уже 10°, вероятно дойдет к полудню до 13°. Вечерний улов разбирал от 6 до 8 часов. В зибе нашлось три экземпляра *Pselaphus*. В полном садовом зибе попались два вида *Tritoma*, один *Scydmaenid* и *Nitidula* <...>

Сегодня Марья Ивановна выезжает навстречу Андрею Андреевичу, и я посылаю с нею это письмо и вкладываю в него письмо из Ярославля на твое имя. Погода так хороша, что я после часу собираюсь на экскурсию в верхнюю часть Точилки.

Всею душою твой П. Семенов

Сегодня деревья и кустарники обнаруживают некоторое желание позеленеть

42

20 апреля 1899 г. Гремячка

Милый Андрюша,

17-го к моей большой радости приехал Андрей Андреевич. После завтрака мы с ним поехали на экскурсию в Точилку, выехали на ее верховья и прошли всю вдоль вплоть до моста у сада Николая Петровича. День был ясный, но прохладный. В Точилке оказалось много водных плесов и луж на дне оврага, но в них ровно ничего, и добыча вообще самая безотрадная. Растительность в Точилке сильно отстала, *Pulsatilla* и адонисов совсем в ней нет, кое-где лежали на скате полоски грязного снега.

Ночью были у заутрени. Погода 18-го была ясная, но дул при 8° холодный юго-восточный ветер. Экскурсия с Андреем Андреевичем, Олей и Павлом Михайловичем была направлена в Голицынский лес. Там пробуждение весны несколько запоздало и только что расцветают *Pulsatillae*, *Adonis*'ы и *Pulmonaria azurea*. Очень удобное для охоты за *Coleopterae* место представляла площадь лесного поруба. Из многих срубленных берез сочился обильный сок, но ничего при холодной температуре и ветре на него не летело. Кое-что однако нашлось с трудом на пнях (*Nitidulidae*, *Elater* и пр.). Зиб собрал со всего леса, но добыча была сама скудная: попало два вида *Tritoma*. Пришли к самому полному убеждению, что Голицынский лес древний и первобытного происхождения. Я его знаю с детства. Он всегда меня поражал тем, что он весь расположен на плоскости и не выходит из оврагов. В 30-х годах он был уже очень старым лесом, а в начале века никто лесов не сажал, а их уничтожали для экстенсивных распахек. Если бы вместо уничтоженного леса для распахки стали бы сажать лес, то того бы посадили в сумасшедший дом. Что же было на моей памяти,

это было то, что Голицынский лес распахивали полянами для получения нови, а потом запускали, когда новь переставала быть новью, и так как половина леса всегда была цела, брошенные запашки обживались сами собою лесом и лесная первобытная флора уцелела здесь на этих естественно возобновляемых лесных площадях, как ковыль уцелел на селиверстовских степях.

19-го, т.е. вчера, весь день при температуре до 9° шел дождь, веселый и оживительный: в один день все почки на деревьях распустились и березовые листья кое-где достигли размера серебряного пяточка, а ивы дали хорошие молодые листья. Добычи энтомологической в этот день никакой. Мы доходили по саду до реки, видели кулика, чибисов и врага Оли зайца, который произвел в ее посадках страшные опустошения.

Сегодня 9 часов утра, погода чудная, ясная. Теперь уже 11°, в 2 часа вероятно дойдет до 16°. Теперь уже все оживет, если снова не завернет холод. Собираюсь после завтрака на экскурсию в Зеркала. Только я с желудком немного расклеился.

Вот пока все, что мог сообщить для тебя интересного. Время проходит так, что едва успеваешь все переделать.

Всею душою твой П. Семенов

43

22 апреля 1899 г. Гремячка

Милый Андрюша,

Пишу тебе накануне отъезда только маленькую приписку. 20-го числа наша экскурсия в Зеркала была довольно интересна. Хотя дул сильный ветер (теплый и южный при 3°) мы все-таки нашли кое-что, а именно видов 35 в 79 экземплярах, в том числе три экземпляра *Dorcadion* и один *Timarcha*. *Meloe* нет как нет. Водяников почти совсем нет, хотя воды много, и луж, и ручейков. попался из *Dytiscus* только один экземпляр *Colymbetes*. Вечером 20-го была гроза. В Зеркалах цвели адонисы.

Вчера 21-го целый день шел дождь. Мы все-таки отправились в наш лес, в нижнюю его часть. Луж и водяных ям в лесном овраге много, занесенных древесными листьями, но водяных жуков и в особенности *Dytiscus* совсем нет. Зиб по случаю слишком большой скорости заведения ничего не дал. Сегодня погода немного лучше, но облачно. Поедем в Казачий. Завтра выезжаем.

Всею душою твой П. Семенов

44

17 сентября 1899 г. Dresden, Hôtel Bellevue

Милый Андрей Петрович,

Вот два дня как я возвратился в Дрезден после поездки в Париж. Приехали туда в пятницу вечером и пробыли только субботу и воскресенье, успев окончить свои дела по выставке в два дня, вследствие чего энтомологов отыскивать не было времени. Кроме выставки были только в Лувре, да еще я показал Николаевскому⁹¹ Notre Dame de Paris и St Germain l'Auxerrois. В понедельник уже выехали, и так как я избегаю ездить по ночам, то первую ночь мы ночевали в Кельне, вторую в Касселе, где были в галерее и на Wilhelmshöhe, а третью в Лейпциге, вернулись к Лизе в четверг. Здесь я уже был у Штаудингера, видел его, Банг-Хааса и Маркхардта и распорядился о присылке тебе по адресу *Aphodius rufus*. Нового я нашел у Штаудингера только хорошую посылку энтомолога с немецкой фамилией, которую я забыл. Сбор сделан в восточной Бухаре; энтомолог вернулся в Германию и уже не вернется в Туркестан. Ледер снова отправился в Монголию, и от него ожидается сбор, но

уже зимою. В посылке энтомолога из восточной Бухары есть кое-что интересное, и я отобрал все, что следует, между прочим, небольшого рыжего *Prionus*. Посылка за недостатком времени будет прислана от Штаудингера прямо в Петербург. От Рейтера я получил посылку в Петербурге. У Клагера в Берлине заказал булавок, готовых мелких номеров не было.

В Берлин едем в среду, так как предварительное собрание в среду вечером, а окончательное в следующую среду вечером. В четверг или пятницу 23 или 24 сентября выезжаем в Петербург. Из русских на конгрессе будут Тиме, Шокальский, Воейков, Краснов и Радде. Вероятно, будет сильный напор на меня, чтобы следующий конгресс был в Петербурге.

Париж успокоился, форт Шаброль сдался⁹². Дрейфус получил помилование. В Западной Европе. т. е. в Германии, Англии, Нидерландах, Швейцарии, Австрии и Италии, все дрейфуцианцы. Только прозаик Дерулед, Герен и орлеанисты представляют еще некоторую тревогу во Франции, с которой впрочем правительство справится, и все французы будут только думать об успехе выставки, а там что Бог даст.

Адрес наш Берлин Wiesbadener Hof, Neustädtische Kirchenstraße. От всей души приветствую и обнимаю Тихона Сергеевича и очень радуюсь, что он в Гремячке.

Всею душою твой П. Семенов

⁹¹ Константин Васильевич Николаевский, близкий друг Ольги Петровны, сотрудник Министерства финансов, искусствовед, коллекционер, участник организации Нижегородской Всероссийской промышленной и художественной выставки (1896) и Всемирной выставки в Париже (1900).

⁹² «Форт Шаброль» — ироническое название дома в Париже, на улице Шаброль, в котором президент антисемитской лиги Жюль Герен заперся с несколькими товарищами и сопротивлялся аресту с 12 августа по 20 сентября 1899 года. По обвинению в государственной измене Ж. Герен был осужден на 10-летнее тюремное заключение. Происшествие с осадой дома на улице Шаброль происходило в момент, когда французское правительство Вальдека-Руссо опасалось бунтов националистов и монархистов из-за происшедшего в Ренне пересмотра дела Дрейфуса.

В ожидании обыска и ареста по обвинению в государственной измене Жюль Герен заперся 12 августа 1899 года, запасшись достаточным количеством оружия и угрожая стрелять в полицейских, которые сделают попытку взломать двери. Правительство Вальдека-Руссо, не желая рисковать жизнями людей, предпочло, не врываясь в дом силой, запереть все входы и выходы и взять Герена голодом. 20 сентября Герен сдался. Преданный (вместе с П. Деруледом, М. Габером и др.) верховному суду (сената) по обвинению в государственной измене, вдобавок осложненной оказанным сопротивлением властям, Герен был судим в январе 1900 года и приговорен к десяти годам тюрьмы.

11/23 июля 1900 г.

Милый Андрюша,

Благодарю тебя за письмо и депешу, на которую я отвечал немедленно по телеграфу. Этим временем я был у Беделя⁹³ и к счастью застал его. Он мне очень понравился и тебе очень кланяется. У него был в гостях другой энтомолог из провинции с именем известным, но которое я теперь забыл. Не узнаешь ли ты его, потому что он очень интересовался *Staphinilyd'*ами *Physotops tataricum*. Мы втроем очень много интересно разговаривали. Сообщили они мне кое-какие сведения о Пиренеях с энтомологической точки зрения. Оказывается, что в Пиренеях в испанских пределах насекомых обилие. Особенно интересны пещеры, вновь открытые каким-то фотографом.

Мы здесь пробудем еще не менее полутора недель, а потом поедем в Пиренеи. Дела у меня много с экспертизой, которая впрочем интересна потому что она наглядно знакомит с коллекциями всех европейских государств. Оля тебе пишет сама.

Всею душою твой П. Семенов

⁹³Ernest Marie Louis Bedel, né le 16 mai 1849 à Nantes et mort le 26 janvier 1922 a Paris, est un entomologiste français

46

Милый Андрюша,

Поздравляем тебя ото всех нас присутствующих с днем твоего рождения. Сегодня неделя, как мы в Париже, но в этом столпотворении вавилонском почти еще ничего путного не сделано. Едва мог только вчера собрать свою комиссию, а с завтрашнего дня с 9 часов утра начал свои обходы. Разумеется как и везде все вертится на мне, а остальные являются только моими ассистентами. Недели две придется еще провозиться в Париже. Даже энтомологов разыскать не было времени. Сейчас приезжает Оля: Валя поехал за нею на Gare du Nord.

Уже здесь я получил ответ Фишера ф. Вальдгейма. Триста рублей он даст очень охотно, но из сумм будущего года, а пока эти суммы необходимо выдать из Географического Общества, о чем я напишу Александру Васильевичу, а ты сообщи ему об этом через Андрея Андреевича Достоевского. Только с нынешнего дня мы получили кроме спальни салон и я могу хотя что нибудь работать.

Барышни Кольцовы уехали вчера и таким образом мы с мамой, Валей, Капой и Олей остаемся в Париже.

Все здоровы и веселы.

Всею душою твой П. Семенов

47

15 Juillet dimanche 1900 г. нов. ст

Милый Андрюша, вот мы с пятницы вечером в Люшоне. Выбрались мы из Парижа только во вторник 10 Июля. Ранее выехать было невозможно так как в понедельник у меня было последнее заседание экспертной комиссии, которая без меня и не смогла бы окончить как следует свое дело, так как в понедельник только мне и удалось отличным образом привезти к оному знаменателю нашу экспертизу, по возможности никого не обижая.

Во вторник мы выехали из Парижа в 12½ дня с Sud express'ом, который идет не останавливаясь в Мадрид. Переезд в 24 часа без остановок в wagons-lits с одной пересадкою и переменою билетов в 10 часов вечера на испанской границе. Из окон вагона холмистая южная Франция показалась мне очень приветливою. Проснулись мы уже в Кастилии, каменистой, скалистой малопродуктивной стране со скудною растительностью. Горы вдали (Сиерра-Морена) кажутся обнаженными.

Приехали в Мадрид в 32 часа по полудни. Главная цель нашей поездки в Мадрид, был Museo del Prado, а поэтому мы выбрали гостиницу на лучшей улице в 5 минутах ходьбы от Музея. Пока мама очищалась от пыли нас покрывавшей, я решил не терять времени. Из Бедекера мы знали, что музей только от 8 часов до часу (после часу в нестерпимую жару испанцы делают сиэсту, т. е. отдыхают).

Тем не менее я был уверен что, прикинувшись португальским грандом, и при помощи 2-х пезеттовой монеты я проникну в музей. Так и случилось. Но поразительнее всего что в июле иностранцы не считают возможным приезжать в недостаточно жаркий Мадрид. Мы же особенной жары не ощутили, даже в 2 часа по полудни. В музее я мог вполне насладиться осмотром картин. Мадридский музей один из лучших в Европе, кроме самого полного в Европе собрания испанских художников, замечателен потому что в нем необыкновенно полно представлено только несколько особенно излюбленных испанцами художников, а именно Веласкес и Мурильо (чуть ли не по

сто картин каждого), Тициан, Рафаэль; Рубенс, ван Дик и Брэгель. По возвращении мы с мамой отправились осматривать Мадрид, т. е. две лучшие улицы города, в которых ни красивых, ни интересных зданий почти нет, но интересно только население, поражающее приятностью и даже красотой своих типов, особенно женских и детских. Никаких характерных и интересных предметов в лавках не нашли, купили только два веера, да фотографии с картин Museo del Prado. Решились провести провести на другой день, уже с мамой все утро в Museo del Prado, а затем возвращаться во Францию с поездом Sud express, отъезжавшим в $6\frac{1}{2}$ часов вечера.

Кроме того, что я уже предварительно осмотрел накануне, т. е. самую чудную половину музея, которая привела и маму в большое восхищение, мы посетили еще и невиденную мною другую часть, в которой до 200 картин знаменитого испанского художника Goya, умершего уже в мою бытность на свете (1828 г.). Это талантливый художник в роде нашего Брюллова, закованный в условные формы первой четверти XIX века, но который вышел из всяких пределов условности, сойдя с ума под конец своей жизни. Прекрасный колорист с блестящими красками в своем нормальном периоде, он во время своего сумасшествия стал писать как бы дегтем в грязно-сером тоне. Вместо тщательного изящного рисунка он стал писать так <беспорядочно?>, что ни пропорции между частями тела, ни даже частей тела, например, рукою и ногою у него совсем нет. Что же ... до композиции то даже нередко нельзя понять, что он хотел написать и выразить. Самая дикая фантазия сумасшедшего выражена в этих картинах. И при всем том художники, как например Ционглинский, восхищаются этими картинами более всех его нормальных. И пожалуй, они почти правы с моей индивидуальной точки зрения, впрочем только потому, что я не понимаю Goya и всех его картин нормального периода меня не трогают, как его несомненно талантливость исчезает под условными формами одного из самых плохих периодов в истории живописи. Когда же он «забывается в чаду нестройных, чудных грез», то талантливость сумасшедшего живописца проявляется в полной силе.

За час до отъезда поезда (в $5\frac{1}{2}$ часов) мы уже были на железной дороге, покинув гостиницу из которой нас выживал запах постного масла. Маслом этим (оливковым, лампадным) отравляются и все кушанья. На нем жарится рыба, котлеты, бифштексы так что ничего не могли почти есть, даже яичницы, отравленной тем же маслом. Я вспомнил меткое выражение Николая Петровича, который уверял что в течение суток имел такое ощущение как бы у него погасили лампаду в горле.

Приехав на границу мы взяли билеты 1-го класса на Sud express, но в поезд нас не впустили: все было занято в wagons-lits, а других в поезде не было. Пришлось ожидать на станции следующего поезда испанского express'a, отходящего в 8 часов вечера. И там в wagons-lits не было места, но были допотопные вагоны 1-го класса, ... без всяких удобств, с боковыми входами и кондукторами, блуждающими кругом вагонов по прицепкам. Провели тяжелую мучительную ночь. Поутру проехали через бискайский отрог Пиренеев к Сан Сабастяну. Здесь есть интересная станция в горах, по свидетельству Бедея, малоисследованная в энтомологическом отношении. Я имел намерение остановиться там на сутки, но осуществить его был не в силах вследствие дурно проведенной ночи, а главное, вследствие неудобства гостиницы и продовольствия. Наконец приехали на границу, где отыскался наш пропавший без вести сундук и где ловкий и умный француз-носильщик с необыкновенной талантливостью дал нам возможность, справившись с отысканным им сундуком, билетами и таможеню, попасть на скорый поезд в Люшон, где он поместил нас в прекрасном комфортабельном вагоне.

Между французской границей и Байоною мы наслаждались видом Атлантическо-

го океана, подходящего к гористым берегам пенящимися бурунами, а за Байоною, где мы пересели на другой поезд, наша Тулузская дорога шла параллельно Пиренеям (на расстоянии 220 километров), до Montréjeau, откуда откуда пересадка и час хода до Luchon, куда мы прибыли в 10 1/4 вечера вчера, встреченные Олею в прекрасной гостинице Hôtel de la Poste. Местность Luchon'a в довольно узкой Пиренейской долине очаровательна.

Вчера утром (в субботу) я, всегда отвечающий французам на вопрос, не устал ли я: «La fatigue n'est qu'une mauvaise habitude que je n'ai pas», устроил первую поездку в гору. Мы отправились на экскурсию в прекрасной коляске с мамой и Олей в 1 1/2 часа по полудни, а вернулись к обеду в 7 1/2 часов вечера. Дорога шла по приречной долине, проложенной пенистым ручьем, в гору, с которой видна вся снежная группа Maladetta с ея ледниками между облаками. Место, куда мы доехали в экипаже, уже за пределами сплошной лесной растительности в субальпийской, но не в альпийской зоне. Травянистая растительность имеет много наших, но не мало не встречающихся у нас видов. В трех местах я имел достаточно времени для энтомологических сборов; в одном я вышел на пути в гору, потому что оно было удобно, во втором на высшем достигнутом нами пункте, где кормили лошадей, а в третьем у живописного мостика, где Оля рисовала в течение двух часов. Сбор по количеству был достаточный: 75 экземпляров — 32 вида: одна *Cicindela* зеленая, но не *campestris*, *Carabus cancellatus*, два вида *Feronidae*, мне неизвестных, два *Harpalus*, два *Elateridae*, два долгоносика... Что-то дадут следующие экскурсии. Обнимаю тебя.

Всею душою твой П. Семенов

Дорогой Андрюша, спасибо что известил о том, что получил мое письмо из Парижа, а то я уж думала, что оно пропало. Я здесь уже более недели, так что Валю и Капитолину Ивановну еще застала здесь. Не знаю, писал ли тебе Валя о своих экскурсиях на ледники? Он открыл, что здесь водится пиренейский медведь и много глухарей, и хотел тебе об этом писать. Вообще я нахожу, что французы умеют с уважением относиться к «природе» с гораздо большим уважением, чем мы. Разумеется, на мой взгляд, Кавказ и несравненно прекраснее, и живописнее, и грандиознее Пиренеев, но сравнивая окрестности здешнего городка с окрестностями хотя бы Владикавказа, видишь, насколько здесь человек меньше гадит и выживает природу. При случае черкни твои строчки.

Любящая тебя сестра

Мама очень благодарит тебя за письмо, доставившее нам весьма большое удовольствие. Она будет тебе вскоре писать сама. Гротам пишем с большими трудом втроем.

48

12/23 июля 1900 г.

Дорогой Андрюша, вот мы уже 12 дней в Люшоне и завтра кончается мое лечение, после чего пребудем здесь еще несколько дней на отдыхе. Каждый день мы или ездили или ходили пешком на здешние горные скаты, сильно заросшие, с хорошими и часто несколькими полянами, множеством камней и обилием горных потоков и водопадов, но энтомологические сборы здесь бедны, хотя я заполнил уже пять пластинок. Под камнями попадаетея очень мало, также как зиб дает скудную добычу, да и фауна не разнообразна. Экскурсии в альпийскую зону, где уже нет древесной растительности, не дали почти ничего.

Утром делать экскурсии нельзя: время слишком коротко. С 11 часов до 4 невозможная жара на солнце. Стало быть, все наши экскурсии между 4 и 7 1/2 часами. В 7 1/2

час. обед, а вечером уже темно. Я полагаю, что все характерные Пиренейские виды водятся на больших высотах, в экипаже не достигаемых, а пройти пешком в гору более 2 верст мне тяжело. В экскурсии на альпийские озера я с Олей ехал на лошади, но там мы ничего не нашли, на пути туда слезать мне с лошади и опять садиться тяжело, а спускаясь пешком версты три, я слишком устал, чтобы ворочать слишком много камней. Сегодня попытаюсь вступить в соглашения с очень хорошим гидом (проводником), которого отец делал энтомологические сборы, может быть, этот гид знает места и кое-что для меня соберет.

Погода здесь прекрасная, климат превосходный и пребывание райское.

Всею душою твой П. Семенов

49

16/29 Июля 1900 г.

Дорогой Андрюша, получил твое письмо от 9 июля и спешу на него отвечать. Мы покинем Париж окончательно немного ранее 1 августа нашего стиля и разотчем наши движения сообразно с твоим появлением за границую. Я желал бы съехаться с тобой в Дрездене, но когда ты там можешь быть? Тогда и мы там будем.

Мои энтомологические сборы приняли новый оборот благодаря знакомству с полуслепым старым проводником занимающимся издавна энтомологическими сборами и с одною продавщицею цветов, которая постоянно сидит (с 7 часов утра до 8 вечера) у хижинки курорта у подножия лесистой горы. Первого по имени Рафаэль, я застал вернувшимся дня за два с своей экскурсии, так что жуки, им собранные в баночке, были еще мягкие. Так как он плохо видит, но отлично знает местность, то он почти исключительно собирает под камнями карабусов и крупных карабидов, а отчасти дровосеков. Коллекция здешних карабидов сильно пополнилась. Кроме уже найденных мною четырех видов (из группы *cancellatus*, один большой длинный с золотистым ободком, один черный, более широкий, и *convexus*). я получил от него: 5, крупный черный с лиловым *thorax* и рядами точек на надкрыльниках. На мой вопрос о *Carabus rutilans* он ответил, что он водится на испанской стороне Пиренеев в трех днях пути от Люшона.

Между тем, когда я на другой день отправился к своей продавщице цветов, которую снабдил банками и эфиром, она представила мне только что ею пойманного утром свежий экземпляр *Carabus rutilans* (самка). Сегодня утром она поймала его во второй раз и на этот раз представила его живым (самца). Таким образом, оказалось здесь 9 видов *Carabus*. Рафаэль представляет мне еще обыкновенного *Cychrus*'а, а из дровосеков одного из рода *Rhagium*. Вчера мы ездили в горы в местность, где мог бы быть хороший сбор и откуда от высокогорной гостиницы (госпица) можно было бы в пол часа дойти до первого вечного снега, но к сожалению над нами разразилась такая гроза что мы не могли ничего собрать и в 8 часов вечера добрались домой в своей коляске. Завтра Рафаэль с своим зятем отправляется для меня в горы, а девочка и мальчик, мои жуколовы, рыскают с баночками, которыми я их снабдил, и сегодняшней *Carabus rutilans* пойман девочкой.

Нам в Люшоне, где я на отдыхе после лечения, так хорошо, что неохота ехать в Париж, где стоит удручающая жара и откуда к нам приедет Пиленко⁹⁴. Оля с нами.

Всею душою твой П. Семенов

⁹⁴ Александр Александрович Пиленко (1873–1956), гимназический и университетский товарищ Вал.П.Семенова, профессор международного права, журналист, сотрудник «Нового Времени», с 1919 г. в эмиграции во Франции. Пиленко с отроческого возраста был частым гостем и в петербургском доме Семеновых, и в Гремячке. В 1900 г. он сопровождал Петра Петровича в Париж, где тот готовил экспозицию Русского павильона на Всемирной Парижской выставке.

50

25 июля/7 августа. Люшон

Милый Андрей Петрович,

Сегодня, вероятно, последний день нашего пребывания в Люпоне, и завтра мы уже возвращаемся в Париж, пробуем там несколько дней, затем заезжаем на несколько дней в Гагу к Бредиусу и можем быть в Берлине или Дрездене 8 августа старого стиля. По получении этого письма напиши немедленно в Гагу или еще лучше телеграфируй в Париж на имя Вали, т. е. просто Paris rue d'Antin 20 Semenow, когда (наверное) ты думаешь прибыть в Берлин или в Дрезден. С этим мы и сообразим свои движения. Адрес письма в Гагу: La Haye, Prinsengracht 6, Dr Abraham Bredius, pour remettre à M. de Semenow.

Последнюю неделю боль в ноге помешала мне делать экскурсии, но мы устроили зибирование таким образом. Наш полуслепой жуковол Рафаель отправлялся в разнообразные маршруты каждый день с данным ему мною ситом и мешком, просеивал всякий мусор, взятый им в лесу у подножья деревьев на разных высотах, приносил мешок домой, а мы с Лизой приходили к нему каждый день и выбирали всех жучков из его зибя. Таким образом, мы получили вообще довольно полный сбор фауны Люшонской долины до высот однако же не свыше 1500 м. Ты совершенно прав, что все это фауна долины, а не горных вершин. В сообщенных мною сведениях о здешних карабусах вкралась ошибка вследствие того, что я оставил Catalogue coleopterarum в Париже и писал на память. Здешний блестящий *Carabus* не *rutilans*, а *splendens*, а *rutilans* водится только очень высоко на испанском склоне Пиренеев в трех днях пути отсюда. Лиловый *Carabus*, вероятно, не что иное как видоизмененный *nemoralis*. Остальные: *convexus*, характерный видоизмененный *auronitens*, *C. catenulatus*, видоизмененный *cancellatus*, *C. Christophori* в двух видоизменениях, один мне недостаточно знакомый, и наконец *Iniopachys* — этот уже не спускающийся в долину, а действительно альпийский. Между моим сбором вообще найдется, может быть, видов 20–30 которых мы не собирали в России. Зиб не отличался разнообразием. Мы брали все, и получилось около 500 экземпляров всякой мелочи, более всего *Staphylinidae*.

Всею душою твой П. Семенов

51

14 сентября 1900 г. (по штампу)

Под диктовку папы, чтоб он не утомлялся писать.

Только что получили твоё письмо, милый Андрюша, и я очень удивляюсь что вы все до сих пор думаете, что я могу куда-нибудь тронуться, ведь доктор со мной воюет за то, что я стремлюсь и дохожу до своего кабинета, чтобы умыться. Спешу поделиться с тобой приятным известием. Без меня по отношению к экспедиции Зарудного⁹⁵ дело совсем не подвигалось вперед, 4-го он совсем ко мне приехать не мог, так как об его отпуске в корпусе не было ни слуху ни духу. Несмотря на мою болезнь, мне все удалось устроить. Вчера я получил уведомление от военного министра о Высочайшем повелении, состоявшемся впрочем только 3 сентября, а сегодня у меня был Зарудный со своим спутником. Все так успешно заготовлено, что они выедут через три дня, необходимые для получения денег, берданок и пр. Ящички, сачки, банки — все готово, хлопчут о фотографическом аппарате. Спутник Зарудного притащил сбор из Закаспийской области, он двигался по преимуществу между Тедженом и Чарджуем. Хотя много дребедени, но есть интересные, мало мне знакомые формы. *Carabus* один, тот самый, который, сколько мне помнится, найден был впервые Грумом⁹⁶ (черный с тонкими ребрышками).

С снаряжением экспедиции у меня гора с плеч свалилась. Ведь это была моя единственная забота все время довольно тяжелой болезни. Радуюсь твоим охотничьим успехам, но не забывай и осенних энтомологических сборов. Поручения относительно Сашиних детей исполнили как умели. Сегодня все эти вещи отправлены, а о стекле дополнительно позаботимся.

Сегодня выбрал при помощи Вали обои в залу и гостиную.

Всею душою твой П. Семенов

Милых Олю и Изю от души обнимаю, Павла Михайловича и Марью Ивановну⁹⁷ целую и желаю успешно обратить урожай в чистый металл. Дописываю письмо собственноручно, чтобы показать, что писать еще могу.

Милый Андрюша, очень рада, что ты застрелил зайца у флигеля, авось-либо ты их отпугнешь от нашей усадьбы, а то они совсем нас одолеют. Пожалуйста, прими какие-нибудь меры против этих грызунов, нельзя же в самом деле терпеть, чтобы они уничтожали наши деревья.

Как жаль, что ящик с вещами был уже отправлен, когда пришло твое письмо. Теперь придется отправить стекло отдельно, а по почте посылки идут медленнее, чем багаж большой скорости.

Поклоны всем. Твоя Е.С.

⁹⁵Зарудный Николай Алексеевич (1859–1919), зоолог-орнитолог и путешественник. Отчет об этой экспедиции опубликован в трудах РГО: Зарудный Н. А. Третья экскурсия по Восточной Персии (Хорасан, Сеистан и Персидский Белуджистан) : 1900-1901 гг. / Н. Зарудный ; Под ред. А. А. Достоевского. — Пг. : тип. М. М. Стасюлевича, 1916. — [6], 448 с. : табл., граф. — (Записки имп. рус. геогр. о-ва по общей географии; т. I).

⁹⁶Г.Е. Грум-Гржимайло, географ, исследователь Центральной Азии, лепидоптеролог.

⁹⁷П.М. Семенов, помещик, владелец имения Алмазовка, двоюродный брат П. П. Семенова и его жена.

7 октября 1900 г. (по штампу)

Милый Андрюша,

Сегодня выезжаю в первый раз в первое после вакаций заседание Государственного Совета. Как и прошлого году по неисповедимым судьбам провидения мне придется председательствовать Департаментом законов до 1 января. Случилось это потому, что Фриша⁹⁸ по болезни доктора не пускают из-за границы до января, Половцев⁹⁹ имеет по обыкновению свою осеннюю резиденцию до января в Монте-Карло, а Розинг¹⁰⁰, повидимому испугавшись председательства, вышел из Департамента и перешел в Общее Собрание.

Совет Географического Общества собирается у меня в понедельник. Экспедиция Зарудного давно благополучно уехала в самом счастливом настроении. Момент для путешествия очень удачный. Зарудный отпущен на 9 месяцев «и более» с сохранением оклада. Сборы его спутника дожидаются тебя нетронутыми. Экземпляр *Carabus*¹⁰¹ только один. Ничего из колеоптерного сбора не ушло в сторону, вообще он очень добросовестен. Зарудный его знал прежде и считает надежным спутником. Об экспедиции Козлова¹⁰¹ и Казнакова¹⁰² хотя и нет прямых сведений, но не только ее участь, но и движения по малонаселенным горным частям Тибета мне, по неисповедимым судьбам провидения, удалось прочно обеспечить, а как это случилось, расскажу при свидании.

Твою коробочку и деньги, должные Штаудингеру, я выслал немедленно и уже получил ответ благодарственный, но тем временем сам бедный Штаудингер скончался¹⁰³.

В квартире мы все постепенно привели в порядок, большая возня была с переклейкой обоев в большой и малой гостиной; электричество действует прекрасно.

Здоровье мое восстановилось вполне, благодаря тому, что Лиза своим уходом за мной денным и ночным совершенно восстановила мои силы. Некоторое время я был на положении младенца: Лиза нарезывала мне пищу на кусочки, увертывала меня в невероятное количество одеял, смотрела за тем, сплю ли я ночью, и наконец даже привила мне оспу, которая к удивлению принялась превосходно. Зато теперь я чувствую себя как бы вступившим в бодрый юношеский возраст: после отвращения к пище появился волчий аппетит, как у молодых людей после выдержанного ими тифа. Вот уже пять дней, как я выхожу гулять пешком с Лизой.

Очень был обрадован приездом Изи и внуков и рассказами о Валиных охотничих удачах. Очень рад, что ты убедился в посещении нашей местности стаями куропаток глубокой осенью. Передай Оле, что я ее целую и душевно благодарен за ее милое письмо, и буду писать ей при первой возможности. Мой горячий привет Павлу Михайловичу и Марье Ивановне.

Всею душою твой П. Семенов

⁹⁸Эдуард Васильевич Фриш (1833–1907), действительный тайный советник, член Государственного совета с 1883, возглавлял различные департаменты и рабочие группы этого ведомства. Статс-секретарь с 1887 года. С 1900 член постоянной палаты Международного третейского суда со стороны России. С 20 мая 1906 года — председатель Государственного Совета.

⁹⁹Александр Александрович Половцов (1832–1909), государственный и общественный деятель, действительный тайный советник, сенатор, промышленник, меценат. С 1892 г. назначен членом Государственного Совета.

¹⁰⁰Илиодор Иванович Розинг (1830–1903), действительный тайный советник, сенатор кассационного уголовного департамента Сената, член Государственного Совета.

¹⁰¹Петр Кузьмич Козлов (1863–1935), географ и путешественник. В 1899–1901 годах П.К. Козлов совершил свое первое самостоятельное путешествие в качестве начальника Монголо-Тибетской экспедиции. В экспедиции участвовали 18 человек, из них 14 человек конвоя. Маршрут начался от почтовой станции Алтайской вблизи монгольской границы, далее он шел по Монгольскому Алтаю, Центральному Гоби и Каму - почти неизвестной ученому миру восточной части Тибетского нагорья. Исследуя верховья рек Хуанхэ, Янцзы-цзяна и Меконга, экспедиция преодолевала природные трудности, а также не раз выдерживала сопротивление со стороны туземцев. Были собраны важные материалы об орографии, геологии, климате, растительности и животном мире Тибетского нагорья и о малоизвестных восточно-тибетских племенах.

¹⁰²Александр Николаевич Казнаков (1871–1933), полковник, путешественник, географ, ботаник и зоолог. С апреля по октябрь 1897 года находился в экспедиции Русского Императорского географического общества в Бухаре и Памирских ханствах; с 13 апреля 1899 года — в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. За участие в этой экспедиции он получил в 1902 году орден Св. Владимира 4-й степени, а также золотую медаль им. П. П. Семенова IV степени — от Географического общества. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Умер в эмиграции в Париже.

¹⁰³Ложное известие

27 июня 1901 г.

Милый Андрияша,

Состояние природы следующее: после пяти недельной засухи, высушившей многое и сильно попортившей яровые хлеба, а в особенности высушившей травы, за три дня до нашего приезда пошли хорошие дожди. С тех пор каждый день идет дождь с промежуточной прекрасной погодой, летней и теплой, скошенные луга позеленели, деревья и кустарники оправались, в воздухе приятная влага. Вчера был Доу и говорит, что болота не высохли, а что дупелей много, особенно в хлебах.

Сборами похвастаться не можем: выезжал я всего только один раз в наш лес вечером на опушку, но в этот день лета не было. В саду насекомых очень мало. Гриб

большой только один вырос в одном дупле, другие совсем сухие, а новые после дождя только начинают кое-где показываться. Из дупла вынимаем труху и выкладываем ее на расставленные Олей в разных местах столы; выходит что-то в роде зипа и кое-что находится. Одну Тритому нашли: это самая маленькая с 4 пятнами и желтой шейкой. Нашли на коре березы свежий экземпляр самца Прионуса. В болота и на берега Рановы я, к сожалению, не хожу, боясь сырости, так как я прихворнул немного. Вот пока все, что могу тебе сообщить интересного. Каждое утро я диктую Леле¹⁰⁴ свои мемуары: идет уже 2-я глава. Вылазки делаем смотря по погоде, так как ни в палящее солнце, ни в зной я не могу выходить. Остальное время пишу много, доканчивая нашу область России.

Всею душою твой П. Семенов

¹⁰⁴Леонид Дмитриевич Семенов, внук П.П. Семенова, поэт-символист, позже толстовец.

54

3 сентября 1901 г.

Милый Андрей Петрович,

Спешу сообщить тебе радостную весть о возвращении Зарудного накануне его приезда. Несмотря на предписание англичан об истреблении его, он благополучно добрался до Индийского Океана и очень доволен результатами своего путешествия: добыча громадная. Одних колеоптеров 30 000, а всех насекомых 50 000.

Это положительная сторона, а отрицательные состоят в том, что он передержал 800 рублей, которые придется скоро уплатить, но это я устрою без особых затруднений. А еще беда в том, что чувствуя себя совершенно здоровым, как и его спутник, до Мешхеда, он в Мешхеде схватил злую лихорадку.

Вот почему я и не видал его. Он приехал утром а вечером уже уехал в Псков, так как на другой день ожидалась лихорадка. Коллекции еще не пришли. Они идут из Красноводска.

Вот пока все что имею сообщить. В отношении экспедиции Козлова ничего нового не <известно>. Григорьев смотрит на дело не безотрадно по причинам, которые излагать долго. Успенский между тем умер, а Лессинг уже приехал в Пекин.

Всею душою твой П. Семенов

Твоя дичь дошла в лучшем виде и завтра будет фигурировать за праздничным нашим обедом.

Всех, т. е. Олю, Изю, Павла Михайловича и Марью Ивановну обнимаю.

55

Дрезден. 15 сентября 1901 г.

Милый Андрей Петрович, не имея возможности телеграфировать тебе отсюда, спешу сообщить, на случай если тебя не известили из Петербурга, радостную весть. Лесарт телеграфировал от 11 сентября, что получил от Козлова письмо от 13 июня из Цейдана, что экспедиция вернулась туда благополучно и в декабре надеется быть в Кяхте.

Всею душою твой П. Семенов

56

27 июня 1902 г.

Милый Андрей Петрович,

Приехали мы и водворились в Гремячке благополучно. Погода был прохладная, но для хлебов чрезвычайно благоприятная, и со второго дня нашего приезда почти каждый день были дожди. Растительность на полях, лугах и в лесах роскошная. Энтомологическая добыча ничтожна. Со времени приезда Миши мы только раз были в своем лесу, так как для экскурсий погода очень неблагоприятна. В леске на дубовом листе нашли из *Buprestidae*, *Dicerca*, кажется. Карабусов не видали ни одного, кроме *cancellatus*. Миша, т.е Михаил Николаевич, нашел в орешнике несколько экземпляров *Dorcus* на дубу. Кое-какую мелочь собрали и немало *Chrysis*. Зобы также не были удачны. Относительно охоты ничего не имею сказать. Появилась лисица, производящая опустошения в деревне Гремячке. Миша Николаевич занимается воспитанием пойманного волченка. Пока еще никто не охотится. Бабин¹⁰⁵ откочевывает, получив место Пинского уездного предводителя дворянства.

Вот пока и все наши новости. Передай Ладыгину, что пока ему и не следует говорить о назначении в юго-восточную Манчжурию иначе как с местным своим начальником. Куда бы его ни назначили, все равно нужно принять и опять уже хлопотать оттуда об устройстве поездок в ю.-в. Манчжурию, что может сделаться при содействии Географического Общества будущей весной.

О том, что будет после Петрова дня, мы тебе напишем.

Всею душою твой П. Семенов

¹⁰⁵Бабин Иван Иванович, помещик, сосед Семеновых.

3 июля 1902 г.

Милый Андрей Петрович,

Вот прошло четыре дня после Петрова дня, а ни о каких охотах и охотниках не слышно. Даже и выстрел с нашего приезда мы слышали только один: это был наш дворник Федор, стрелявший бекасником, но безуспешно в ту лисицу, которая ведет успешную борьбу с нашими индейками, цыплятами и их охранителями. Лисица вышла из поединка непобедимою, как буры: ушла от преследований, утащив с собою цыпленка, а сегодня и еще одного.

Погода стоит благоприятная: божественно прохладно без утренних холодов, яркое солнце перемежается с частыми дождями. Первосходные хлеба начинают поспевать, но лугов не скошенных еще очень много, а по лесным опушкам и совсем не косят, так как корму много, а уборке сена очень мешали бы дожди а в болотах большая влага. Пока мы делали экскурсии только в промежутке между дождями: были в нашем лесу, в Казачьем, Хопре и в Зеркалах, но ни кошение, несмотря на невероятное обилие цветов, ни зибирование не дают почти никаких результатов. Только в Казачьем обнаружилась для меня следующая новость. На песчаном, поросшем редкими степного типа травами, летала невысоко, часто садясь на песок, *Anisoplia*, которой мы набрали более 40 экземпляров. Величиною она немного менее нашей полевой, но лапки ее длиннее и тибии задних очень сжатые с боков имеют более форму костей. Цвету ее надкрыльники светло-коричневого с едва заметными продольными полосами. По воспоминаниям она похожа на *Anisoplia leucaspis*, но может быть, я очень ошибаюсь. Ловили ли мы за все время какую-нибудь *Anisoplia* кроме нашей полевой?

Кстати, Миша по пути в деревню экскурсировал под Каширою на Оке. Погода была дождливая и крайне неблагоприятная, сбор был незначительный, но не лишенный интереса. Между прочим, попалась *Hoplia coerulea*, которая, сколько мне помнится, у нас никогда не попадалась. Сегодня мы на каменистой площадке перед Хопром, где водятся *Opatrum*, поймали трех *Cymindidae*. Но никогда нам не попадалось так много

и немало *Chrysis*, как нынешнее лето. Собственно в Зеркалах мы ничего не нашли, даже не было *Cicindela*, хотя там было сыро и палило солнце, но все попряталось перед дождем который скоро и пошел.

Долгорукие¹⁰⁶ обедали у нас вчера. Доу был прежде, а теперь только вернулся из поездки. Никто из них еще не охотился, Бабин тем менее. Он был болен и скоро уезжает совсем, получив назначение предводителя дворянства в Пинске.

Всею душою твой П. Семенов

У нас все здоровы и веселы.

¹⁰⁶Князь Михаил Владимирович Долгоруков (р. 1860) — сосед Семеновых, морской офицер, в отставке с 1892 г., земский начальник Данковского уезда, позже уездный предводитель дворянства и его жена кн. София Михайловна Долгорукова (рожд. Боратынская, р. 1866).

58

6 июля 1902 г.

Милый Андрей Петрович,

После отправления последнего письма я виделся с возвратившимся Доу, и он сказал мне, что никогда еще Кикинские мшары (мочажины) не были так богаты болотною дичью (дупелями и бекасами), как в нынешнем году. Он пока не дал разрешения там охотиться, думает что если ты приедешь во второй половине августа, то это будет уже поздно: до тех пор дичь успеют перестрелять или распугать, а что с конца июля или в начале августа охота в Кикине будет превосходная и он тебя приглашает охотиться. Скажи Изе, что хлеба все великолепные, рожь, пшеница, овес, а просо небывалое. Наши посевные травы, а именно чечевица, необыкновенно хороши, а что <касается> лесной растительности с ее роскошью цветов: просто восторг! Лишь бы уборка была хороша.

Очень были бы рады, если бы ты приехал пораньше, т.е. в самом начале августа.

Всею душою твой П. Семенов

59

8 июля 1902 г.

Милый Андрей Петрович,

Мама очень огорчается, что ты не получаешь ее писем, и разносит почту. А я тебе писал три письма, а это четвертое. Во втором было вложено письмо мамы.

Вот тебе советы.

1. Твой приезд с 15 июля не только никого не стеснит, но доставит нам обоим несказанное удовольствие.

2. Никакой Марии Григорьевны¹⁰⁷ не предвидится.

3. Гостящая у нас Mlle Biondi уезжает до 18 июля.

4. Приедут на некоторое время мои гости: Николаевский¹⁰⁸ и Щербацкий¹⁰⁹ (в разное время), но они мои гости и поэтому мешать не будут.

5. Шнейдеры собирались, но может быть, и не приедут.

6. Твое помещение совершенно неприкосновенно и находится в полном благоустройстве.

7. Персонал нашей женской прислуги: Дуняша, черная Матреша, горничная Даша Ольги Петровны, судомойка Марья, прекрасная прачка, курящая папиросы, дворник Федор, 2½ кучера, 9 лошадей, 2 садовника, староста, конторщик, караульный и работники, а весь усадебный персонал персонал = 29 человек обою пола. Сад не снят.

Доу очень заботится о том, чтобы ты приехал в июле, чтобы тебе показать кикинскую охоту. Растительность везде великолепная. Наша лесостепь в идеальном виде.

Если ты выедешь не 15, а хотя бы днем после 20-го, то захвати с собой деньги, которые Изя получит и на которые прилагаю при сем доверенность.

¹⁰⁷Марья Григорьевна Семенова — вдова Николая Николаевича Семенова мл., жившая во Франции. Речь идет о ее несостоявшемся визите в Гремячку.

¹⁰⁸К.В.Николаевский, см выше примечание 91 на с. 36.

¹⁰⁹Ф. И. Щербатской (1866–1942), востоковед, впоследствии академик (1918).

60

15 июля 1902 г.

Милый Андрей Петрович,

Началась уборка самая благоприятная. Ежедневные дожди перестали. Погода прекрасная и теплая. Поймались три экземпляра черненького геотрупида: два экземпляра скошил Миша на опушке, одного поймала мама в балконной комнате, куда залетел на лампу.

В ночь с третьего дня и вчера я сильно заболел желудочным кризисом. Посылали за фельдшерицею и Рудинским¹¹⁰, оба были своевременно и все кончилось благополучно. Это было в роде того, что было в Париже, когда мы были с Изей, а на это здесь было поветрие.

Требуемые Государственным Контролером сведения я прямо не могу к нему отправить, т. е. перечисление на что испрашивается усиление субсидий. А тебя прошу переслать на его имя Его Высокопревосходительства Павла Львовича Лобко¹¹¹ (в дополнение к отношению Президента общества) счет Фридлиндера (в подлиннике или копии). Копии с моего отношения я посылаю к Управляющему Министерством Народного просвещения.

Mlle Biondi от нас уже переехала к Тале¹¹² сегодня. Теперь у нас *никого* нет. Первого ждем Митю между 18–20 и затем Николаевского между 23 и 25.

Миша Николаевич у нас был после возвращения от Пальчиковых в день именин Оли. Таля только что возвратилась из Задонска. Вот и все наши новости.

Всею душою твой П. Семенов

¹¹⁰Николай Дмитриевич Рудинский (1858–?), земский врач.

¹¹¹Павел Львович Лобко (1838–1905), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, Государственный контролёр, член Государственного Совета.

¹¹²Грот Наталия Яковлевна.

61

7 августа

Милый Андрей Петрович,

На твое письмо спешу ответить, что я по Энтомологическому Обществу сделал все согласно, а именно:

1. Написал письмо Государственному Контролеру и препроводил ему составленную мною бумагу с перечислением, на что именно нужно увеличить субсидии Энтомологическому Обществу. Думаю, что это все что требуется и что это удовлетворит его.

2. Написал письмо Витте и при нем приложил то же самое, напомнив ему что он сам приглашает на увеличение субсидий — и предложил мне вместо 3000 р. 2000 рублей. Уверен, что Витте подписал автоматически и изменит свое решение. Остается мне еще сообщить о всем этом Министру Народного Просвещения, что сделаю при проезде через Петербург, так как мне все таки нужно справиться в Министерстве Финансов и Государственном контроле, в каком положении дело.

Относительно Географического Общества я также непосредственно написал в Министерство Финансов все, что по моему мнению следует. Все это я делал не теряя

времени и это все, что человечески возможно сделать по этим делам. В деревне на досуге все хорошо обдумывается и все используется удовлетворительно для оберегания успеха, насколько он от меня зависит.

Погода у нас стоит очаровательная, т. е. такая какая должна быть и быть может была когда-то: тепло без жары, дожди перемежаются с ведром, не сухо, а достаточно влажно и т.д.

Энтомологические сборы скудные, потому что нового трудно искать, да и твоя правда, что этот сезон не обилен. Хлеб почти весь убран.

Мы придумали сбивать длинным сачком в зонтик высокорастущие на деревьях грибы, но такие есть у нас в саду, а в лесу их нет. Наловили множество Тритом, но черной все таки не попалось. Попадается множество *Engis bipustulata*, попались 2 экземпляра *Triplax*, затем одна редкая *Melandryid*'а. В трухе погибающей липы нашли довольно много экземпляров *Histerid*'ов (*Paromalus? Hololepta*), а также *Trox*'ов. Вот что наиболее интересно. Водяники, которых было очень мало, как будто начинают появляться, но к их ловле и местам улова мы мало приспособились.

Личинки Тритом во множестве на этих воздушных грибах, принадлежащих к Линнеевскому типу *Agaricus*, а не *Boletus* между пластинками грибов.

Вот все, что имел интересного сообщить. Думаю выехать около 18-го.

Митя теперь у нас и Александра Петровна; оба на короткое время.

Всею душою твой П. Семенов

62

8 сентября 1902 г.

Милый Андрей Петрович,

Твои поручения я исполнил следующим образом:

1. Зарудному телеграфировал о том, что если Лаудон не устроил его дела, то я могу ему выслать переводом тысячу рублей. Он ответил, что Лаудон не устроил, но что ему нужно только триста, которые я ему и перевел немедленно, что отсрочивает весь вопрос о продолжении коллекции.

2. Относительно Сакулина переговорил с Лениным, от которого все зависит. Штатное место (забыл как их называют — исследователи? наблюдатели?) он получит, но без жалования, ему присвоенного, которое взять неоткуда. Стало быть, он будет получать что получал +300 р. квартирных и будет поставлен в более независимое положение от своей станции, а в будущем, что Бог даст.

Сейчас уезжаем. Здоровы и благополучны. Пропавший пакет с книгами привезли сегодня.

Всею душою твой П. Семенов

Всем нашим сердечные приветы. Пишите Дрезден Hôtel Bellevue.

P.S. По счастливой случайности мы оттянули свой отъезд с субботы на воскресенье, а поезд в котором мы должны были ехать в субботу на 16 версте от Петербурга сокрушился, и хотя пассажиры остались целы, но их отвезли обратно в Петербург, а багаж весь обратился в щепки.

<Приписка Елизаветы Андреевны:> Это крушение устроил один злоумышленник, чтобы насолить начальству. Этакое дикари везде! Е.С.

63

13 июня 1903 г. Пятница, 9 часов вечера

Милый Андрей Петрович,

Приехали мы сюда совершенно благополучно с воскресенья на понедельник ночью и нашли все в порядке и для нас приготовленным Пашею, кухаркою, Лукьяном и черной Матреною.

С тех пор вот уже пять дней как мы наслаждаемся деревней. Жары сильные. Днем от 21° до 26° R, сейчас на закате солнечном 18°, и это уже нам кажется прохладно. Но несмотря на теплые ночи никакого лета на лампу нет. (Сейчас прилетел *Rhisotrogus*.) В первый же день (понедельник) были в нашем лесу с сачками и зонтиком. Растительность в полном блеске некошенная, цветущая (липы уже зацветают, *Spiraea filipendula* в полном цвету). Но сбор энтомологический был совсем неудачный.

В среду Рафа¹¹³ делал вылазку на гротовский пруд и болото, принес немало водяников *Haliphus*, *Deronectus*, один только вид *Agabus*, *Acilius* и пр. На возвратном пути он попал под первый с нашего приезда ливневый дождь с градом, ничего не повредившем. Хлеба и травы великолепные: рожь выше лошадиного роста.

В четверг мы экскурсировали с Рафой и Верочкой¹¹⁴ в Голицынский лес и остались в восторге от богатства растительности. Представь себе, что там на полянах в значительном количестве стал расти настоящий степной ковыль, т. е. *Stipa pennata*. Да и энтомологический сбор был удачен: между прочим, одна *Agapanthia* зеленого цвета (цвета шпанской мухи). Не помню, ловили ли мы ее прежде (я не ловил) или она явилась только недавно со степною растительностью. Попалась и еще кое какая интересная мелочь.

Павел Михайлович передал мне свой маленький апрельский сбор; в нем особенно интересен маленький *Cerambycid*. Он также передал мне свой маленький тунисский и сардинский зимний сбор. Видел очень мало, но есть *Meloe*, *Timarcha*, *Chrysomela*, *Scarabaeidae* и один *Carabus* из южных.

У нас до сих пор мы поймали у самого дома *Carabus convexus* и *Carabus haeres* и около ржи *Carabus granulatus*. Вообще же *Carabus*'ов очень мало пока.

Гулять возможно только вечером: утром мы не встаем достаточно рано, а днем невыносимо жарко. Зайцев видели в нашей усадьбе, а о другой дичи пока ничего не слышно.

Полиция ко мне являлась: у нас все спокойно и благополучно: по случаю прошлого и нынешнего урожая настроение очень хорошее. Наш колокол уже на колокольне и звонит прекрасно.

Таля уехала в Задонск к Ольге Васильевне¹¹⁵, которая больна при смерти.

Урусовских еще никого не видал: поеду на днях к брату.

Всею душою твой П. Семенов

¹¹³Рафаил Дмитриевич, внук П.П. Семенова.

¹¹⁴Вера Дмитриевна, внучка П.П. Семенова.

¹¹⁵Ольга Васильевна Жон, урожденная Корсакова, троюродная сестра Петра Петровича, после смерти родителей воспитывалась в семье Семеновых.

Милый Андрюша, был ли ты у Вестералена, что он сказал и аккуратно ли ты все исполняешь? И еще был ли ты у глазного доктора? Напиши обо всем этом. Мое постоянное летнее занятие — писание писем уже началось, и я пишу каждый день то тому, то другому. Жара несносная, а мириады мух еще несноснее. Валяй в хорошем виде и очень благодушен, очень нам обрадовался. Дуняша совершенно невозможна, хуже чем когда либо, и хорошо, что Стаута здесь нет, она бы его в конец испортила. С Семеновыми еще не виделись, слишком жарко куда бы то ни было ехать. Я писала Надежде Павловне и передала твой поклон Мише, он хотел быть у нас, но не был еще. Барометр стал падать, и мы начинаем надеяться на дождь.

Будь здоров, до свиданья. Поклоны Тихону Сергеевичу¹¹⁶, Андрею Андреевичу¹¹⁷ и Вене.

Твоя Е.С.

¹¹⁶Т.С. Чичерин.

¹¹⁷А.А. Достоевский.

64

17 июня 1903 г.

Милый Андрей Петрович,

По прилагаемой записке ты получишь от Изги после 20 числа 200 рублей, которые я предназначаю для закаспийского немца (фамилии не разберу) и для Сакулина на его поездки до экспедиции.

Всею душою твой П. Семенов

После моего письма у нас был прекрасный ночной дождь и погода сделалась свежее. Теперь 10 часов утра 16° R.

65

4 июля 1903 г.

Милый Андрей Петрович,

Погода у нас стояла до приезда Изги очень жаркая (до 28° и даже 30° R) с одним ливнем на конце. Но с 30 июня сделалась божественная прохлада, по небу ходят небольшие облачка и падают маленькие дожди. Так сегодня в 1 час по полудни было 16° R, а теперь вечером 11°.

Урожай ржи великолепный. Уборка ржи началась 24–26 июля и теперь уже кончается; становится ... от 17 до 20 копен. Скошенные ряды покрывают поле без промежутков. Только последние жары повредили наливу и умолот не будет очень велик. Пшеница поспевает и также превосходна. Яровые посредственные и также поспевают.

Экспедиции делали по возможности. Но мне жары сильно мешали. Хотя я здоров, недоступен усталости. Рафа¹¹⁸ ходил в Сухую Рожню на Дон 19 числа, но без особого успеха. Привез между прочим четыре надкрыльника *Calosoma inquisitor* блестящего видоизменения

Затем кажется 23 июня были в Казачьем, нашли там объединенный муравьями сухой экземпляр прошлогодней *Anisoplia*, но ни единого живого. 26-го были в Талином овраге. 30-го мы были в Курбатове. Там нашли обширную лесосеку, но к сожалению в бедном энтомологическом месте, на дне плоской ложбины. Потому несмотря на обилие бревен ничего путного, кроме *Carabus cancellatus* не нашли. Да много *Lina populi* и тому подобной дребедени. Скосили *Cionus* и *Phrynchibes*.

Зато, по прибытии Андрея Андреевича, экскурсия в наш лес 2 июля была счастливее. Мы шли с Изгой и Верочкой¹¹⁹ по левой окраине самой большой поляны, параллельно с тою ложиной, которую приходится переезжать при входе в лес. Там немного вглубь леса не доходя до ложины были сложены дрова и лежало на земле короткое, но полезное бревно: Изга при помощи Верочки и моей свернул его и каждый из нас нашел под ним по Карабусу: я и Изга *Carabus aurolimbatus*, а Верочка *Carabus glabratus*. Если бы таких бревен было побольше, то можно было бы собрать всех карабидов, водящихся в нашем лесу. На древесных грибах я нашел одну *Tritom*'у и трех *Agrilus* (один очень мал).

Сегодня 4 июля отправлялись в Хопер где также лесосека, брали с собою и зиб. Зиб хотя был сух и беден, но в нем попадалась мелочь, различная от садового.

В общем наши сборы особенно выдающимися не представляются, но между мелочью кое что найдется интересного. Собираем и *Hymenoptera* и клопов, но без большого самопознания. Ящик наш благодаря трем пластинкам Павла Михайловича (одна из Палермо, другая из Туниса, третья из Сардинии) скоро будет полон, но благодаря Дуняше мы соорудили уже другой, который будем наполнять после половины июля.

Очень счастлив, что экспедицию Зарудного удалось обеспечить. Так как Месопотамскую экспедицию пришлось отложить до будущего года, то Сакулин свободен и мог бы сделать хорошую экскурсию по письменному уговору с тобой. Если бы и еще понадобилось несколько денег, я готов их дать.

Вот кажется исчерпал все, что мог написать тебе интересного.

Всей душою твой П. Семенов

Милый Андрюша, приветствую тебя и Тихона Сергеевича. Надеюсь, что твое лечение продолжается с успехом. Как бы хорошо было тебе вместе с тетей Олей пожить у Ламана, так как у вас обоих нервные желудочные болезни, и у Ламана они великолепно излечиваются. Ждем т. Олю¹²⁰ послезавтра. Погода у нас великолепная, в роде той, которая бывает в Августе. Будь здоров, до свиданья!

Твоя Е.С.

¹¹⁸Рафаил Дмитриевич, внук П.П. Семенова.

¹¹⁹Вера Дмитриевна, художница, внучка П.П. Семенова.

¹²⁰Тетя Оля — сестра Елизаветы Андреевны, в замужестве Саблер.

20 июля 1903 г.

Милый Андрей Петрович,

Лиза уже писала тебе, что Рафа уехал 14 июля в Спасск, где съехался с Мишей неожиданно друг для друга. После отъезда Рафы мне конечно трудно было экскурсировать, потому что ходить я много не могу, да и наклоняться, а в особенности подниматься мне трудно. Однако мы ездили с Изей и Верочкой в Зеркала и наш лес, но обе экскурсии были для сбора не особенно удачны. В Зеркалах я нашел остатки *Dorcadion* и *Carabus convexus* (!), да поймали несколько *Hymenoptera*. В лесу на древесных грибах кое что. Да на лампу прилетали жучки из *Anthicus* два вида и 15 да 16 июля я поймал три *Aesalus*.

Но главная удача в эти дни 14 до 20 июля состояла в организации ловли водяных жуков, через посредство мальчиков и девочек. Сначала они по собственной инициативе приносили мне крупных водяников *Hydrophilus*, *Dytiscus marginalis*, *Cybister*, *Colymbetes*, но я понемногу научил их собирать водяную мелочь, которую они теперь приносят мне сотнями. Более всего *Haliphus* и *Hydroporini*. Третьего дня наконец между мелочью попался один *Brychius*, вчера уже два, а сегодня 15. Стало быть, *Brychius* не весенний а июльский вид. С отъезда Рафы я начал новую коробку, так как первая уже полна, и стараюсь в нее класть только то, что мне кажется интересным. Между *Haliphus*, может быть, найдется вида два, кроме *fluviatilis*, да *Hydroporini* несколько видов, хотя не особенно много. Во всяком случае, мне удастся исчерпать летние формы водяников при помощи деревенской молодежи.

Тетя Ольга Андреевна утешила нас своим двух-недельным пребыванием, она уехала только сейчас. От Пиленко получилась телеграмма, что он приедет послезавтра (вторник).

В Рязанке в настоящее время пребывают Миша и Петя¹²¹, у Тали гостит Мме Бертенсон, рожденная Зыбина с маленьким сыном. Надежда Павловна и Николай Петрович были на днях у нас в разные дни: оба в очень бодром виде.

Хлеба все убраны (кроме проса), но конечно не все свезены. Погода стоит прекрасная, не особенно жарко (днем от 15–20° Р., ночью от 12° до 14°), перепадают маленькие дожди преимущественно ночью, уборка была идеальная. Из Никольского прибыл Стаут, но об охоте я тебе не пишу, потому что кто-нибудь тебе опишет обстоятельнее меня.

В заключение нахожу интересным сообщить тебе об одном драматическом событии, о котором ты уже читал в газетах и которое составляет здесь злобу дня, хотя произошло не близко от нас в Михайловском уезде, но во всяком случае характерно и поучительно как образец отношений между помещиками и крестьянами. Начиная свой рассказ с личного впечатления. На той экскурсии в Курбатовский лес, о которой я тебе писал, мы подъехали на нашей тройке серых в коляске (я, Верочка и Рафа) к ближайшему Курбатовскому лесу и вошли в него. Лес был вырублен лет десять назад и образовалась чаща непролазная. Рафа спустился в овраг, а Верочка от меня отстала. Я набрел на тропинку, по которой уже легко было идти. Я смотрел вниз и не заметил, как наткнулся на лошаденку, на которой сидел Черкес — оборванец с одним только глазом, но вооруженный пистолетом и кинжалом. Он очень грубо закричал на меня: «Ты кто? ты зачем сюда забрался?» Зная из своих странствий в Средней Азии как следует обращаться с дикарями, я закричал на него: «А ты кто?» Он ответил: «Черкес», на что я потребовал от него, чтобы он тотчас же снял шляпу, слез с лошади и тогда начал разговаривать со мною. Тут подошла и Верочка. Смущенный Черкес обратился сразу в нашего покорного проводника. Я отправил его за ответом на его вопрос, кто я, к нашему кучеру. Он проводил нас до большого леса, указал нам вырубку и уехал.

Встреча это навело меня на размышления: что могло бы случиться при встрече с дикарем крестьянина, может быть, действительно забирающегося в лес с намерением срубить какую-нибудь березку или осинку на оглобли. И можно ли держать в качестве лесной стражи диких азиатов, вооруженных смертоносным оружием. И откуда взялись эти черкесы и кто они?

Оказалось, что Курбатово куплено года два тому тому у наследников Новикова бывшим Уездным Предводителем Михайловского уезда шталмейстером князем Л. Гагариным¹²² водворившим во все свои имения более 30 черкесов в качестве объездчиков для охраны лесов и полей. Черкесы же эти были высланы по настоянию местных властей, по приговорам инородческих сельских обществ Кавказа как люди самые порочные принимавшие участие в постоянно повторяющихся грабежах, и вместо ссылки в Сибирь водворены на жительство во внутренние губернии (например, Тульскую, где они получают скудное содержание от казны и охотно нанимаются за дешевую цену в объезчики. Поздней осенью в Курбатовском лесу произошло столкновение между этими черкесами и выехавшим на охоту Кареевым, имевшим разрешение на охоту от князя Гагарина. Столкновение это кончилось тем, что Кареев опасаясь чтобы дело не дошло до оружия, благоразумно ретировался с своими собаками подручными.

Не прошло пяти дней после моей встречи в Курбатовском лесу, как весть о кровавой драме в Михайловском имении князя Гагарина распространилась у нас. Самое сильное впечатление она произвела на проживающих здесь работников, живших прежде у кн. Гагарина. Они объяснили себе это тем, что он «господин лютый». Вот как произошло по здешним рассказам это событие.

Крестьяне пахали поля, и двое из них (отец и сын) запахивали спорную землю, которую администрация сельская признавала княжою, а не крестьянской. Наехали два обходчика черкеса. Произошло столкновение, кончившееся однако тем, что сын

согласился пойти с одним из обходчиков на разбор князя. Когда же они ушли другой обход вздумал связать старика, а когда тот не давался, перерезал ему горло. Сын, возвратясь от князя, нашел отца мертвым и бросился к многочисленным своим односельцам, работавшим в поле, и поднял целую толпу. Так как объездчики после короткой стычки с толпою ускакали, то толпа бросилась на сторожку черкесов и зажгла и разорила ее. Между тем князь Гагарин поспешил на своей тройке и, кажется с княгиней и гостем (кн. Щербатовым?), на место происшествия. На дороге он встретился с толпою, стремившейся к нему с жалобою на Черкесов, но когда вместо разбора он своим громким голосом стал кричать толпе что жалеет, что черкесы убили только одного человека, а не десяток, и что он всю толпу обратит в шкуры, то крестьяне в ярости бросились на князя и его лошадей и начали наносить им удары чем попало: дубинами, вилами и даже топором, а княгине и гостю говорили, что они их не тронут, лишь бы они в дело не вступались. Кажется, никто не выходил из экипажа и раненый князь упал в коляске. Раненые и взбешенные лошади понесли и были только остановлены в селе у дома священника, который приютил князя, а прибежавшей толпе сказал, что экипаж с князем уехал в усадьбу. Туда бросилась толпа и начала громить усадьбу и ранила камнем вышедшую княгиню и гостя, пытавшегося уговаривать толпу. Все это происшествие очень прискорбно. На моей памяти в крепостное время (с 1835 по 1859) тоже не проходило года, чтобы крестьяне где-нибудь в нашей Центральной Черноземной области не убивали помещиков, но с самого начала освобождения крестьян ни одного такого случая не было, и причины такого явления заслуживают серьезного анализа.

До следующего письма.

Всей душою твой П. Семенов

¹²¹Михаил и Петр Николаевичи, сыновья Н.П. Семенова.

¹²²Кн. Леонид Николаевич Гагарин (1832–1909); владел имениями в Михайловском уезде Рязанской губернии.

Как следует из представления прокурора Рязанского окружного суда, после женитьбы строгий и взыскательный князь Гагарин за хозяйство взялся сам. Хотя, надо полагать, супруга его имела также жёсткие взгляды на взаимодействие с крестьянами. Он нанял на должность объездчиков (сторожей господских земель) — трёх черкесов, которые были чрезмерно придирчивы, грубы и дерзки с крестьянами и нередко наносили им нагайками побои, даже в тех случаях, когда те позволяли себе только пройти через землю Гагариной не по проезжей дороге, а по какой-либо лесной, полевой или луговой тропинке. Крестьяне жаловались князю, но тот говорил лишь, что с ними так и надо. С каждым годом росло недовольство, которое перешло в ненависть.

1 июля 1903 года 61-летний крестьянин Михаил Карпов косил рожь на своей земле, прилегающей в роще князя. Параллельно он скосил в канаве, что проходила вокруг рощи, охапку травы, чем привлек внимание объездчика. Тот стал ругать Карпова, а затем нанёс ему удары нагайкой по спине. На помощь подоспел крестьянский сын. Завязалась драка. Черкесу также порядком досталось, но он смог нанести Михаилу Карпову три удара кинжалом. От полученных ран крестьянин скончался. Сын погибшего побежал в деревню, рассказал о случившемся.

Обозлённые люди не смогли простить этого черкесу и покрывающему их князю. Всё население деревни, не исключая женщин и детей, вооружившись кольями, вилами и топорами, отправилось в усадьбу Гагарина. Они побили стёкла в окнах, попытались поджечь дом, но огонь был потушен. В это время они увидели экипаж Гагариных. На переднем сиденье ехали князь и княгиня, сзади — их родственник Щербатов. Народ стал бросать в ехавших камнями, палками и другими предметами. Один из первых ударов попал в лицо князю Гагарину, он, потеряв сознание, выпустил из рук вожжи, но княгиня схватила их и повернула в сторону остановившихся на мгновение лошадей, которые затем понесли. Благодаря этому Гагариным и Щербатову удалось скрыться от гнавшихся за ними и бросавших в них всё время камнями крестьян. Обогнув с задней стороны усадьбу, Гагарины подъехали к дому местного священника, где и нашли приют.

На этом бунт закончился. На место прибыл Рязанский губернатор Николай Семёнович Брянчанинов с батальоном Нежинского полка. По требованию губернатора черкесы были уволены Гагариным и удалены из имения. Крестьяне «встретили губернатора хлебом-солью, покорною повинною».

15 человек были арестованы, и губернатор с батальоном вернулся в Рязань.

Дело о волнении крестьян деревни Волосовка было рассмотрено Московской судебной палатой 28 января – 1 февраля 1904 года. Приговором палаты 22 обвиняемых присуждены к заключению в тюрьме на 8 месяцев, двое — на два месяца, один по суду оправдан. Но, назначив это наказание «по закону», судебная палата усмотрела в обстоятельствах настоящего дела основания к облегчению участи осуждённых в размере, выходящем за пределы власти суда. Судебная палата приняла во внимание, что волнение было вызвано жестоким обращением помещика и объездчиков с крестьянами, что крестьяне «выказали полную покорность властям», что осуждённые ещё до суда содержались под стражей с июля 1903 года по февраль — март 1904 года и их семьи находились в бедственном положении. По докладу министра юстиции 21 июля 1904 года Николай II удовлетворил ходатайство судебной палаты о замене назначенного наказания: 21 обвиняемый был присуждён к заключению на два месяца, двое — к аресту при полиции на один месяц, один — помилован.

Скончался Леонид Николаевич в 1909 году. Похоронен был в Феняево, хотя могилы не сохранилось. Его супруга значительно пережила своего мужа. После революции она эмигрировала. Скончалась в 1922 году в Дрездене.

67

28 июля 1903 г. Гремячка

Милый Андрей Петрович,

Пиленко к нам приехал, а Рафа также вернулся к Изиному рождению¹²³, которое мы отпраздновали достойным образом. Рафин сбор не интересен. Только оказался один жучок мне незнакомый, да и тот так загрязнен, что его не могу как следует рассмотреть, а описывать не решился, потому что не знаю, цел ли он.

Мои же сборы через мальчиков и девочек, продолжают быть интересны. Сначала они все приносили водяников, потом навозников: между *Onthophagus* и *Aphodius*, конечно, ничего нового не оказалось, но *Hysteridae* есть интересные. Потом я научил их ловить мелочь на берегу реки, и конечно, они исчерпывают все виды, нашли *Bembidion*, *Platynus* и т.д. Но интересно, что они наловили множество *Diachromus germanicus*, которого я по крайней мере нигде здесь не ловил, хотя кажется он попадался здесь А.И. Яковлеву. Еще интересно, что сегодня девочка притащила мне один экземпляр *Omphron limbatum*, говоря, что она наловила несколько, но остальные у нее уползли. Заказал ей еще, она искала, но найти уже не могла.

Сегодня были в нашем лесу и разбирали сажень дров сверху до низу и в средних рядах нашли два экземпляра столь редкого у нас Сальпингида. Что это, *Rhinosimus ruficollis* или *Salpingus aeneus*, я забыл? Он зеленоватый, с желтой шейкой темной головкой и желтым носиком, несколько плоским.

Погода очень приятная. Днем до 16°, а ночью только 10°, небольшие дожди, так что и днем можно ездить и экскурсировать.

Но прежней неутомимости у меня уже нет. Сегодня воскресенье; у нас за столом были такие жирные дупели и так хорошо приготовленные, как мне редко случалось их вкушать. Миша Николаевич был у нас вечером, а от Миши Дмитриевича¹²⁴ имеется письмо, из которого еще не видно, будет ли он у нас или нет. Все Гремяченские здоровы и веселы. Дыни и арбузы в нынешнем году были удивительно хороши, последних еще очень много. Вчера в саду поймали ежа. Зайцы тоже забегали к нам в сад.

Вот и все что я «мог» выжать для тебя интересного из нашей деревенской жизни.

Всей душою твой П. Семенов

¹²³Рождение Измаила Петровича — 25 июля.

¹²⁴Михаил Дмитриевич Семенов, внук П. П.

8 августа 1903 г. Гремячка

Милый Андрей Петрович,

Вопрос о местонахождении *Eriactius limbatus* вполне выяснился. Если от оконечностей Гротовского пруда опустить перпендикуляры на Ранову, то *Eriactius limbatus* найден на этой части ее течения. Здесь Ранова имеет извилистое течение, подхватывая то правый, то левый берег и образуя то на том, то на другом песчаные обрывы, вышиною не более человеческого роста. Здесь то *Eriactius* и живет в норках, приблизительно на половине высоты обрыва, как на правом так и на левом берегу реки, конечно, так как он выходит из своих норок и бежит и по низкому песчаному берегу, то его можно найти и на береговом песке. Но только случайно и редко, так как он довольно редок и Рафа отправляясь с мальчиками выкопал только два его экземпляра. Но у меня уже их набралось более 50. Вообще говоря все "*riparia*" по-видимому любят берега реки ниже мельниц, потому что тут река течет быстрее и свободнее в своих берегах, да и вода чище, потому что плотины задерживают весь сор.

Об этом тебе напишет Рафа. Мы выедем отсюда 14 или 15. Итак, до свидания.

Всей душою твой П.Семенов

Все тебе кланяются. Сегодня уезжают от нас Пиленко и гостившая у нас короткое время Мме ф. Путерен (Михайлова). Мы все здоровы, а Верочка заметно поправилась. Таля рассталась с управляющим....

<Приписка Елизаветы Андреевны:>

Милый Андрияша, благодарю за письмо и очень рада, что ты себя хорошо чувствуешь. Писать пространно не могу, сейчас идут на почту. Мы через неделю — 14 или 15 выезжаем отсюда, так что самое позднее приедем 16 вечером. Дадим знать, когда будет окончательно решено. Погода вчера и сегодня превосходная. До свиданья!

Твоя Е.С.

69

31 августа 1903 г.

Милый Андрей Петрович,

Очень благодарю тебя за твое милое письмо. Вопрос о местонахождении у нас *Brychius rossicus* выяснен мною совершенно обстоятельно, так как он не переставая попадаться, разумеется сравнительно редко и в единичных экземплярах. Попадает он ниже мельниц: на правой стороне Рановы в маленьких бухточках, образуемых в устьях ручейков впадающих в Ранову, а с левой стороны ниже брода в самой Ранове у обрывистых берегов. И там и здесь местом его нахождения или укрывательству служат заросли в воде растения *Ceratophyllum submersum*, веточку которого я при сем прилагаю. Растение это несколько жесткое, образует чащу, скрывающую в себе массы *Haliphys* и отдельные экземпляры *Brychius* и разных *Hydroporini*.

На правой стороне реки его ловили мальчики, на левой — девочки и притом одним и тем же способом: через посредства сита в которое они зачерпывали массы *Ceratophyllum submersum*. При таком лове ускользают крупные водяники размером, например с *Acilius sulcatus*, но более мелкие попадают исправно. Из остальных уже береговых уловов мне принесли сегодня, кроме единственного до сих пор пойманного еще три экземпляра *Omphron*. По расспросам девочек, которые которые одни его и ловили, он живет в сером песку на берегу реки. Вчера Рафа собрал хороший зиб по моему указанию в заречном саду около пней вырубленных ив, на которых теперь растут древесные грибы, в которых также кое что нам попадает.

Сегодня рождение Женички и мы пили ее здоровье. Сейчас Изя отправляется в Петербург и вся наша молодежь его провожает на станцию. Погода очаровательна. Третьего дня у нас был оправившийся от продолжительной болезни Иван Васильевич из Никольского¹²⁵.

Отсюда мы выедем едва ли ранее 15-го. Если бы ты приехал хотя за 2 дня до 15-го то застал бы нас еще здесь.

Всей душою твой П. Семенов

Мои работы идут успешно, но не быстро. Я надеюсь окончить до отъезда все предисловие к каталогу картин, которого выйдет от 5 до 7 листов печатанья и половину очень необходимой и важной для меня выборки из отзывов Губернских уездных комитетов по 9 губерниям в ответ на программу Совещания.

¹²⁵Нелюбин И.В., управляющий в Никольском, бывшем имении дяди Петра Петровича Н.Н.Семенова, перешедшем к нему по завещанию его вдовы в 1896 г.

70

26 сентября 1903 г. Пятница

Дорогой Андрей Петрович,

Мы благополучно вернулись домой в Воскресенье 21, и я в эти четыре дня едва успел осмотреться, при массе пакетов, писем, посылок и при окончании спешной работы.

Пробыли мы за границей, кроме переездов, с небольшим три недели. В Голландии у гостеприимного Бредиуса в течение 8 дней я, разумеется, ничем иным не занимался, как историею Нидерландской живописи, посещением музеев и выставок, три раза ездил в Амстердам, один в Роттердам и раза три в Схевенингем на берег моря. Провели мы время очень приятно и это был для меня настоящий отдых.

В две недели пребывания в Дрездене при прекрасной погоде и немногих загородных поездках, я очень много работал и успел окончить обширный свод мнений Губернских и Уездных Комитетов по вопросу («Зернохранилища и хлебные магазины»), которого рассмотрение поручено Комиссии под моим председательством.

Был я у Штаудингера; нашлось у него нового очень мало, это новое я взял и, кроме того, пополнил, например, наших *Julodis* всеми не оказавшимися у нас экзотами.

По приезде в Петербург нашел интересное письмо лесничего Ник. Ал. Пальчевского из Владивостока. Ему доставлен был муж. экземпляр *Callipogon relictus* в $9\frac{1}{2}$ сантиметров (на $1\frac{1}{2}$ сантиметра больше нарисованного тобою) со станции Вяземской Уссурийской железной дороги в 596 верстах к северу от Владивостока, приблизительно под $47\frac{1}{2}^{\circ}$ с.ш. ... Жук летел с сильным жужжанием. По показаниям поймавшего его лесного кондуктора, он мог приподнимать своими челюстями топорик весом в $2\frac{3}{4}$ фунта. К сожалению, верхняя часть его грудки оказалась попорченной, вследствие чего Пальчевский и не прислал его к нам, ожидая поимки совершенно целого экземпляра, для каковой поимки он поставил на ноги всех своих лесников.

Получился и ящичек от Пальчевского. Это пока сбор во Владивостоке его детей: Володи и Шуры... Сбор имеет детский характер. Множество бабочек в треугольных бумажках, ... мух преимущественно одного и того же вида, несколько кузнечиков и одна *Forficula* и очень немного видов жуков в немногом количестве экземпляров. ...

Зато одновременно я получил два ящичка из Харбина — сборы в его окрестности. Один ящичек (наш)... сбор детей В.С. Рагозина — довольно младенческий, а другой оттуда же — сбор г.г. Тетриха и Копроневича ... Собрано хорошо, хотя фауна не разнообразна.

Затем получилось 6 ящичков из Верного от гимназистов. Два сбора (самодельные ящички) из интереснейшей местности (озеро Сон-куль) ниже всякой критики, да и жуков в них почти нет, а из остальных (наши ящички) некоторый интерес представляет весенний сбор гимназиста Пояркова около самого Верного (один ящичек), а остальные сборы около Пржевальска и в долине Кебиха, очень слабо...

Вот и все что имею сообщить интересного

Всей душою твой П.Семенов

71

14 июля 1904 г. Гремячка

Милый Андрей Петрович,

Вчера уже две недели, как мы в Гремячке. Приехали мы в ночь с 28 на 29 в такой холод, что говорят что в четвертом часу утра видели иней. Все явления природы удивительно отстали. Мы застали *Philadelphus* и пионы белые, также как и оранжевые лилии в полном цвету, а липы и спирея еще не зацветали; куковали кукушки и пели соловьи. Рожь только что начала наливаясь, овес колосился, а просо и теперь не колосится. Зато хлеб превосходный, травы великолепны и теперь только косятся. В эти две недели совершенно теплых летних дней и в особенности вечеров и ночей не было. Дожди перепадали часто, но не непрерывно, днем божественная прохлада и мух почти нет. Грибов изобилие. Ягоды великолепны. Яблок совсем не будет. Липы только зацветают, вчера и сегодня. Энтомология сильно пострадала. Сборы наши очень бедны. Лету ни вечернего, ни ночного на лампу нет. Кошение сачком и зиб дают ничтожные материалы. Экскурсии до сих пор делали только в наш лес, Хопер и Казачье. *Carabus cancellatus* в нашем саду совсем исчез, *Carabus haeres* найден только раз. Зато в Хопре нашли один *Carabus aurolimbatus*, а в казачьем *Carabus glabratus*. Еще попалась *Calosoma denticolle*. Из мелочи набрали кое что между прочим три *Tritoma*, некоторые *Pselophidae* и кое какие *Chrysis* и *Hymenoptera*. Биологически самым интересным было появление на нашем садовом балконе, и притом только в течение двух дней массы маленьких жучков (повидимому, *Leucohimatium*) из которых один экземпляр ты найдешь в кусочке ваты в этом письме. Эти жучки ползли изо всех трещин и повидимому вывелись на нашем балконе или налетели на него массою.

На южном склоне в Казачьем цветут теперь *Jurinea*, *Anthericum*, одна порода лука, которая только там и водится, *Veronica spicata* и *Lavatera thuringiaca*. Анизоплей совсем нет.

Торжество золотой свадьбы Николая Петровича очень удалось. Было за обедом 33 человека (их 4, нас 5, Павел Михайлович с женою, Ляля с мужем, Вера Загорская, итого родных 14; а из гостей Бабиных 3, Пальчиковых 5, Семеновых из Малиновой рощи 3, Новосельских 2, Ознобишин, Рудинский, Дробышевский, Доу 2, исправник Раненбургский, а всего неродных 19. Николай Петрович был достаточно бодр и в прекрасном настроении. Я говорил приветствие и Бабин тоже. Ляля прочел свои стихи, в оживленных тостах не было недостатка. Когда брачные золотой свадьбы поцеловались, то оба были очень растроганы и мне казалось это полным возрождением брачного союза, забвением всех жизненных невзгод. Николай Петрович просил меня предложить от его имени тост за верного и старого друга Пальчикова, который был очень тронут всеобщим к нему вниманием. В своем приветствии я в особенности вменил Николаю Петровичу в заслугу его трогательную любовь к родине и к родному гнезду, так им взлелеянному и улучшенному, а Надежде Павловне ее трогательные заботы последнего 10-летия о Николае Петровиче. Все прошло живо и сердечно.

Газетные известия читаем с жадностью. Всего более оптимистически настроен Доу. Он говорит, что война уже окончена, так как японцы уже ничего сделать не могут. Мы же ожидаем благоприятного поворота только в августе, когда придут все до сих пор мобилизованные части, а главное, флот, а мы до сих пор показали свою устойчивость.

Мама тебя целует и очень благодарит за календарь, а я за выпуск, который просмотрел очень внимательно и с большим удовольствием.

Всею душою твой П. Семенов

72

26 июля 1904 г.

Милый Андрюша.

У меня до тебя просьба следующего содержания. Вышли мне письма, которые пришли после нашего отъезда, некоторые лежат на туалете в спальне. Измаил сегодня сказал, что он забыл их захватить с собой. Ты, пожалуйста, сделай выборку, там есть письма Марьи Григорьевны¹²⁶ и от Ляли, которые не надо вовсе пересылать, а другие, если в конвертах, то извлеки из оных и пришли вместе с открытыми письмами, если таковые окажутся, все вместе в одном конверте. Папа тебя благодарит за письмо Бредиуса. Вообрази, что здесь два дня вчера и сегодня не получают никакие московские газеты, по какой причине, неизвестно, и мы узнаем известия только из Нового Времени, а Русское Слово застряло.

Сегодня был первый настоящий летний день, а вечером пошел дождь, который и теперь продолжается.

Попрошу тебя выслать письма в субботу, но не в пятницу, причину скажу тебе позднее.

Все тебе кланяются. Как ты съездил в Псков?

Пока до свидания.

Любящая тебя Е.С.

Милый Андрей Петрович,

Посылаю тебе доверенность на получение моего содержания за июль и прошу тебя

1. выдать из него Вене сколько ему по расчету его нужно (кажется, 875 рублей),
2. взять сколько тебе нужно за август и вперед,
3. выдать жалование людям,

а остальное перешли мне.

Спешу отправить письмо на почту

Всею душою твой П. Семенов

Наконец, третий день у нас тепло и началась уборка.

¹²⁶О Марье Григорьевне Семеновой см. выше примечание 107, с. 47!

Милый Андрюша, очень приятно слышать, что тебе не так уж скучно и что ты часто делаешь вылазки. Веня пишет что ты застрелил несколько куропатов и тетерева, я думаю, они там были в восхищении от такого жаркого. Я даже немного позавидовала им. У нас Изя ходит на охоту, и нельзя сказать, что неудачно, мы три раза ели дупелей и бекасов. Но главное его занятие теперь состоит в том, что он гувернанствует над Верочкой, она такая несамостоятельная, что поддается этому и даже,

я думаю, ощущает потребность в том, чтобы ею кто-нибудь командовал. А только такой способ действия убьет в ней всякую самостоятельность, но этого Измаилу не внушишь.

Погода у нас теперь отменная, по моему, т. е. прохладная с изредка перепадающим дождем. Мухи почти исчезли в доме и в кухне небольшое количество. Во флигеле приводим в порядок маленькие дефекты, которые там оказались, т. е. перемещаем шнурки у штор, поправляем ключи и замки, протекции пока не видно. Когда ты приедешь? Здесь я все время занимаюсь ремонтами в доме и флигеле, без нас ничего не делается и то тут, то там открывались дефекты. Конечно без дефектов не обойдешься, но надо чтобы их во время исправляли, а этого то и не делается.

Будь здоров, милый Андрюша, до свиданья! Кланяюсь Тихону Сергеевичу.

Твоя Е.С.

73

4 августа 1905 г.

Милый и дорогой Андрей Петрович,

С удовольствием прочли мы с мамой и Изей твою статью в Новом Времени, которой я сочувствую до последнего слова и нахожу, что она написана так ясно и верно, что из нее ни одного слова нельзя выкинуть.

Жизнь наша в деревне пока совершенно благополучна, здоровье мое значительно улучшилось, переносу лекарство и умеренную диету совершенно хорошо, совершаю каждое утро прогулки с Аричкой и с зибом, который очень удобен.

Ни мух, ни жары нет, но сушь небывалая. Мы совершаем прогулку в ольховом лесу и в болоте за рекою, с ее березовыми рошицами поросшими камышами, как в саду, местами переправляясь через высохшие канавы и только местами через ручейки. *Epilobies latifolium* (иван-чай) уже давно отцвел, также как и *Pyrola rotundifolia*, красивый для букетов. *Eupatorium cannabinum* в полном цвету. Расцветает только что *Parnassia*.

Колеоптерологическая фауна невероятно бедна, из *Carabus* я пока нашел только одного *marginalis*, прижавшегося у пня березы. При всем том зиб все таки дает кое что, и за июльские дни мы набрали целую пластинку, а за август начали вторую. В лесу были только раз. В июле небо было совершенно безоблачно, с 1 августа начали ходить «тучки небесные, вечные странники».

В нашей местности все тихо, аграрных беспорядков нет. Голода нет, но очень сильный недород. Но земство уже роздало рожь, к сожалению не совсем всхожую. Со своей стороны позволил крестьянам свезти весь их посеянный на земле хлеб беспрепятственно, скинув им половину долга за землю, а другую предоставляю им заплатить без залога, на добрую совесть; раздаю им половину семян ржи, нужной им для посева в добавок к их собственным свежим семенам. А земский хлеб пусть идет им на потребление.

Главное бедствие в неурожайные года отсутствие соломы, необходимой как топливо: придется помогать им топливом с наступлением холодов.

Пока я только отдыхал и книгами серьезно не занимался в деревне, так что отдых был полный и в десять дней меня уже поправил. Посторонних гостей пока у нас нет. Был у Надежды Павловны¹²⁷, у княгини Долгорукой и у Доу, где видел барона Штемпеля; все тебе кланяются. Миша и Таля были у нас.

Всей душою твой П.Семенов

Милый Андрюша, папа нечаянно написал письмо на двух листках, так и посылает, чтобы не переписывать. Спасибо за открытку, очень жалею сама, что не была

в Биржевом садике, я как-то забыла туда отправиться. Непременно посмотрю его при первой возможности. Кланяюсь Андрею Андреевичу. Как у тебя идет домашнее хозяйство? Я часто думаю о вкусной дичи, которую ты привозишь из Любани. Всего хорошего, до свиданья!

Твоя Е.С.

¹²⁷Вдова Николая Петровича Семенова, умершего в октябре 1904 г.

74

25 августа 1905 г.

Милый Андрей Петрович,

Вот уже месяц, как мы в деревне, и здоровье мое очень улучшилось, так что я все время чувствовал себя хорошо и лечение шло благополучно. Хотя мир заключен, но все-таки продолжать свой отдых поездкою за границу я не желаю и вернусь в Петербург около 15 сентября. Но маму я уговорил поехать с тетей Олей за границу на три недели, и она еще застанет тебя в Петербурге. Деньги я получил и благодарю тебя за аккуратность. Это дает мне возможность дать маме необходимые поручения относительно заказа платья и багажей.

Митя мне был очень полезен, он помог мне быстро привести к окончанию интересную работу по Горемыкинской Комиссии, которую буду печатать по возвращению.

На энтомологию тоже мог уделить несколько времени при помощи сначала Арички, а теперь Коли¹²⁸. Зибировали очень много, благодаря твоему аппарату, оказавшемуся очень практичным. Нынешний год очень неурожаен для жуков, да и приехал я поздно, но все таки зиб может быть даст кое что интересное, особливо теперь, когда пошли дожди.

Ждем тебя. Изя уверяет, что слышал крик журавлей, а впрочем до сих пор перелета еще не было.

Всей душою твой П.Семенов

¹²⁸Николай Дмитриевич, внук П.П. Семенова.

75

6 сентября 1905 г.

Милый Андрей Петрович,

Если это письмо еще застанет тебя в Петербурге, то прошу ответить на него телеграфом. Вот в чем дело.

Недород в нынешнем году сильнее, но главное бедствие не в хлебе: его можно купить не особенно дорого, но в соломе, которой почти не родилось, и топлива на зиму не будет и достать его неоткуда.

Поэтому я решил помочь крестьянам Гремячки и Чернышевки в некоторой степени топливом из леса, предназначая на это все буреломные деревья, более или менее мелкие сухие ветви, как находящиеся на деревьях, так и рассеянные в лесу и наконец результат необходимый для лесного хозяйства прочистка слишком густо засеянных осиновых деревьев в осиновой вырубке, отнюдь не позволять вырубать каких бы то ни было кустарников впереди леса и трогать опушек, а также собирать и вывозить лист из леса. Во всяком случае вся эта операция могла бы быть проведена под строгим наблюдением старосты Федора и всех наличных членов семьи. Но мне хотелось и я не соглашался делать что либо в лесу без твоего ведома, а между тем тут дела всего только на три дня. Поэтому требуется твой ответ, согласен ли ты на то, чтобы мы произвели всю операцию немедленно или дождались тебя.

Трехдневную работу удобно произвести только тогда, когда деревья покрыты листьями. Глубокою осенью можно много напортить. Ответь следовательно: или согласен, или отложить до моего приезда.

Осенние холода уже наступают. Дождей падает много, но и солнце часто проглядывает и вообще осень очень хороша и зелены великолепны. Последние дни каждый день были грозы. Вчера, день именин мамы, Рафа принес первого вальдшнепа. Я понемногу поправился после падения и ушиба в лесу.

Энтомология идет, не смотря на неурожай насекомых довольно удовлетворительно, так как мы, благодаря твоему хорошему аппарату, сосредоточились на Зибе. Последняя неделя и фауна древесных грибов пришли на помощь.

Главную мою работу для Горемыкинской комиссии я оканчиваю, несмотря на то, что всякие передвижения и даже сидения были затруднены моим ушибом. Ждем тебя с нетерпением. Мне очень хотелось, чтобы ты застал меня еще здесь, а выезжаю 15-го и никак не позже 17-го.

Всей душою твой П.Семенов

76

5 августа 1906 г.

Дорогой Андрюша,

Очень меня обрадовало твое письмо и твое Тигодское настроение и впечатление. Очень заинтересовался его находжением *Chlaenius spoliatus* на стожке и припомнил его различие от *Chlaenius sulcicollis* и *Illigeri*. Отсюда же я тебе ничего не могу сообщить по энтомологии, потому что состояние моего здоровья парализовало всякую мою деятельность по энтомологическим сборам. Коленный суставчатый ревматизм имел последствием, что я не мог подняться без посторонней помощи, а о ходьбе и езде нельзя было и думать.

Теперь, слава Богу, лучше, но все таки я не могу ходить по всему саду, а при отсутствии подручников и о зибе еще нельзя думать.

Единственное мое развлечение, кроме разговоров с крестьянами — редакция моих Записок. Первые две главы I. «Дедовская усадьба» и II. «Отцовская усадьба» были окончательно выработаны в Петербурге и там же оставлены. Здесь я совершенно выработал и окончил еще две главы III. «Отроческие годы и годы первой юности в деревенском одиночестве» и IV. «Среднее и высшее образование». Теперь сижу за главой V. «Начало моей общественной деятельности и первый брак».

Затем у меня готовы, но только вчерне две главы — VI. «Пребывание за границей и Берлинский университет» и VII. «Путешествие в Средней Азии», которые еще далеко не отделаны, и так мне хочется добраться до VIII главы «Освобождения крестьян», но по ней еще ничего не сделано.

Как оптимист, я вынес из сношений с крестьянами недурное впечатление на практической почве; аграрный вопрос мог бы быть повсеместно удовлетворительно улажен, если бы не безумная пропаганда анархистов и отсутствие надежных исполнителей землеустроительного дела.

Очень огорчила меня кончина Ф.Г. Тернера¹²⁹. Более пятидесяти лет я был с ним в дружеских отношениях, и были мы с ним ровесники (он родился в 1827 г., а не в 1833, как было сказано в его некрологе, очень плохом). Только он молодился и казался гораздо моложе меня.

Пребывал у нас довольно долго и уехал от нас вчера С.В. Орлов¹³⁰, которого мы все без исключения очень полюбили.

Приезжал к нам из Никольского Иван Васильевич. Зрение его плохо, но все-таки гораздо лучше, чем я предполагал, и снятие катаракта, когда он созреет, поправит

дело. В Никольском сожгли один скирд хлеба и омет соломы, но убытка нам это не принесло: все было застраховано.

Здесь у нас аграрные волнения ограничиваются расхищением арбузов и сливы, а действия анархистов заключаются в разбрасывании залежавшихся прокламаций из каких-то старых складов, да в митингах, устраиваемых по ночам в таких лесочках, где нет караулов.

Погода прекрасная, растительность дивная, зацвела земляника. Когда мы приехали, я был поражен отсутствием мух и дневных бабочек. Теперь и те и другие появились. Садовые цветы хороши как никогда. Далии, которые всегда были убиваемы морозом, не достигнув полного блеска, теперь его достигли.

Всею душою твой П. Семенов

Милый Андрияша, мы очень довольны, что ты прислал деньги. Собственно говоря, это было дело Изи и он должен был прислать с ними маленький счет. Я ему написала и несколько распекала за небрежность. И сколько раз я ему писала.

Папино письмо так мелко написано, что боюсь, что твои глаза утомятся. Все кланяются тебе.

До свиданья!

Твоя Е.С.

¹²⁹О Ф.Г. Тернере см. выше примечание 66, с. 25.

¹³⁰Сергей Владимирович Орлов, астроном, брат жены И.П. Семенова.

7 сентября

Дорогой Андрей Петрович,

Приехали мы сначала благополучно в Берлин 4 сентября вечером при очень хорошей погоде. Я сначала думал пробыть в Берлине только две ночи, но так как 5-го (вторник) именины Лизы, то мы, не желая провести весь этот день в дороге, остались на два дня и три ночи. В Берлине я заказал себе платья на весь год и был у Боде, которого впрочем не застал, но доставил ему свою книгу и видел хотя вскользь столь знакомую мне и чудную берлинскую галерею, которая переехала в совершенно другое вновь для нее построенное здание, в котором она помещается гораздо лучше и новым приобретениям есть место. В Берлине встретили Ламанских — Сережу и Настю, благополучно проходивших по *Leipsigerstrasse*.

6-го сентября весь день с 8 часов утра до 10-и вечера был употреблен на переезд в Вену на Бреславль. Погода была очень дурная.

7 сентября я уже виделся с Ганглебауэром, который здоров, в прекрасном расположении духа, тебе он кланяется и благодарит за присылку. В особенности он был доволен твоим *Julodis*, которого он никогда видимо и не видал его новый монографист *Julodis*'ов, а также не менее был рад видеть *Phaleria pontica*, которой у него не доставало. Поинтересовался он и Яковлевским *Dorcadion*. Остальные у него были, но он также за них очень благодарит.

Очень сожалел он, что позднее время года и дурная погода будут очень неблагоприятны для моей поездки в горы, но все таки помог мне составить маршрут, в котором у меня был только определенный пункт Zell am See. Вот как определился этот маршрут. Мы выехали из Вены в Воскресенье 10-го до Адменонта в Штирии на Энсе. Там мы пробудем в горах день или два. Затем 12 или 13-го переедем в Zell am See (в провинции Зальцбург), где пробудем несколько дней, а если погода будет

дурна, то только два дня, и затем переедем в Инспрук, а оттуда в Мюнхен, где будем уже около 18 или 19 сентября и куда просим адресовать письма *poste restante*, а затем в Дрезден, где будем между 20 и 22 сентября.

Газеты мы пока читаем очень поверхностно, желая только не отстать от событий, и интересуемся только фактами, а не суждениями, которые конечно нам не могут доставить много удовольствий.

Всею душою твой П. Семенов

Милый Андрюша, надеюсь, что твой желудок поправился на охоте. Теперь ты знаешь наш маршрут, можешь написать нам сюда *poste restante*, т. е. в Вену, нам перешлют. А потом в Мюнхен тоже *poste restante*, а насчет Дрезденского адреса я напишу его, как только спишусь с M-lle Schmalz. Она ведь рассорилась с Bellevue.

Что Вена, перебрались ли они восвояси и когда?

78

22 сентября 1906 г.

Милый Андрей Петрович,

Продолжаю тебе рассказ о нас. Мы выехали из Вены в природу 11 сентября нашего стиля. Согласно с рекомендацией Гангльбауэра первая наша остановка посреди Австрийских Альпов была в Адменонте в долине на реке Энсе. Погода была очень дурная. Еще около Вены предгория были видны, но далее все заволочло тучами и шел дождь. Мы приехали к вечеру, ночевали, а на другой день погода была еще хуже.

В Адменонте живет один натуралист энтомолог католический монах патер Габриэль Штробель, основавший при Бенедектинском аббатстве в Адменонте очень хорошую зоологическую естественно-историческую коллекцию, которою он и занимается с утра до вечера. Погода казалась безнадежною, и мы решились ехать далее в прекрасную местность Zell am See, в которую мы приехали к вечеру. Погода разгулялась, горы были видны, а на другой день погода была хорошая, но несколько холодно (10° R). Мы решились пробыть весь следующий день (11 сентября) в природе. Экскурсии в горы на водопады были очень интересны, но в энтомологическом отношении были вполне неудачны. Как Гангльбауэр предсказал, *ничего* не оказалось, кроме одной обыкновенной Сильфы.

На другой день (пробыв две ночи на Целленском озере) мы поехали дальше и к вечеру 12 сентября уже в Инсбруке. Здесь погода была прекрасная и мы пробыли три ночи и также экскурсировали вполне прилежно, но все таки в энтомологическом отношении *ровно ничего* не нашлось. Гангльбауэр говорит, что весь северный Тироль и Зальцбург чрезвычайно бедны в энтомологическом отношении, чего никак нельзя сказать про северный склон Каринтийских Альпов и про Зомеринг, где фауна гораздо богаче.

17 сентября к вечеру мы приехали в Мюнхен, где на железной дороге встретили Mme Столицу с дочерью и где мы к своей большой радости нашли целую массу писем. Погода опять испортилась. О природе уже не могло быть речи, но по обстоятельствам мы пробыли в Мюнхене три ночи, и я разумеется нашел время исполнить то, что ты мне написал: познакомиться с Даниелем. Он был очень доволен моим визитом, тебе очень кланяется и накрепко обещал мне отдать мне визит осенью в будущем году в Петербург, куда он приедет во время своих ферий в Октябре через Киев.

Сделав все, что меня интересовало в Мюнхене, мы 20 сентября сделали длинный переезд (11 часов) до Дрездена, откуда я тебе и пишу и где мы пробудем до 1 октября нашего стиля. Здесь мы остановились в Hôtel de l'Europe и нам очень хорошо. M-lle Schmalz и ея воспитанница, так называемая Муха, отец которой лорд Гримторп

(Grimthorps) по наследству сделался лордом и перешел из палаты депутатов в палату лордов.

Как никак, а все таки я хотя немного отдохнул здесь за границей.

Всею душою твой П. Семенов

Всех наших обнимаю и мой усердный поклон Андрею Андреевичу. Надеюсь вернуться в первых числах нашего октября.

79

Локарно. 2/15 мая 1907 г.

Дорогой Андрюша,

Благодарю тебя за открытку, которую мы получили от тебя еще в Петербурге. По дороге из Петербурга сюда мы видели последовательно все стадии весны: между Петербургом и Псковом в лощинках еще лежал снег, за Лугой на солнцепеке мать-и-мачеха и анемоны, но ни на одном дереве не было ни листика. В Вержболово увидели первые листики на деревьях, затем в Восточной Пруссии листья стали крупнее...

80

14 июля 1907 г. Гремячка

Милый Андрей Петрович,

Вот уже неделя как мы здесь, а время прошло так незаметно. Погода была очень благоприятная, прохладная с дождями и солнцем. Энтомологические сборы очень неуспешны, главным образом потому что помощь мне очень недостаточна. В орудиях нет недостатка. Экскурсировал я только в наш лес, который стоит еще в роскошном убранстве раннего лета, и в Казачье.

Хотя здоровье мое удовлетворительно, но силы уже не прежние: устаю при хождении, а главное, не могу нагибаться, да и кошение меня утомляет. Зибировал я довольно много, но довольно безуспешно, и весь сбор за неделю ничтожный, хотя кое что из мелочи найдется интересного. Ловил я и водяников: в прекрасных лужах в лесу и в канавках с чистой холодной водой, в заречной части сада. Изя тоже ничего не собирает, поймал только *Aromia moschata* и *Prionus*, которого мы отпустили, но ни к пруду Тали, ни в местах где водятся *Brychius* и *Omphron*, не отправлялся.

Грибов древесных *совсем нет*, несмотря на сырую погоду.

Мишу Николаевича я видел только один раз: я у него обедал и провел вечер. Сбор его, он говорит, очень незначительный, хотя кое что собрано. Он все привезет ... и ... коробку. Никаких инструментов я у него не отбирал: и зиб, и сачки нашлись у нас. В сборе зибом и ловле водяников помогает мне Сергей Владимирович Орлов. Теперь еще возлагал надежды на Шуру¹³¹, который приезжает сегодня из Эссентуков, где он собирал с увлечением. Конечно, он и здесь оживит нам сбор.

Норка у нас произвела ужасные опустошения, обезглавила 65 цыплят, их всех нашли обезглавленными, поймали ее шесть детенышей и убив их уложили рядом на окне, а она опять пришла и унесла их и ее не поймали, хотя нашли ее в кухне, откуда она убежала, как говорят, через трубу.

Были у меня с одной стороны местные полицейские власти, а с другой стороны являлся и Леля. Аграрных беспорядков пока никакие невозможны накануне уборки хлеба, поглощающей силы и внимание всего населения.

Очень тебе благодарен за пересылку открытых писем Якобсона¹³². Ты уже теперь получил его посылку, вероятно. Шарообразный цветок не *Eryngium*, а вероятно, *Echinops sphaerocephalus*. Хотя Каракульский сбор очень интересен, но сбор в песках еще более интересен. А там пойдут сборы в альпийской зоне конца июля и августа.

Очень меня утетишь, если будешь писать о тех сведениях, которые будешь получать от наших путешествующих энтомологов.

Всегда душой твой П. Сем. Тян-Шанский

¹³¹ Александр Дмитриевич, внук П.П. Семенова.

¹³² Георгий Георгиевич Якобсон (1871—1926), энтомолог, сотрудник Зоологического института, занимался фаунистикой и систематикой жуков. Покончил с собой в 1926 г. в возрасте 55 лет.

81

17 июля 1907 г.

Милый Андрей Петрович,

Посылаю доверенность Вале. Уплати себе, Вене по 75 рублей, а по приезде Мите 50 рублей. С Валиными деньгами поступи согласно его указанию.

Возьми если нужно что на расходы и если будет большая надобность, на энтомологические расходы. Остальное сохрани до нашего приезда в самых первых числах августа. Пересылать нам пока ничего не нужно.

Теперь у нас находятся Шура, Митя и Женичка¹³³. Последние уезжают в среду.

Купчая на Никольское утверждена. Продажа Чернышевской земли принята Банком. Уборка хлеба началась.

Сергей Владимирович, который с большим успехом помогает мне ловить водяников, поймал *Brychius* в третьей канавке с чистой водой за Рановой, в самом ее устье. Сегодня или завтра собираемся ловить в Талином пруду.

Шура привез из Кавказа очень маленький сбор. В нем есть *Procerus caucasicus* и *Calosoma sycophanta* и *Hydrophilus* и два *Carabus* из обыкновенных кавказских. Кое что попавшееся на фонарь.

Вот пока все наши новости

Всей душой тебе преданный П. Семенов Тян-Шанский

¹³³ Дмитрий Петрович, его жена Евгения Михайловна и их сын Александр.

82

23 июля. Понедельник 1907 г.

Милый Андрей Петрович

Как только я получил твое письмо, мы отправились вечером на просо, но как усердно ни косили, ни единого *Leucohimatium* не оказалось, и вот этому мое объяснение.

Leucohimatium не живут и не выводятся на просяных полях, а выводятся на Ранове и только прилетают во множестве на просяные поля. Но условие для этого теплая погода, которой у нас в нынешнем году нет. Вечер, в котором мы были на просе, был холодный, и никакого лета не было. Да и просо еще далеко до созревания, т. е. все в нынешнем году опоздало.

Произвели солидную экскурсию на Талином пруду, в котором ничего кроме лягушек не оказалось. Зато в последней части Рановы наловили мелких водяников и в том числе попались три *Brychius*. Вслед за тем мальчики, которые видели наших экскурсантов, принялись ловить и притащили экземпляров пять или шесть *Brychius*. *Otomphron* же несмотря на все старания найти не могли. Были в лесу. Зиб оттуда оказался совершенно неудачным. Древесных грибов совсем нет.

Ты спрашиваешь о М.Н. Ростовцеве¹³⁴. Он гостит у нас повидимому с большим удовольствием и нам доставляет большое удовольствие. Приехал он за несколько дней до нас; а уезжает три дня ранее нас, так как ему хочется поспеть к заседанию

какого-то общества и к Вашему Понедельнику. Мы же выезжаем в субботу и будем уже в Воскресенье в Петербурге.

Провели мы время прекрасно. Тому способствовала прохладная погода и оживленный состав нашего дома: все семейство Изи с Сергеем Владимировичем включительно, Вера, Аричка¹³⁵, Шура и на несколько дней Митя и Женичка и граф М.Н. Ростовцев, который был для нас самым приятным собеседником.

Никаких аграрных замешательств мы не имели, озимый хлеб уже убран благополучно. Из Никольского сведения удовлетворительные. Доходы собираются исправно. Купчая утверждена. Продажа земли Чернышевским крестьянам состоялась; они очень довольны. Из не-Гремяченских были у нас Миша С. один раз, Таля два раза и Шаховские¹³⁶.

Вот пока и все, что могу сообщить. Очень прошу тебя написать еще одно письмо, которое нас еще застает.

Очень обрадовался сведениям о Демидове и о четырех экземплярах *Calosoma Petri* и о множестве *Crator infantalus*. Жаль, что ты мне не пишешь с большей подробностью о последнем сборе Якобсона. Да может быть, ты его еще и не получил?

Всею душою твой П. Семенов Тянь Шанский

Мы пробудем в Петербурге только три дня, для того чтобы поспеть к rendez vous с Шнейдерами в Мюнхен и 6 августа оттуда проедем в Южный Тироль, пробудем там, кроме того, мне хотелось бы добраться и до Адриатического моря.

¹³⁴Граф Михаил Николаевич, брат Я.Н. Ростовцева.

¹³⁵Ариадна Дмитриевна, внучка П.П. Семенова.

¹³⁶Семья князей Шаховских, соседи Семеновых, владельцы имения в Мураевне.

Toblach Süd Tirol. 15/28 August 1907

Дорогой Андрей Петрович,

Наконец к вечера 12/25 августа мы в природе. Из окна нашей комнаты можно прямо выскочить в густой лес, который поднимаясь постепенно в гору простирается до пределов некой растительности живописного Puster Thal'я. Погода прекрасная солнечная, и только около доломитовых гигантов является немного облачков. Воздух живительный, слегка прохладный и только на южном солнце от 12 до 2 часов жарко (высота 1209 метров). Итальянская граница от нас в 12 верстах.

Весь день 13/26 августа и утром, и вечером я экскурсировал в лесу и долине, но к сожалению очень безуспешно. И флора и фауна Puster Thal'я оказались очень бедны, несмотря на самую благоприятную погоду.

Древесная растительность состоит исключительно из ели, и лиственницы, и даже кустарников мало: они состоят из двух пород ив, можжевельника и горной сосны. На полянах, которых немало, есть цветущие травы, между которыми есть и альпийские формы — три породы генциан, горькая Sauregea с розеткой колючих листьев посредине которой сидит без стебля цветок, чрезвычайно красивый, когда он отцветает, *Parnassia palustris*, горная *Campanula* и т.д.

В зоологическом отношении большая безжизненность. Птиц необыкновенно мало. Пробежала в нескольких шагах от меня сначала по поляне, а потом и через дорогу красивая темная белочка. Насекомых очень мало. Несколько видов мне незнакомых бабочек. Из колеоптеров в целый день я с большим трудом поймал десяток: два карабида (один феронид под камнем и один *Harpalus* в поле), три *Staphilinid*'а, два *Aphodius* (один *fimetarius*), один *Elaterid* (*Lacon*) и еще два жучка — цветочный мягкокрылый и один в помете. Еще попались три *Hymenonopter*'а (в т.ч. один маленький

Bombus) и одна муха. На цветах, под тысячами камнями, на пнях, под корой, у текущих вод, под кучам сучьев ничего нет, кроме пауков, изредка тысяченожек и *Tulus* и муравьев, которых несравненно меньше, чем у нас, хотя я заметил их пять видов. Уховерток совсем нет.

На второй день 14–27 августа мы, пользуясь превосходной погодой, предприняли дальнюю экскурсию в экипаже (верст до 30), переехав через 12 верст (на 1410 метр.) итальянскую границу. Крайний наш пункт был альпийское озеро Misurina (1800 метров), где мы пробыли на экскурсии часа четыре, но и по всей дороге много раз выходили, экскурсируя пешком.

Долина Ampezzo прелестна: все время мы были в виду и близко от северного Monte Cristallo (3200 метров), с которого спускается обширный ледник. Но экскурсия была крайне неудачна. Под тысячами камней ничего, на тысячах цветов почти ничего, еще менее на берегу озера и прекрасных горных речек. Попалась только одна маленькая *Leptura* на *Parnassia* и обыкновенная *Adimonia* на береговом обрыве, да *Phryganes* и мухи. Растений субальпийских немного: генцианы, *Saussurea*, особый красивый *Epilobium*, *Orobanche*.

Вернулись домой к 7 часам и получили от Рейтера хороший зиб. Больше нет места.

Всей душой твой П. Семенов Тянь-Шанский

На двух прилагаемых картинках увидишь нашу гостиницу в Toblach и озеро Misurine.

Приписка : Милый Андрюша, напиши нам в Триест, какие именно вещи у тебя пропали по милости Матвея. Право же, надо спустить его.

Твоя Е.С.

84

18 августа 1907 г., суббота

Дорогой Андрей Петрович,

От души благодарю тебя за длинное и интересное письмо, которое живо перенесло меня в Заилийский край и привело в восторг и за последующую открытку, которая устанавливает право, права гражданства в Энтомологическом мире за *Cratocephalus Elisabethae*. Оба письма получены нами в Toblach'e, а за отсутствие писем в Мюнхене я не в претензии: мы там пробыли сверх ожидания целую неделю вместе с Шнейдерами и были поглощены миром искусства, почему и Daniel'я я не видал.

Сегодня последний день нашего недельного пребывания здесь на тирольско-венецианском нагорье (Tirolisch Itaianisches Hochland немецких географов). Завтра мы переезжаем в Villach (центр Каринтии в пяти часах отсюда по железной дороге. Villach едва южнее Toblach'a, но он более чем вдвое его ниже (506 метров, вместо 1210) и конечно климат в Каринтии теплее, чем в Тироле.

В Виллахе мы пребудем едва ли более двух дней и оттуда переедем в Гёрц (часов пять езды прямо на юг по новой железной дороге), где уже совсем южный климат. Из Гёрца уже только два часа езды по железной дороге в Триест.

Погода у нас все время была дивная (южное солнце и горная прохлада), и только сегодня испортилась.

Несмотря на поздний сезон и бедность фауны Toblach представлен полной пластинкой энтомологического сбора; кое что, хотя очень немного, дал и зиб, преимущественно *Staphylinidae*, один *Anthicus* и один *Enicmus*(?) в малознакомых мне видах. Всего более дал нам открытый Лизой (под камнями) маленький энтомологический Jagdrevier для карабидов. Здесь мы нашли кроме уже упомянутого мною черного

Abatus (?) еще три вида *Feronid*'ов. Один металлический темно-малинового цвета с довольно широким *thorax* принадлежит к одному из маленьких родов (*Abax*, *Percus*, *Myas*, *Molops*), другие *Poecilus*, вроде *coeruleus*, такого же цвета, но с тремя углубленными точками на каждом надкрыльнике, третий черная *Feronia*, но не *nigra* и не *vulgaris*. Еще попался под камнями тут же один *Elaterid* подобного же цвета, к которому кажется здешние жуки почему-то имеют пристрастие. Еще попалась довольно большая светло желтая *Leptura* — южная форма, похожая на собранные мною в Пиренеях и на Кавказе.

Все это очень мало, но дает тебе наивозможно полное понятие об осенней фауне тиро́льско-венетского нагорья. Удобство Toblach'ского пребывания состояло в том, что здесь мы жили прямо в лесу. Грибов здесь несметное количество: маслята, рыжики и белые грибы, но древесных грибов совсем не было, а в старых маслятах было много личинок *Staphylinidae*, но самих жуков не было. Видел я из пресмыкающихся только одну породу самых маленьких лягушек (*Hyla*?) и одну породу маленькой живо бегалой черной ящерицы. Растений нашлось еще не мало (*Hepatica triloba*, *Paris quadrifolia*, *Helianthemum*, *Ononis hircina* и пр.).

Всей душой твой П. Семенов Тян Шанский

85

Дорогой Андрей Петрович,

Хотя мы приехали благополучно в Триест вечером 24 августа/6 сентября, но потеряли целые сутки, прежде чем могли устроиться комфортабельно в хорошей гостинице (*Volpich Aquilana*), куда наконец переехали в просторную, изящную комнату с балконом (лучшую в гостинице), где мама не так страдает от жары. 26 августа был день воскресный, за границей вообще потерянный. Хотели сделать вылазку в находящуюся к юго-востоку от Триеста прекрасную бухту *Muggia*, но пароход был так набит, что сесть в него нам не удалось. Пришлось по спасению нестерпимого жара, взять коляску и отправиться вдоль берега моря на юго-восток, т. е. от Триеста. Экскурсия была неудачна. Берега моря так закованы и загорожены у Триеста, что доступа к ним нет, и когда наконец мы вырвались к берегу до свободного прибоя волн, то там в энтомологическом отношении ничего не оказалось, а затем быстро начало смеркаться.

27 августа/9 сентября наша вылазка оказалась немного счастливее. Мы вознеслись на электричестве зубчаткою в гору до ее конечной станции Опчина. Здесь нашли немного дикой природы, некультивированные площади с дикою растительностью, чрезвычайно каменистую. Здесь я сделал маленький энтомологический сбор, отчасти под камнями, отчасти на стенах ограды: два карабида (*Calathus* 4 экз. и *Brachinus*), два *Staphylinidae*'а (южн. типы), *Othiorhynchus* южн. типа (4 экз.) — *Sphenophorus* и на цветке маленькие *Coccinella*.

Под одним камнем оказалось целое гнездо ос, но ловить их было опасно, подо многими черные сверчки и мириоподы, но ухверток мне ни разу и нигде не попалось. Зибя я с собою в эту экскурсию не брал, но уверен, что зиб дает какие-нибудь результаты. Вообще экскурсия меня окуражила.

Получили почту мы на второй день нашего пребывания (30 писем, да на другой день шесть). Разумеется, для меня самое интересное и возбуждающее, как горный альпийский воздух, было твое. Стало быть, 16 экземпляров оказались действительно *Cratocehenus Elisabethae*. Твой *Carabus transiliensis* и *Korolkovius* я себе ясно не представляю, но смутно помню, что один из них типа *aeneulus*. Очень радуюсь *Notiophilus*'у и всем интересным *Cerambycidae*'ам. Признаю нашу Экспедицию в *Transilens*'и вполне удавшеюся и горячо желаю ее повторения.

Представляю тебе пока взять из моих денег на все необходимые энтомологические расходы.

Отвечаю на один из твоих вопросов. На маму пребывание на высоте немного подействовало, но я гораздо более опасаясь для нее за жару и морские переезды, на меня же это пребывание подействовало может быть немного возбуждительно, так что я мог *попрежнему* выскакивать из экипажа, ворочать камни и т.п. Вообще же на меня невыгодно не действует ни холод, ни жар, ни горный редкий, ни жаркий и влажный морской воздух, но вообще я более утомляюсь когда, по выражению неуклюжего поэта «сыплет пот как град».

Вот почему, учитывая в наших решениях все это вместе с расписаниями австрийского Loup'a, мы пришли к следующим заключениям.

Имея в виду здешнюю жару (22° в 8 часов утра), ехать далее на юг еще невозможно, а так как у нас и теперь в распоряжении только три недели, то по пароходному расписанию мы ни в Корфу, ни даже в Далмацию попасть не можем (вдоль Далмации нет железной дороги). Притом на Корфу и Далмацию стоит, с нашей точки зрения, тратить время и деньги *весною* (март, апрель, май), а не осенью. Таким образом, мы решили употребить недель от двух до трех на поездку из Триеста в Истрию не далее полу-далматского острова Lussin и Полье (южная оконечность Истрии), а также съездить в Венецию (шесть часов езды), куда маме очень хочется.

Потом поедем через Вену в Дрезден, куда хотим прибыть не позже 15 сентября нашего стиля с тем, чтобы вернуться домой не позже 1 октября. Писать же нам пока следует в Триест: маму письма очень утешают.

Всегда душою твой П. Семенов Тянь Шанский

Триест. 28 августа/10 сентября 1907 г.

Милый Андрияша, просто беда с жарою, куда тут ехать на Корфу. Папа страшно увлекается ловлею жуков, я состою при нем, но помощи от меня никакой нет. Страшно жалко, что нет ему никакого помощника и боюсь, чтобы он не соскучился. Может быть, Сережа нас здесь застанет. Это будет очень приятно, а то после Шнейдеров никаких знакомых мы не встретили.

Напиши, что тебе привезти, чтобы хоть несколько поправить убытки после украденного саквояжа. Что Андрей Андреич? Хоть бы написал папе что-нибудь. Я боюсь, что он занят Мме Трубачевой и ея делами, как ты думаешь? и конечно, ни в Швецию, ни куда в другое место не поедет. Конечно, не говори ему о сем моем предположении.

Всего хорошего. Будьте здоровы.

Твоя Е.С.

30 августа/12/сентября 1907 г. Hotel Volpich Aquila Nara

Дорогой Андрей Петрович,

В день отправления твоего письма на 28 августа/10 сентября мы предприняли экскурсию на юго-запад от Триеста в экипаже к великолепному замку и парку Мирамар (бывшему Мексиканского Императора). Берег моря здесь доступен, но закован в каменные береговые сооружения. По лестницам можно спускаться к прибою волн, которые выбрасывают чистые ярко-зеленые водоросли, но в них ничего нет. По дороге выходили много раз, но ни под камнями, ни на камнях ничего не нашли. Парк Мирамара действительно великолепен, но он весь состоит из искусственных насаждений на крутых обрывах экзотических деревьев с тропинками искусственно и искусно

проложенными, но в энтомологическом отношении здесь ничего не оказалось, кроме пауков.

Вообще я прихожу к заключению, что везде, где площади, скаты и обрывы заняты искусственной культурой, никакой энтомологической добычи быть не может.

На следующий день 29 августа/11 сентября пришлось возвращаться к Опчинской подъемной дороге, где по крайней мере есть довольно значительные первобытные дикие площади, до которых культура никогда не касалась. Такие площади я заметил в особенности у последней станции к Опчине. Станция эта называется Обелиск. Около этого Обелиска с одной стороны поднимается в гору натуральный лес из горных сосен, с другой разумеется по плоскогорной вершине того края, который окаймляет море между Триестом и Марамаром обнаженная плоскость (340-400 метров над уровнем моря): каменная, скалистая, поросшая травой и кустарною растительностью.

Это до сих пор единственная площадь, найденная мною для энтомологического сбора близ Триеста. Второй день сбора (о первом я тебе уже писал) дал следующие результаты (под камнями и прямо на деревьях): три Карабида (одна *Feronia* не ординарная и два вида *Calathus* — один в 4 экз.), два вида *Geotrupes* под сухим пометом, два тенебрионида (*Opatrum* и *Penthiacus*), один долгоносик (очень большой) *Otiorhynchus*, два *Chrysomelid*'а (*Timarcha* и *Chrysomela*): всего 10 видов в 14 экземпляров. Еще я взял под камнями 2 экземпляра черных сверчков с отчасти желтыми задними ногами. Еще попался небольшой скорпион. Я его убил, но взять не мог потому что не имел пинцетки. Замечательно, что 10, собранных 29 августа и 7 видов 27 августа все между собой различные, а из 17 только один признан мною за наш обыкновенный вид (*Calathus*). Много кузнечиков и бабочек, но я их не ловил. Уховертки — ни одной.

Попробую еще одну экскурсию туда же, а потом поедем в Porto Rosa на берег моря в Истрии, гораздо южнее Триеста. В сосновом лесу собрали много зиба, но в нем *ровно ничего* не оказалось.

До следующего письма.

Душою твой П. Семенов Тянь Шанский

Пишите все Triest Post-lagernd. Сегодня 12 часов. Мама так радуется Вашим письмам.

П. Семенов Тянь Шанский

Мы оба совершенно здоровы. Мама почти избавилась от кашля и благодаря прекрасной комнате не страдает от жары и спит хорошо; а от 12 до 3 никаких экскурсий делать нельзя.

Милый Андрюша, мы телеграммы не присылаем, потому что вы из писем все знаете, и что надо все писать сюда, по крайней мере до 10-12 сентября. Письма сюда идут четыре дня.

Е.С.

31 августа/13 сентября 1907 г.

Дорогой Андрей Петрович,

Вчера мы в Триесте делали третью экскурсию по подъемной дороге в Опчину до станции Обелиск, на плоскогорие. Как и в прошедший раз мы выезжали из Триеста в 3 с 1/4 часа по полудни, так чтобы начать самую экскурсию не ранее 4 часов по полудни (ранее солнечный припек делает ее невозможной) и расхаживали по обширному плоскогорию до сумерек, т. е. до 7 часов, — поднимая сотни камней, так как

только под ними и редко на газоне можно что-нибудь встретить. Цветущих растений и кустарников множество, но на них ничего.

В этот день экскурсия, вероятно случайно, несмотря на наибольшее старание, не была счастливая, но все таки я набрал 14 экземпляров: три карабида (в том числе один *Harpalus* в двух экземплярах не бывший в прежнем сборе), два *Tenebrionidae*, (тот же *Opatrum*), один *Curculionid*, не бывший в прежнем сборе (*Lepyrus*), остальные *Chrysomelidae*: 4 экз. той же *Timarcha* и 3 *Chrysomelae* (две не были в прошлом сборе, повидимому обыкновенные, да еще один синий клоп. Еще раз попался скорпион, побольше прежнего — зеленый, было много сверчков, но ухверток совсем нет.

Сегодня 31 августа мы с 10 часов утра выехали морем на более дальнюю экскурсию в Porto Rosa (на целые сутки). Место это в $2\frac{1}{2}$ часах езды на пароходе к югу, юго-востоку от Триеста. Тут превосходное и быстро развивающееся морское купанье, которое впоследствии может быть будет конкурировать с Аббацией.

Погода была чудная, море было тихое светло-голубое сверху, а вода прозрачно-зеленого цвета аквамарина. Публики на пароходе было не особенно много: распевал итальянские народные песни тенор, с лучшим голосом и манерою, чем многие из наших сценических теноров.

Porto Rosa прелестное место, в здешних садах, разведенных особенно в последнее 30-летие, растительность почти субтропическая, но природа отошла на второй план: ее уцелело очень мало и на горных скалах ее вытеснили виллы, сады и виноградники и по морскому берегу, где все занято маленькими участками морских купален. Потому наша экскурсия продолжавшаяся от 3 часов до сумерек не дала никаких результатов и только в прекрасном искусственном саду гостиницы нам удалось найти трех колеоптеров. Это были: *Procrustes coriaceus*, один *Staphylinidae* (самый большой из западных, который водится и в Крыму, и маленький жучок, которого Лиза нашла в кипарисовой тиши.

На горе, где мы переворачивали сотни камней, ничего, кроме одного большого совершенно черного скорпиона, которого я убил, но не взял. Ящериц встречали хотя не много, довольно больших, серых. Вечером на яркий свет газовых фонарей и на белые салфетки, которыми были покрыты столы балконов, не летело ничего. Летучих мышей менее чем в Триесте, где их очень много. Птиц незаметно.

1/14 сентября ночевали в Porto Rosa. В $7\frac{1}{2}$ часов утра я вылез на экскурсию, но солнце с 8 часов уже так припекало, что я утомился очень скоро, да и результатов *никаких*. Уезжаем отсюда на пароходе в $1\frac{1}{2}$ час. по полудни и вернемся в Триест в нашу прекрасную комфортабельную комнату. Небо безоблачное. Жара ужасная.

Всею душою твой П Семенов Тяг Шанский

Попроси всех наших писать чаще нам письма в Триест. Они маму, которая очень страдает от жары, несказанно утешают. Даже я устаю под лучами жгучего солнца¹³⁷.

¹³⁷Это последнее письмо Андрею Петровичу из Триеста. Перед отъездом в Вену и Дрезден Петр Петрович и Елизавета Андреевна съездили на несколько дней в Венецию. Эту поездку он описал в письмах к Варваре Петровне Шнейдер:

В очаровательной Венеции мы провели всего только три дня. Разумеется, мы поспешили в *Magia Formosa*, на посещение Св. Варвары, которая в своей неувядаемой юности и красоте показала нам еще привлекательнее, чем когда-либо. Живое я вспомнил и о Вас, не потому только, что Вы носите ее имя, но и потому, что если бы бессмертный Пальма встретил Вас при Ваших посещениях Италии, то признал бы в Вас ту, которая внушила ему его величайшее художественное произведение.

Все время нашего пребывания в Венеции я посвятил *окончательному* изучению столь любимой мною венецианской школы в превосходном музее, церквях и у фотографа Науа, с которым сошелся. И мне кажется, что я пробыл эти три дня не в современной Венеции, а в гостях у морской царицы XV и XVI веков, посреди богатства и роскоши

чертогов, куда я нашел доступ, может быть, потому, что глаза мои прозрели на все великое и бессмертное только с тех пор, как я достиг среднего возраста венецианских дождей. (Они обыкновенно избирались не моложе 70 лет, а Генрико Дандоло было 94, когда он взял Византию во главе венецианского флота.)

Только в Венеции можно вполне изучить венецианскую школу, как в Мадриде — испанскую. С другими, даже и итальянскими, венецианские музеи и знатоки искусства мало знакомы. Науа, который так превосходно воспроизвел художественные произведения Венеции, не держит никаких фотографий, кроме Венецианских, и для других итальянских рекомендует Андерсона в Риме.

Тоже и Museo della Accademia имеет громадное значение только для венецианской школы. Нигде нельзя встретить таких Тицианов, как «Введение во храм Божьей Матери» и Ее Вознесение, и таких чудных Беллини, как в особенности три из его мадонн. Нигде так художественно не характеризованы роскошь и богатство Венеции XVI в., как на громадной картине Paolo Veronese, изображающей пир у Симона Фарисея. Наконец, после Св. Варавары лучшее произведение Palma Vecchio также находится в венецианском музее. Но конечно, после поименованных chefs-d'œuvre самый интересный есть история Св. Урсулы Vittore Carpaccio, состоящая не из шести, а из девяти громадных картин, в особенности интересных в своих бесчисленных деталях. Много бы Вам еще сообщил о Венеции, но отлагаю до свидания, так как завтра мы уже выезжаем в Вену.

88

14 /27 сентября 1907 г. Вена

Дорогой Андрей Петрович,

Второй день нашего пребывания склонился уже к вечеру, и завтра 15/28 сентября рано поутру мы уже делаем наш переезд в Дрезден. Оба утра этих двух дней я посвятил зоологическому музею и думаю, с успехом.

Гангльбауэра я к сожалению не застал: он уехал на съезд натуралистов, бывший в Дрездене, и затем по музеям, вернется только в октябре. Зато я чрезвычайно сошелся с молодым Гольдгаузом (Dr Karl Holdhaus)¹³⁸ 25-летним, но чрезвычайно основательным энтомологом, высоко ставящим в своей науке географию. Он специалист по ортоптерам, а из колеоптеров по *Scydmaenidae* и *Pselaphidae*, которые составляют его гордость в Венском музее, потому что главным образом им собраны и разработаны. В Италии он открыл много новых видов в особенности слепых: он мне объяснил в подробности, где и как их отыскивать.

Только по этим двум семействам Венский музей несравненно богаче нас, по остальным он (разумеется, в палеарктических формах) нам уступает. Кроме общераспространенных европейских форм. Редкие *Pselaphidae* и *Scydmaenidae* водятся только в горных местностях, все равно, высоки или низки эти горы и находятся ли они в северных или южных широтах. На наносной почве их нет, и в особенности слепых, которые водятся исключительно под большими камнями, глубоко вросшими в землю и которые приходится поднимать при помощи рычагов (ломов). Но и тут их увидеть очень трудно, потому что поднятие камня заставляет их двигаться (так как они слепые). Следовательно, нужно захватывать землю и потом ее зибировать, пропуская и через мелкие зибы. Обо всем этом Гольдгауз пишет брошюру, которую пришлет нам даже в корректурных листах. Аппараты для сохранения просеянного зоба (пока не выползли из него трудновыползающие слепые насекомые) он мне показывал: они очень просты и выдуманы итальянцами. Гольдгауз показал мне кроме *Scydmaenidae* и *Pselaphidae* все, что я желал видеть, а руководствовался я в этом твоими обстоятельными сообщениями относительно наших последних получений.

Например, *Pedilid*'ов во всем Венском музее оказался один *Pedilus fuscus* и один экзот. *Cratopochrid*'ов конечно совсем нет. Маленькие заметки, мною сделанные карандашом, я не могу разобрать сегодня при вечернем свете. Гольдгауз тебе с глубоким уважением кланяется и очень удивился, когда я ему сказал, что тебе не более

40 лет. Он взялся добыть для нас самую лучшую лупу, у того оптика (Венского) от которого он имеет свою (превосходную) и сам ее выберет, потому что у одного и того же оптика не все лупы одинаково хороши.

Познакомил он меня с лучшим из их коллекторов (Gustav Paganatti-Hummler), привезшим превосходный сбор своего 5-месячного пребывания в Сицилии и Калабрии. Знакомство это я закрепил вступлением с ним в сношения. Он живет в в Vöslau близ Вены.

Вот и лист исписан, мог бы исписать и еще два.

Всею душою твой П. Семенов Тян Шанский

Не предпринимай ничего для пополнения своих утрат. Все уже пополнено.

Милый Андрюша, спроси пожалуйста Пашу, что именно она меня просила ей привести, я что-то подзабыла, кажется пелерину или маленькую тальму, но какую? И какого цвета. И напиши мне в Дрезден, Hôtel Europaischer Hof.

Я уже получила письмо от М-лле Шмальц, которая в этой же гостинице с своей бывшей ученицей, она нас ждут с большой радостью. М-лле Шмальц пишет hurrah!

Папа просит тебя передать Андрею Андреевичу, что он очень благодарит за его длинное письмо, полученное еще в Триесте, и собирается ему написать из Дрездена. Я все думаю о прекрасном жарком, которое у вас бывает по возвращении твоим из Любани.

Пока до свиданья! Всего хорошего, будь здоров.

Твоя Е. С.Т.Ш.

¹³⁸Karl Holdhaus (1883–1975), австрийский колеоптеролог, впоследствии директор Венского музея естественной истории.

21 сентября

Дорогой Андрей Петрович,

Приехали мы в Дрезден в субботу вечером 15/28 сентября и здесь получили не мало писем, между прочими и твое от 14 сентября, а затем еще открытку, по-видимому ты Венского моего письма не получал. Очень поинтересовало меня твое сообщение об осенней фауне Любани; оно очень мне напоминает богатство моих сборов много лет тому на Крестовском острове. Очень порадовало меня то, что Николаев оказался хорошим коллектором; я в этом был убежден из разговоров с ним. Твое отрицательное отношение к Штаудингеру имело последствием то, что я его не посетил и у него не буду. Лучше будет выписать у него, что будет интересного в его каталоге, и к этому прибавить ухверток и немало *Chrysis*. Пока же попробуем получить свою долю от лучшего из колеоптерологов сборщиков Паганетти-Гумлера, с которым я уже сговорился. По крайней мере, получим по возможности полную серию из его 5-месячного сбора в Сицилии и Калабрии.

Тотчас по получении твоего письма отправился в самый дешевый меховой магазин в Дрездене смотреть бобровые воротники. Оказалось что в нем налицо только действительно самый лучший канадский бобр. Все воротники: один действительно великолепный в 3000 марок, другой в 1500. Но он тотчас вызвался выписать из Лейпцига более дешевые камчатские (алеутские). Эти воротники пришли сегодня и цена их 900-700 и самый дешевый 400 марок. Если Валин воротник стоил только 70–80 рублей, то нет ни малейшего сомнения, что в Петербурге можно купить камчатского бобра несравненно дешевле, чем в Лейпциге. Лейпцигский бобр в 400 рублей не лучше, чем бывший у меня на шапке и чем бывший у тебя на воротнике. Остается

еще посмотреть у лучших меховых торговцев в Берлине, но я сильно сомневаюсь в успехе.

Мы выезжаем из Дрездена вечером 23 сентября/6 октября, пребудем в Берлине еще дней пять и во всяком случае постараемся быть в Петербург к 1/14 октября. Просим писать в Берлин Wiesbadner Hof. Я рад что мы пробудем в Берлине не один, а несколько дней; успею быть не раз в Берлинском музее и очень рад был бы посетить и Берлинский естественно исторический музей.

Всею душою твой П. Семенов Тян Шанский

Милый Андрюша, пожалуйста, напиши мне о Паше, что она желает, чтобы я ей привезла. Папа просит тебе сказать, что если б Валя мог достать тебе такой же воротник, как он себе достал, то мы были бы сему очень рады, и папа предоставит Вале на это потребную сумму.

Е.С.¹³⁹

¹³⁹Несколькими днями ранее Елизавета Андреевна писала из Дрездена Александре Петровне Шнейдер:

Милая и дорогая Александра Петровна,

Вот мы и приехали в милый Дрезден, в субботу вечером. Я себя здесь чувствую как рыба в воде, да и Петр Петрович, кажется, доволен. Конечно, если б Вы и Варвара Петровна были с нами, как в Мюнхене, пребывание наше было бы совсем райское. Утешаюсь тем, что *ce qui est remis n'est pas perdu*. В Вене мы пробыли два дня, и Петр Петрович остался очень доволен, он смотрел свои любимые картины и познакомился в Естественно-Историческом музее с одним молодым ученым (фамилию забыла) — энтомологом, от которого он в восхищении и который ему показал много интересных вещей. Здесь мы живем на одном коридоре и даже рядом с Mlle Schmaltz и ее бывшей ученицей Miss Becket, умной и прелестной барышней, и я этому очень рада, потому что это все-таки вариант для П. П., а то все было бы одно мое общество, что наконец должно было одурить. Как ни люби друг друга, но надо и некоторое разнообразие, не правда ли? — Это очень полезно. <...>

В галерею пойдем на днях. Я всегда чувствую, точно визит делаю своим хорошим знакомым, когда хожу по Дрезденской галлерее. Очень мне хочется и в оперу, да репертуар на этой неделе что-то неинтересный, посмотрим, что будет на будущей.

90

27 мая/9 июня. Петербург

Дорогой Андрюша,

Наконец собрался писать тебе. Время идет так быстро, а дел так много, что письмо писалось урывками несколько дней. Наша Амурская Комиссия окончила свое дело в 7 тяжелых и проходивших в таких жарких спорах заседаний, что кто-то назвал их семилетнею войною. Сидели мы каждый раз от 2 часов до 7½ вечера, и кажется больше всех говорил Витте (по 1½ часа). Все таки мы одолели 27 голосами против 16, приняв *всецело* думский проэкт. Теперь дело пройдет еще в общем собрании.

В то же время я был опять вовлечен в вопрос о передаче Ботанического Сада. Князь Васильчиков предложил официально Академию Наук принять в свое ведение Ботанический Сад. Академия и ее Августейший Председатель официально ответили согласием, но Академия избрала *свою Комиссию* для определения условий передачи и просило меня быть председателем оной (члены кн. Голицын, Бородин, Фаминцын, Кузнецов). Мы быстро закончили свое дело (собирались у меня), но этим временем Васильчиков был уволен и на его место назначен Кривошеин, и что будет далее с Ботаническим Садам, мне неизвестно.

Затем Государственная Дума пригласила меня в качестве председателя Главного Алексеевского Комитета в свою комиссию, возникшую по предложении 57 членов: о

помощи лицам, пострадавшим в борьбе с революцией, и их семьям. Мы кончили очень быстро и составили хороший законопроект, внесенный в Думу.

Бюджетные работы Думы и Государственного Совета идут очень успешно. Представление Морского Министерства о броненосцах было отвергнуто огромным единодушным большинством. Лучшие речи были Гучкова и Маркова 2-го. Последний, выражая свои «правые» чувства, говорил с большим достоинством против предложения Морского Министерства. Столыпин, которого роль защитить Министерство была очень трудная, провел ее с тактом, и по-видимому Правительство подчинится в нынешнем году решению Думы без конфликта.

Бюджет уже на половину рассмотрен, так как он рассматривался одновременно и параллельно в обеих палатах. Разногласий между обеими произошло немного, но все таки их придется улаживать одною согласительною комиссиею. Маленькие законопроекты проходят быстро и беспрепятственно, и весьма вероятно, что мы все что необходимо окончим в течение июня.

Были здесь выдающиеся австрийские славяне, из коих самый прославленный Грабарж. Изя напомнил мне, что лет 20 <назад он> бывал у нас с И.И. Соколовым и с увлеченностью играл с нами в винт. Он действительно сам вспомнил об этом с особым удовольствием, когда увидел меня на рауте, данном ему городом Петербургом.

Иностранцев, посещающих мои картины, является очень много.

Как бы охотно я бы отправился в природу на Энтомологическую экскурсию, но нет на это ни времени, ни сил, да и погода неблагоприятная, так на днях, когда мы встали поутру, все крыши были покрыты снегом (22 мая, т. е. 4 июня!). Приходится довольствоваться энтомологическими присылками.

Полученную за день до твоего отъезда от д-ра Крауна из Сардинии (она была собрана на западном Сардинском берегу моря 4 мая) я недавно разобрал. Она заключается в двух железных коробочках и двух стеклянных пробирках. В одной коробочке были жуки, завернутые по несколько в бумажках. В другой мусор со множеством концентрированных жуков вроде Зибана. В двух пробирках крупные жуки в спирту преимущественно три вида *Meloe*. В общем оказалось до 120 видов *Coleoptera* и между ними *Cicindela*, *Calosoma auripunctatum*, большая *Nebria psammoides*, один *Ditomus*, один *Acinopus*, два *Ophonus*'а, 3 *Harpalus*'а, *Diachromus germanicus*, две *Amara*, две *Agonum*, один *Cymindis*, один *Brachinus*. Из водяников один *Cylister*, видов шесть *Staphylinidae*, один *Silph*, 2 *Hysteridae*.

Все тебе приготовленные ящички и т.д. отправлены по принадлежности. Очень радуюсь успешной ловле язей.

Всею душою твой П. Семенов Тянь Шанский

Милый Андрюша, Изя просит написать тебе что то, о чем ты писал, он исполнил сегодня утром, т. е. поставил цветы и положил венок. Цветы закопали в горшках, так как сажать их не стоит в виду того, что будут делать фундамент, и тогда все придется вырыть¹⁴⁰. Теперь только надо поливать их каждый день, что будет внушено сторожу, и я буду посылать проверять его.

Хорошо, что мы раньше не ставили цветов, они бы все погибли в прошлую субботу, когда снег лежал пол-дня с 5-ти часов утра до 3-4 и шел несколько раз, при холодном ветре. Теперь погода несколько поправилась, хотя настоящего тепла еще нет и по ночам очень прохладно, 4–6 градусов не больше.

Саблеры на даче с 17-го, и тетя Оля жалеет, что переехали, приходится печи топить; а у них еще очень хорошая дача. Юрик приехал в прошлый Четверг, вчера обедал у нас с тетей Олей.

Всем передай мои поклоны и приветствия. Всего хорошего и до свидания.

Твоя Е.С.

¹⁴⁰Речь идет о могиле Ольги Петровны, умершей в ноябре 1906 г. и похороненной на Смоленском кладбище. Позже в том же склепе были похоронены Петр Петрович и Елизавета Андреевна.

91

3 июля

Дорогой Андрюша,

Вот мы и в Гремячке¹⁴¹. Совершили переезд благополучно, не выходя из вагона, где было тепло, но не жарко.

Приехали в 9 часов утра, встреченные большою заботливостью «мудрых дев».

В первый же день я дошел до конца липовой аллеи, повернул влево и вернулся по любимой мною Олиной березовой. День был теплый, но не жаркий. Хотя я не могу далеко ходить, но с следующего дня начал улов при помощи Шуры и даже Владимира Андреевича путем кошения и также сбора на пнях. За 2 июля получилась целая пластинка, мною размещенная рядами. Конечно, ничего особенного, но попались четыре *Elateridae*, *Coraebus* из *Buprestidae* и *Tritoma bipustulata*, может быть, и мелочи что-нибудь найдется. *Carabus* пока только *cancellatus*.

Своими занятиями я очень доволен. Каждый день обрабатываю день своего дневника о самом Тянь Шане и более порций не увеличиваю. Одно меня только немного тяготит — это отдаленный легкий шум в ушах, происходящий от анемии в голове (малокровия).

Вот пока все о себе. Очень радуюсь твоей всегда плодотворной поездке в Любань.

Всею душою твой П. Семенов Тянь Шанский

Был у нас Лёля. Посещает нас Сережа¹⁴². Я ему дал баночку и пока маленькую инструкцию.

¹⁴¹В мае 1908 г. Петр Петрович перенес небольшой инсульт, но, оправившись, смог как обычно поехать в Гремячку. На следующий день, 4 июля он писал сестрам Шнейдер:

Милые Варя и Саша,

Пишу Вам это первое письмо из Гремячки. <...> Жизнь моя вошла в свою колею. Каждый день я пишу, и притом с успехом, свои записки, воспроизводя по своим старым выцветшим дневникам подневно свое Тянь-Шанское путешествие, которого каждое событие даже и по записям в дневнике восстает передо мною со всеми впечатлениями, как если бы все это произошло вчера. Удивительная вещь человеческая память. Число уголков, в которых хранятся воспоминания прошлого, неисчислимо, и если человек сберег еще ключ к этим уголкам, то, кажется, ничего потеряться не может и из открытых этим ключом уголков выходят живые свежие образы!

Часа три в день я этим и занят, в остальное время возвращаюсь в действительность: гуляю по саду, наблюдаю мелкие явления природы, занимаюсь энтомологией и дышу живительным воздухом нашего сада, который обойти еще не в силах. По вечерам играю два роббера в вист с Владимиром Андреевичем, посещают нас и наши родные гости: Ляля с сыном, Сережа Грот, Павел Михайлович и Мария Ивановна и Лёля, с которым я говорю о своем сверстнике гр. Толстом, расспрашиваю о всех подробностях его здоровья и жизни в Ясной Поляне.

Очень интересуюсь Вашим житьем-бытьем, о котором мне Лиза читает все, что она от Вас получает. Таким образом, я бываю и с Вами.

¹⁴²В.А.Орлов, тесть Измаила, московский врач. Ляля — племянница П.П. Елизавета Яковлевна Грот (в первом браке Вюрст, во втором Кулакова). Лёля — Леонид Дмитриевич Семенов, внук Петра Петровича. В это время он стал последователем Толстого и работал батраком в деревне недалеко от Гремячки. Сережа — сын племянника Петра Петровича К.Я.Грота, студент Петербургского университета; всего через несколько недель, 26 июля он умер от перитонита.

92

6 июля. Гремячка

Милый Андрюша,

Очень меня порадовало известие о прибытии Гламовой посылки и заинтересовал новый *Cerambycid*. Имею до тебя поручение: захвати с собою от 6 до 10 баночек без цианкалиевых пробок, а с простыми пробками для раздачи девочкам, так как у нас нет никаких баночек и достать их неоткуда.

Попробовали первый зиб, хотя неудачно, но все же кое какая мелочь есть. Я в прогулках свободно дохожу до реки, но наклоняться не могу, а в помощниках мало толку. Только Аричка приносит зибы для моего утешения.

Всею душою твой П. Семенов Тян Шанский

P.S. Записки мои идут вперед понемногу довольно успешно. Вчера вечером был Миша Семенов.

93

8 июля 1908 г.

Дорогой Андрюша,

Конечно твой приезд будет для меня большою радостью, но не меньшей будет и окончание необходимых работ, если они *энтомологические*. Потому приезжай ранее или позднее, как удобно по сезону, лишь бы при мне.

Теперь у нас тепло до 20° и даже 22°, но пыли еще нет и в саду и лесу, а тем более в болоте сыро и хлеба еще не желтеют.

Зибы плохи, а сборы не важные по неисправности собирающих¹⁴³. Очень порадовался получению всех посылок Глама и в особенности *Cerambycidae*.

Всею душою твой П. Семенов Тян Шанский

P.S. Здоровье мое достаточно удовлетворительно.

Прписка Е.А.

P.S. Сегодня был очень благополучный винт, 2 робера и окончился в десятом часу. Играли папа, Владимир Андреевич, Ляля и Шура. Потом пили чай, Ляля уехала, а мы засели на балконе и папа ловил жуков, летевших на лампу и остался очень доволен ловлей. В 12 часов легли спать.

¹⁴³11 июля Андрей Петрович писал Александре Петровне Шнейдер:

Папа уже три раза написал мне из деревни. Последнее от него письмо я получил сегодня. Чувствует он себя хорошо. Им довольна и мама, и доктор. Каждый день он совершает прогулки по саду, причем, как пишет сам, доходит свободно до реки. Собирает насекомых, жалуясь только, что у него плохие помощники (племянник мой Шура — последний из детей Женички, — и тот же доктор Орлов; отчасти Аречка; Верочка к энтомологии не приспособлена).

94

12 июля

Дорогой Андрюша,

Очень прошу тебя захватить с собою только ту последнюю главу моих записок, которую тебе доставил Сережа только что переписанной.

У нас все благополучно и погода прекрасная. Мальчики и девочки начали приносить сборы, которые мы с Аричкой понемногу организовали. В этих сборах попались

несколько *Brychius* и много *Haliphus*, а из прибрежных один экземпляр *Nebsicalus*, которая у нас здесь в Гремячке была ловлена мною только один раз. Под прикрытиями ничего, кроме *Carabus cancellatus*. С поля еще ничего не приносили.

Всею душою твой П. Семенов Тянь Шанский

Милый Андрюша, я тебе вчера написала немного в папином письме, вероятно ты получил. Очень рада, что деревья процветают. У нас здесь просто тропическая жара, очень это неприятно, я раскисаю совсем. И так пока всего хорошего и до свидания! Кланяюсь всем жансам.

Твоя Е.С.

95

7 сентября 1908 г.

Дорогой Андрюша,

Приехали в Петербург благополучно с опозданием на один час. Здоровы. В доме все благополучно. Посмотрел у тебя и себя, получилось ли что по энтомологии. Относительно посылок оказалось:

1. Два ящичка Гламье? тобою уже получены. Заглянул на них и поставил на место, как и последнее письмо его.

2. Коробочку Краусса (жестяную), которую взял себе, а открытку его прочтя положил к тебе. По ней пошлю уплату ему из Берлина.

3. Ящик от Зарудного с 6-ю ящичками, в которые загляну *осторожно* на досуге. Еще интересовался, как с Достоевским.

Письмо Козлова, которое мы осмелились распечатать, потому что оно единственное, из которого можно узнать, где он, как планирует дальнейшее путешествие и как с ним сноситься.

Затем все остальные письма и Drucksachen у тебя на столе нетронутые ждут тебя, все равно на твое так и на мое имя.

Горячий привет графу Михаилу Николаевичу.

Всею душою твой П. Семенов Тянь Шанский

Приписка Е.А.:

P.S. Получил ли ты мою открытку из Москвы, я писала о семенах ландышей и просила тебя собрать и привести мне. Растут эти семена в саду, около пней старых берез, налево перед аллеей, в траве.

96

17 мая 1909 г.

Дорогой Андрей Петрович,

Согласно обещанию спешу написать тебе первое свое письмо, в котором сообщаю из нашей тихой и однообразной домашней жизни все, что может тебя заинтересовать.

От Вибера из Лиона ящичек я получил. В нем оказалось 90 видов (120 экземпляров) в хорошем виде, кроме *Lucanus Musianus*, который развалился, но других не попортил.

Вчера я дал .... коробку для сбора и банку путешественнику Цирусу, аккуратному лицу, который взялся сделать сбор для нас. Он едет на собственный счет, как турист и охотник, собираясь проехать по железной дороге через Манчжурию в Владивосток, оттуда к северу в лесную зону и на побережье, оттуда в Японию и если будет возможность на Сахалин. Коллектор он неопытный, но я старался его по возможности инструктировать. Что возможно привезет и уложит аккуратно.

Получили от письмо от Штаудингера и Бакхааса, что посылку они высылают, но посылка придет только <после> праздников.

Призвали обойщика, снабдили его трипом; после праздников, т. е. со вторника или со среды начнется перебивка твоей мебели, также как и ремонт твоей квартиры (обои и потолки).

Весна подвигается медленно. На тополе только что распустились цветочные почки, а листьев еще нет. Ивы только что начинают немного зеленеть. Все мы благополучны. М-ле Шмальц сегодня завтракает у Принцессы, очень о тебе вспоминает и тебе кланяется.

Всею душою твой П. Семенов Тян Шанский

P.S. Жду твоего первого письма.

Милый Андрюша, сейчас получилась твоя карточка с ирисом, за которую он тебя очень благодарит. Сегодня пришла Рейхардт и принесла собранные ею в Царском Селе *Tussilago* и *Anemone nemorosa*. У нас весна тронулась, но пока еще только распускаются почки, а настоящей зелени нет. Вчера и сегодня тепло и хорошо.

Поклоны всем и до свиданья. Я говорила Мите о щенке, а Миши еще не видала. Женичка тоже еще не была, надо будет и ей сказать. Верочка наверно носится со своей собакой, ну и будет с них одной.

Всего хорошего. Твоя Е.С.Т.Ш.

97

28 мая 1909 г.

Дорогой Андрюша,

Очень заинтересовали меня сведения о весне и природе, сообщенные тобою в письме к маме от 23 мая. *Phytoecia virgula* я, столько мне помнится, не встречал или по крайней мере не отличал, *Deilus fugax* попадался мне, но очень редко. А не находилось ли что в муравейниках? Здесь теперь только что зацвела *Primula*, а ландыши имеются только привозные из Пскова и т.д.

Получил по своему заказу маленькую посылку от Рейтера из 22 видов.

Приходил Редактор Туркестанских Ведомостей Михайловский из Ташкента и принес ящичек со сбором (чьим?), меня не застал, а ящичек у меня. Повидимому это сбор Зарудного, помечен 1908–1909 г.г.

Я посмотрел, конечно, только поверхностно и аккуратно содержимое ящичка. Оно показалось мне хорошо собранным и интересным, хотя не поразительным. Между *Cicindelae* есть мне незнакомые, но тебе вероятно известные. Карабусов и Калозом я не заметил, из остальных карабидов есть кое что.

Следует ли коробку привезти с собой или оставить? Каталог свой экземпляр захвачу.

Всею душою твой П. Семенов Тян Шанский

98

24 мая 1909 г.

Дорогой Андрюша,

Очень благодарю тебя за твое милое письмо от 9 мая, которое для меня было очень интересно, так как оно перенесло меня в майскую природу Гремячки 1909 года. Расцвела передо мною любимая мною *Pulmonaria azurea*, которую я думал, что ты в предпоследнем письме не отличил от *Pulmonaria officinalis*, и *Potentilla*

alba, и *Trollius*, и *Orobus vernus*, и *Anemone sylvestris* — все лучшие цветы нашего второго весеннего периода, обрадовался я появлению редких *Dorcadion*, *Deilus fugax*, *Cyrtotriplas* и маленьких *Histerid*'ов и *Byrrhid*'ов.

У нас природа мало еще развивается. Едва распускаются деревья и только в нашем садике роскошно цветут прошлогодние гиацинты.

Посылку от Штаудингера из Дрездена получил. В ней меня особенно заинтересовали юлдуские Карабусы и китайский *Prionocerus Meoji* (у которого отломилась одна антенна).

Снабдил я свидетельством за своею подписью студента (члена корреспондента Энтомологического Общества), который проведет лето в окрестностях Екатеринбурга и обещал нам собрать кое-что из колеоптеров и уховерток. Получил маленький летний каталог Рейтера и немедленно сделал ему небольшой заказ.

Работы у тебя в квартире потихоньку подвигаются.

Хлопочу энергически о переезде непременно в течение лета Географического общества в новый дом, завел переписку с одной дамой и вступил в переговоры с А.Н. Нарышкиной¹⁴⁴ о возможных, хотя бы и небольших пожертвованиях, написал Министру Финансов, лично объяснился с Столыпным, к которому за этим ездил на Елагин остров. Как оптимист, надеюсь достигнуть какого-нибудь результата и во всяком случае уверен, что к осени Географическое общество уже войдет в полное обладание своим новым домом.

В Энтомологическом обществе, после первого заседания его в новой зале, на другой день я был в нашей новой зале и с удовольствием обозрел эту часть нашего новоселья.

M-lle Schmalz, которую ты победил своим деликатным к ней вниманием и которая тебе очень кланяется, уехала от нас 20 мая, после 5-недельного пребывания, от которого осталась в восторге, со слезами на глазах несмотря на свое мужество.

Когда же в день отъезда она с глубоким чувством говорила о том, какое сильное и отрадное впечатление произвела на нее обновленная Россия с ее несокрушимым величием и прежним неизменным широким гостеприимством, я сказал ей: Je me rejouis que vous emportez avec vous la conviction que la Russie est encore debout malgré tous les maux de la guerre, du cholera et de la révolution. Vous pouvez aussi communiquer a ceux qui s'interrogent à moi personnellement que je suis encore debout malgré la maladie qui m'a frappé.

Вот я и заболтался. До следующего письма.

Твой П. Семенов Тянь Шанский

Сердечный привет милым и деятельным Вале и Косте и всем нашим.

¹⁴⁴Александра Николаевна Нарышкина, младшая сестра Б.Н. Чичерина. Как считает традиция, отцом её мужа Эммануила Дмитриевича Нарышкина (1813–1902) был имп. Александр I. В воспоминаниях об А.Н.Нарышкиной А.П.Шнейдер пишет:

Царская семья звала его *Oncle Emmanuel*, а её *Tante Sacha* — овдовев, Александра Николаевна не утратила своего влияния и положения, которое сначала занимала по мужу, и продолжала быть деятельной как в общественной своей, так и в кустарной деятельности.

Ведя в Петербурге большой *train de vie*, т. к. у нее постоянно бывала вся царская семья, а по этому камертону держались и другие — Александра Николаевна сохранила много простоты, как в обращении с людьми, так и душевной. Она равно любила и умела поговорить, конечно, с оттенками, и с Царем, и с кухонным мужиком.

Александра Николаевна очень часто приглашала к себе на обеды, которые любила давать *en petit comité*, приглашая не столько аристократию, сколько власть имущих правителей — Витте был ее любимцем, часто бывал князь Голицын (Гри Гри), Победоносцев, Тимирязев, барон Корф, генерал Поливанов и др. Вообще общество было более

мужское. <...>

Сама Александра Николаевна ютилась в крошечной проходной комнатке кабинете, стены которого были украшены портретами её друзей, которые она себе заказывала, позволяя себе эту роскошь — тут были подкрашенные пастелью карандашные портреты Серова — Победоносцев, П.П.Семенов, Борис и Вл. Чичерины. Много было фотографий уников, например, великой княгини Елизаветы Федоровны и Государя в разных позах, костюмированных Татьяной и Онегиным, и разных вещиц-воспоминаний. В этом уголке она работала, вышивала, писала письма, принимала друзей.

После смерти мужа А.Н. подолгу жила в своих тамбовских имениях, занимаясь широкой благотворительностью. Расстреляна в 1919 г. в Тамбове (в возрасте 86 лет) при проведении кампании по национализации собственности и выселению бывших помещиков из их домов.

99

6 июня 1909 г.

Дорогой Андрей Петрович,

Наши занятия в Государственном Совете приходят к концу, зато заседания у меня (Государственный Совет и Алексеевский Комитет) почти каждый день, из них последнее будет вероятно в четверг 11 июня, и я выеду в конце будущей недели.

В твоей квартире везде уже окрашены потолки, оклеены обои и красятся окна и двери. Мебель вся готова и в очень удовлетворительном виде. Перебиты и покрыты новым трипом: диванчик, твое любимое кресло, пять дядиных стульев¹⁴⁵ от Андрея Андреевича¹⁴⁶ и два кресла и два стула из гостиной. Перебиты прекрасно (заново) пять дядиных стульев, бывших у тебя в гостиной, и два очень хорошие кресла из твоего кабинета, также как и твоя оттоманка и подушки. Надеюсь увидеть все это расставленным на будущей неделе.

От лионского энтомолога получил любезную открытку и благодарность за присланные деньги.

Из пределов России получил ящичек из Владивостока от Начальника Сахалинской переселенческой комиссии Пальчевского с насекомыми из Сахалина. Я вынужден был откупорить грубо забитый гвоздями ящичек и переложил в наш ящичек осторожно всю посылку, посыпав ее нафталином.

Только на верхней пластинке оказались не-сахалинские насекомые из имения Дубки на притоке Сунфука и из самого Владивостока: *Meloe*, *Carabus granulatus*, *Pterostychus*, *Silpha*, *Hister*, *Staphilinidae*.

Все остальное — 9 пластинок с Сахалина, очень хорошо собранные и обстоятельно этикетированные по местонахождению и времени сбора. Поразительно число бабочек, есть и *Orthoptera*, *Diptera*, *Hymenoptera* (2 шмеля) и два-три *Hemiptera*.

Сбор *Coleoptera* беден и представляет мало интересного. Одна *Cicindela*, *Carabus* довольно большой с золотым ободком, *Pterostychus*, мелкие карабиды, сальфы, *Elater*, *Cetonia*.

Бедность фауны (колеоптерологической) или, лучше сказать сбора, поразительная.

Сейчас получил телефоническое сообщение от А.А. Достоевского из квартиры Я.Н. Ростовцева, куда Достоевский отправлялся от моего имени осведомиться о его состоянии после ужасной катастрофы с аэростатом «Генерал Ванновский»¹⁴⁷. Слава Богу, Яков Николаевич, хотя и лежит в постели после ужасного потрясения, но состояние его здоровья вполне удовлетворительно и никаких повреждений у него нет. Спасся он совершенно чудом только потому, что выбрался из лодки вверх по веревкам и прицепился к шару, а не оставался в лодке, которая билась о землю при конце полета. Впрочем, все подробности ты уже прочел в газетах. Только сегодня я получил твое милое и интересное письмо, которое разберу понемногу.

Твои же поручения конечно исполню аккуратно. *Catalogus coleopterus* я уже отослал с своими книгами вчера.

Всею душою твой П. Семенов Тянь Шанский

¹⁴⁵Речь идет о мебели, перевезенной из имения покойного дяди Петра Петровича Н.Н.Семенова Никольского, которое он унаследовал еще в 1894 г. после смерти его вдовы Л.А.Семеновы. Это имение было продано в 1907 г. (см. выше письмо 82).

¹⁴⁶Т. е. из комнат, занимаемых А.А.Достоевским на 3-м и 4-м этажах семеновского дома.

¹⁴⁷А.А. Достоевский подробно описал эту катастрофу в написанном в тот же день письме Андрею Петровичу:

Дорогой Андрей Петрович!

Ты уже знаешь, должно быть, из газет о том, что Яша каким-то чудом спасся от смерти. Они поднялись благополучно: Яша, муж и жена Палицыны и офицер-командир шара Герман. Накануне, впрочем, этот же «Генерал Ванновский» не мог лететь по случаю какой-то порчи. Перелетев через Неву в Шлиссельбургском участке около фабрики Торнтонна, он стал спускаться очень быстро. Сначала не понимали в чем дело, и Герман, как Яше кажется, сказал, что шар будто падает. Яша бросил балласт. . . и, увидев себя невдалеке от деревьев, инстинктивно схватился за канаты, за которые он все время придерживался, взобрался по ним насколько мог примерно на рост человека, обвился за них ногами, закрыл глаза, чтобы не чувствовать падения. . . его чем-то ударило по левой ноге. . . Минут через пять он встал и увидел Палицына, издающего предсмертный хрип, и М^{ме} Палицыну со страшно перебитой рукой. Прошло полчаса, собрался народ, крик, гам, шум, и Яше же пришлось наводить порядок. На носилках снесли мертвого Палицына и искалеченных Палицыну и Германа в больницу при фабрике. Яша вскоре был вывезен оттуда в город на автомобиле самим Торнтонном.

Я не могу без нервного содрогания представить себе тот ужас, который должен был пережить и Яша, и его несчастные товарищи.

Газетное сообщение, что будто бы кто-то из сидевших в корзине по неопытности дернул за веревку, сообщавшуюся с разрывным клапаном, и это будто бы мог сделать именно Яша, взбираясь по канатам, — не верно. Яша утверждает, что этого быть не могло. Он видит причину аварии в плохом состоянии шара и в том, что по его наблюдениям в оболочке была совершенно новая дыра. Попросту говоря, шар, должно быть, лопнул, будучи старым и не раз чиненным.

Миша [*Речь идет о Михаиле Николаевиче Ростовцеве, брате Я. Н. Ростовцева.*] испытывал тяжелое состояние, когда, проводив шар, он, следя за ним, заметил, что на порядочной уже высоте он начал «полоскаться», т. е. в нем появилось какое-то углубление. Сообразив, что дело неладно, он сел на первого извозчика и поскакал за шаром, затем упустил его из вида и по расспросам свидетелей добрался до места катастрофы спустя около часу после нее.

Милый Яша, скрывая свое потрясение, все-таки выказал свою чисто-русскую натуру — отнесся к этой истории чуть-чуть с юмором. Когда я спросил его, какое чувство он испытывал, когда начал подыматься, — он, отвернувшись от других, сделал в мою сторону такую рожу, что трудно было удержаться от смеха, а потом довольно громко и своим неизменно категорическим тоном произнес: «Чорт с ним! Я больше не полечу на этом пузыре!»

Днем он себя чувствовал хорошо и говорил, что ничего не болит, а по вечерним сообщениям — ему как будто неловко ходить.

Телефонные звонки не переставали, посетители шли непрерывно.

Сегодня весь день нахожусь под впечатлением этой катастрофы. < . . . >

15 Июля 1909 г.

Дорогой Андрюша,

Руководствуясь повернутой мною на шыворот французской пословицей «се qui est retardé est perdu», я предпринял первую мою экскурсию в Казачье во вторник 14 июля с 9-го часа утра. Погода была дивная. Температура часа в 2 по полудни доходила до 23 R. Травяная растительность на опушке была еще очень хороша и украшена

чудными букетами розовых мальв, темно-голубыми султанчиками *Veronicae spicata*, синими с зеленью генцианами (*Gentiana cruciata*), светло-лиловыми скабиозами, весенними желтыми *Verbascum thapsiforme* и цветными группами зверобоев *Hypericum perforatum*. Кошение дало нам впрочем мало результатов: однажды попался маленький *Agrius* и еще кое что интересное из маленьких жучков и *Hymenoptera*. На южном песчаном склоне где отцветали *Jurinaea*, мы нашли ожидаемых анизоплей, и вообще улов был беден, даже обыкновенно столь многочисленных там ящериц я не заметил.

Когда же мы дошли, следуя вниз у подножия ската до глубокой водяной ямы, питаемой подземным родником, мне вздумалось отдать маме свой сачок для ловли водяных жучков. Результат оказался очень удовлетворительным, и тогда мне пришлось в голову собрать улов в самой Ранове. Мы подошли там, где берег образовал крутой обрыв, как сверху воды, так и под водою. Результаты превзошли все наши ожидания не количеством, а качеством. Попались нам разные *Haliphus*, *Hydroporus*, *Dytiscidae*, *Gyrinus* и четыре экземпляра *Brychius*. Оказалось, что *Brychius* живет там, где под водою есть крутые обрывы, и мне кажется, что *Omophron*'ы живут в таких же обрывах над водою, и тогда понятно, что они нам никогда не попадались, потому что обрывы эти, падая круто в воду, доступны только для крестьянских мальчиков, которые достигали их купаясь и переходя реку вброд. Причем они разрушали береговой обрыв, сбрасывая землю в воду и вытаскивая *Omophron*'ов уже из воды.

Улов в Казачьем занял у меня целую пластинку. В тот же день, когда мы вернулись домой, при +23° к нам на стену балкона прилетел *Cicindela germanica*.

Очень обрадовались открытке от мамы. В тот же день (вторник) приезжала Надежда Павловна, которая пробыла у нас часа три.

Миша Николаевич не был, но обещает приехать на днях обедать.

Вот и все, что могу сообщить интересного.

Всею душою твой П. Семенов Тянь Шанский

101

12 августа 1909 г. Гремячка

Дорогой Андрюша,

Получил на днях твое письмо и отвечаю на него удосужившись сегодня. Имя художника написавшего прекрасную ночную картину «Отречение Петра» *Герард Зегерс* (Gerard Seghers), которого не следует путать с Герардом Гонтхорстом, автором картины «Исав, продающий свое первородство за блюдо похлебки» (у меня в большой зале).

Герард Зегерс фламандский художник, родом из Антверпена, современник Рубенса, но несколько его моложе, а Герард Гонтхорст голландский художник из Амстердама. Оба (Зегерс и Гонтхорст) имеют между собой то общее, что развились в начале XVII в в Италии, под влиянием самого талантливого из натуралистов итальянской школы Караваджо и что оба они (Гонтхорст и Зегерс) очень охотно писали картины при ночном освещении, почему Гонтхорст получил у итальянцев прозвание Gerardo della notte. Герард Зегерс по возвращении своем из Италии застал Рубенса уже в апогее его славы, но не был поглощен его школой, а оказался одним из самых выдающихся независимых от него художников и пользовался также большой славой.

Картина соседняя с картиной Зегерса принадлежит кисти *Яна Бронкхорста* (Jan Bronckhorst), очень хорошего ученика Герарда Гонтхорста.

Перехожу теперь к Гремячке и природе. Погода у нас в августе идеальная. Дожди перепадают по ночам, а днем солнце и тучки. Все зелено, и луга и деревья, в природе еще много цветов. Между прочим, в верхнем саду цветет *Echnopsis sphaerocephalus* в

одном большом роскошном экземпляре, целая группа *Eryngium planum*, полевые маргаритки, роскошные экземпляры *Linaria vulgaris*, некоторые *Campanula*, еще немало зонтичных, немного *Hypericum*, *Serratula tinctoria*, *Cychorim intybus* и т.д. В нашем лесу, где я был на днях, также еще все зелено и много цветов. Между прочим, прекрасный экземпляр *Cirsium acanthoides* в полном расцвете, *Spyraea ulmaria*, *Hieraceum umbellatum*, *Origanum vulgaris*, *Anthemis tinctoria*, но *Hypericum* все исчезли.

К сожалению, ни кошение, ни зиб не дали мне никаких результатов. Под прикрытием в саду тоже очень мало, но под камнями кое что осталось. Между прочим, несколько *Chlaenius* двух видов и даже *Carabus granulatus*, которого мы впрочем упустили. Кое что было и в зибе из акациевой аллеи и заречной части сада.

На птицу (хищника) в аппарат поймали один вид *Necrophorus*'а, один *Saprinus* и бесчисленное множество *Staphilinidae* и один экземпляр *Creophilus maxillosus*. На грибах кое что попадает, но мало. Но конечно, без энтомологических помощников я сам могу мало сделать, хотя Иза помогает мне на все руки.

Вот еще что я хотел тебе написать. Мама вероятно приедет в Петербург между 21 и 25. Я бы желал, чтобы кто-нибудь сопроводил ее в деревню: это можешь быть либо ты, либо А.А. Достоевский, либо М.Н. Ростовцев. Иначе я буду очень беспокоиться об ее переезде, тем более, что она себе повредила ногу.

Всю душою твой П. Семенов Тянь-Шанский

102

20 августа 1909 г. Гремячка

Дорогой Андрюша,

Мерси за твое милое письмо от 16 августа. Очень порадовался твоей поездке в Финляндию и твоему препровождению времени посреди природы. Перенесли меня в дни моей юности чаровавшие меня не менее, чем Линнея, розовые цветы и прохладительные ягоды мамыры (*Rubus arcticus*) и очень заинтересовался я вашим богатым уловом форелей и хариусов, а еще более скромным уловом *Plateumaris Weisei*, которую я никак не ожидал на *Caltha palustris*.

Теперь перехожу к Гремячке. Август у нас положительно сделался жарким и пыльным, но по временам все таки spryskivaet прохладительный крупный дождь перемежающийся с солнцем, и погода дивная. При всем том наступает прекрасная осень: с шумом валятся на землю желтые листья, но поле и сад не опустели. В поле еще не убрано просо, а в саду на ярких лучах солнца созревают красивые яблоки, от которых ветви яблонь наклоняются к долу, трудно поддерживаемые жердями. Цветов еще много на лугу, в прилесках и на болоте; а предо мною в розовой вазочке стоит чудный густой букет так любимых мною парнассий. Все наши цветники и огород в полном блеске: тысячи золотых рутбекий, разноцветных далей, душистых горошков, а маленький флигель весь утопает в цветах и зелени. На огороде так и жужжат на цветах пестрые разнообразные мухи, пчелы, шмели (кроме красивых, но мне знакомых, еще маленькие, мне не очень знакомые) и порхают бабочки.

Но энтомологические сборы не особенно удачны за отсутствием помощников и ограничиваются водяными уловами под моим руководством Арички (твоим черпаком, к которому она приловчилась) и ловом на лету на болоте и гумне Изи (сачком) и наконец однообразным прилетом многочисленных *Aphodidae* на лампу, на которую неожиданно прилетел красивый *Necrophorus*.

Вчера вечером продолжительный и зловеющий звон набата возвестил нам о двух один за другим пожарах — в Мураевне сгорели в разных местах гумно и две избы.

Вчера поутру приехала к нам давно ожидаемая гостья Мше фон дер Коп. Я показал ей очень меня обрадовавшее тобою пересланное письмо Олофа Гринберга. Оно ее крайне заинтересовало тем, что два старые человека, никогда друг друга не видавшие, могли так сердечно подружиться на своей любви к изучению голландской живописи, составлявшей в XVII веке душу голландского народа.

Записки мои идут быстро вперед. Я дошел уже до 250-й страницы и радуюсь, что начал писать записки этого периода только в день 50-летия учреждения Редакционных комиссий, т. е. в феврале 1909 года. Ранее слишком поглощенный еще настоящим, я никак не мог бы так углубиться в давно прошедшее и так ясно и объективно понять и обнять все, что происходило в то время.

Вот и записался.

Всею душою твой П. Семенов Тян Шанский

Нежно поцелуй за меня маму. Я написал ей вчера открытку.

103. П. П. Семенов-Тян-Шанский — Е. А. Семеновой-Тян-Шанской

<начало июля 1910 г.>¹⁴⁸

Дорогая, милая, любимая Лиза, ты помнишь, как я объяснял знатному молодому иностранцу, как можно быть счастливым и в старости и почему стоит жить на свете. Для иллюстрации моего тезиса постараюсь описать тебе, например, как я провел сегодняшний день. Встал около 8½, и так как день был прекрасный, совершил прогулку через аллею и по верхнему саду. После простокваши и чая пошел писать и, углубившись в свои записки, восстановил для потомства очень удачно несколько интересных личностей эпохи освобождения. Потом пошел к завтраку на балкон и там встретил почту с твоей всегда милой и дорогой открыткой, в которой высказывается вся твоя любящая и горячо любимая душа. Потом, когда молодежь разъехалась в две стороны (К<арево> и Алмазовку), несмотря <на то>, что грозовая туча приближалась и хляби небесные готовы были разверзнуться, я остался со Шнейдерами в нашем Ноевом ковчеге, и <мы> с наслаждением изучали по фотографиям милых нам Венецианцев и переносились живо в итальянскую жизнь XV и XVI веков¹⁴⁹.

После чая лег отдыхать, а затем, после того, как собрались в наш Ноев ковчег *les naufragés de la долгушка*¹⁵⁰, мы обедали в числе 12 все-таки на балконе, при божественной прохладе теплого дня, вечером с Лялей и Митей¹⁵¹ играли в винт, а теперь я заканчиваю вечер письмом к тебе, моей милой, неоцененной, в надежде, что ты здорова, спокойно отдыхаешь и о нас не тревожишься. Завтра посылаем на почту за получением багажа и твоей милой открыткой, а также посылаем через Москву хитроумную за чаем придуманную поздравительную телеграмму Косте и Салу¹⁵².

Вот как тихо и безмятежно проходят наши дни.

Всею душою твой, беспредельно тебя любящий

П. Семенов-Тян-Шанский

¹⁴⁸Мы не располагаем письмами Петра Петровича Андрею Петровичу за 1910 г. Этот пробел отчасти восполняет его июльское письмо жене. После инсульта в 1908 г. Петр Петрович больше не ездил за границу; Елизавета Андреевна поехала одна и была в это время в Белладжио на озере Комо.

¹⁴⁹Через месяц, 9 августа 1910 г. Петр Петрович писал Варваре Петровне Шнейдер:

Дорогая Варвара Петровна,

После Вашего отъезда и опустения Гремячки я направил все свои мысли на окончание своих записок, которые мне наконец и удалось кончить (разумеется, только вчерне) ко вчерашнему дню (8 августа). Теперь перехожу к новому фазису своей работы: перечитываю, поправляю и дополняю. Только теперь и дела и люди представляются мне

воскресающими в своем полном величии из полувекового тумана. Только теперь чувствуешь, что никто из деятелей великой эпохи не уйдет и от суда мирского, как не уйдет от Божьего суда.

А мне теперь остается только погасить свою лампаду и благодарить Бога за то, что Он меня свидетелем многих лет поставил и книжному искусству вразумил, тому книжному искусству, которое позволило нам с Вами углубляться в историю древнего Рима и находить аналогии и различия в аграрных столкновениях между патрициями и плебеями в Римской Кампанье и в Великолукской Черноземной равнине.

Простите, что я занял обе страницы моего письма только тем, что у меня на уме, и только на третьей перехожу к тому, что у меня на душе.

Лиза пишет мне каждый день и сегодня уже уезжает из Белладжии и потихоньку направляется в родную Гремячку. А Вы знаете, какое желание она более всего высказывает и лелеет: это чтобы Вы вернулись к нам до нашего отъезда и не разлучались с нами до нашего возвращения, которое, конечно, будет соображено с Вашими желаниями и потребностями.

Всею душою Вас любящий П. Семенов-Тян-Шанский

¹⁵⁰Потерпевшие кораблекрушение (*фр.*); долгушка — деревенский экипаж, род линейки с двумя продольными сидениями спина к спине.

¹⁵¹Е. Я. Грот (Кулакова) и Д. П. Семенов-Тян-Шанский.

¹⁵²К. Я. и К. И. Грот. 4 июля — день рождения Константина Яковлевича.

104

1 августа 1911 г.

Милый Андрюша,

Сегодня получила все твои карточки, т.е. моя одна и папиных три. Изя тебе верно все рассказал про нас, что приедет Варвара Петровна и что она очень желает с нами вместе вернуться в Петербург¹⁵³. Папа очень доволен, и я вчера с его слов написала Варваре Петровне утвердительный ответ. Так что нам будет большая компания, и больше вместить в вагон будет неудобно. Я сегодня, опять-таки с папиных слов, написала Мите, что мы конечно были бы рады видеть Аричку и жену Миши, но что мы не можем поместить их в вагон, так как у нас такая большая компания (всех 10 человек), и все одни женщины. Я написала все это как можно деликатнее, так что надеюсь, что Митя не обидится. Вот это всегда так бывает. То нет никого, то все сразу привалят.

Я так довольна, что англичанка у нас¹⁵⁴, а то мне было бы почти невозможно и за детьми присматривать.

Пожалуйста, передай сию открытку Изе.

Веня теперь будет пребывать в Veldes, не знаешь ли ты, до каких пор, когда он будет в Риме и на сколько времени и когда он вернется, захватив своих из Veldes¹⁵⁵. Хороши рассуждения и заключения Тимашева о том, что мы богатые люди и следовательно ничего не надо давать на командировку. Напрасно Веня тогда не ушел в другое министерство, когда у него был случай.

Пока до свиданья. Твоя Е.СТШ

Милый Андрей Петрович,

Хотя мы с мамой обыкновенно не знаем, с какой стороны к тебе приступить, но я обыкновенно беру на себя трудную задачу выражения наших всегда тождественных относительно тебя желаний. А желания эти состоят в том, чтобы ты поехал в Рим¹⁵⁶ и там между прочим заказал себе и Вене фрак. И на это мы ассигнуем вдвоем от 400 до 500 р.

Всею душой твой П. Семенов-Тян-Шанский

Извести о том, когда конгресс, для соответствующих своевременных распоряжений.

¹⁵³Неделей раньше Петр Петрович писал Варваре Петровне Шнейдер:

Дорогая Варвара Петровна,

Сегодня 60-летний день моего магистерского и служебного юбилея. Поздним вечером я при огне плохо вижу, и милая Лиза пишет под мою диктовку. Наш август выяснился с сильным дефицитом. Нас покидают в конце нынешнего месяца Андрияша, Изя, Надя и Анна Алексеевна и М^{lle} Бок, остаются на попечении Лизы все дети, к которым, впрочем, приезжает Miss Florence, говорящая англичанка, посещавшая их зимою. А Владимир Андреевич (отец Нади) останется у нас только до 10 августа, а затем мы сиротеем, и даже некому нас буксировать на паровоз. Вы поймете, следовательно, какое доброе дело вы бы сделали, если б Вы нас выручили в столь критический момент нашей жизни, так как мы даже назначили *приблизительно* день нашего отъезда отсюда от 25 до 28 августа. Конечно, есть некоторые шансы, что мои внуки приедут к нам, но при сомнительном состоянии здоровья Верочки она может и не приехать, а тогда Аречка не оставит ее, да и помощь от них нам минимальная. Но вопрос, будете ли Вы достаточно свободны для посещения жаждущей Вас Гремячки?

¹⁵⁴В семье Измаила Петровича жила гувернантка Миссис Флоренс, занимавшаяся воспитанием детей.

¹⁵⁵Семья Вениамина Петровича отдыхала в это время в Аббации. Предполагалось, что он поедет прямо оттуда на Географический конгресс в Рим.

¹⁵⁶Речь идет о поездке на Международный Географический конгресс в Риме. Конгресс первоначально планировалось провести осенью 1911 г., но затем он был перенесен на март 1913 г. из-за шедшей в это время Итало-Турецкой войны. Вениамин Петрович был членом официальной Русской делегации; Андрей Петрович в Рим не поехал.

105

22 августа 1912 г.

Дорогой Андрей Петрович,

Очень меня порадовало твое полное живого интереса письмо с известиями о сборах Кириченко¹⁵⁷ и Зарудного.

Такая редкость, как *Oxycorythus <morawitzi> Sol.*, и новые виды, такие интересные, как *Phytoecia*, *Chrysobothris*, *Acmaeodera*, *Deracanthus* — почти неожиданные находки, объясняемые раннею весною.

Что же касается до сборов Зарудного, то ему и книги в руки. Относительно мнимого прозрачного карабида я был уверен, что это *Tentyrid*, которые вообще обнаруживают склонность к прозрачности. Зато до крайности интересны новые виды, *Nemoryx*, другой новый *Chrysobotus*, вероятно, красивые *Cleonus*, твой *Clema*, *Argyrophana*, твоя *Sphenaria*. Наконец попался и *Prionus*. Очень интересно для меня посмотреть на твою *Sympiezocnemis bufo ASTSh*.

Что до нас Гремячинских касается, то нам было очень хорошо. Погода идеальная, и дожди, и солнце; природа ободрилась, цветы в саду представились в своем полном блеске, насекомые очевидно начали выходить из своих личинок, но конечно уже я не в силах делать сборы, как прежде: и глаза, и ноги не слушаются.

Шаховских я обрадовал, объявив им Высочайшее повеление об их пенсии. Из гостей нас навещали Шаховские, Миша Семенов, поехавший все таки в Бородино¹⁵⁸ и Москву и прибывший вчера Николаевский. Павел Михайлович заболел от неосторожно принятого лекарства, а Верочка повредила себе ногу, и урусовский доктор был у нас и оказался очень порядочным хирургом.

Надеюсь, что последняя неделя наша в деревне будет очень привлекательною.

Всей душой твой П. Семенов-Тян-Шанский

¹⁵⁷Александр Николаевич Кириченко (1884–1971) энтомолог, специалист по полужесткокрылым. Доктор биологических наук (1934), профессор (1939).

¹⁵⁸М.Н.Семенов поехал на празднование 100-летней годовщины Бородинской битвы как бывший измайловский офицер; его дед П.Н.Семенов, также измайловец, был участником Бородинского сражения.